

Российская Федерация

Ямало-Ненецкий
автономный округ

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВЫПУСК № 6 (37)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ В ЯНАО В УСЛОВИЯХ
МОДЕРНИЗАЦИИ**

(К 75-ЛЕТИЮ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА)

САЛЕХАРД
2005 г.

Российская Федерация
Ямало-Ненецкий автономный округ

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск №6 (37)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ЯНАО
В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ**

(к 75-летию Ямало-Ненецкого автономного округа)

Редакционный совет:

Сайфитдинов Ф.Г. —
первый заместитель Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа,
председатель редакционного совета

Артеев А.В. —
заместитель Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа,
заместитель председателя редакционного совета

Члены редакционного совета:

Алексеев С.Е. —
начальник отдела координации научных исследований департамента информации и общественных связей
Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа

Беков М.Б. —
заместитель начальника департамента информации и общественных связей Администрации
Ямало-Ненецкого автономного округа

Кукевич Ю.А. —
заместитель начальника департамента информации и общественных связей Администрации
Ямало-Ненецкого автономного округа

Лалтандер С.В. —
заместитель начальника департамента финансов Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа

Тимошенко В.П. —
директор Ямальского филиала Института истории и археологии УрО РАН

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК № 6 (37)
Актуальные проблемы развития образования в ЯНАО
в условиях модернизации

Редакционная коллегия:

Шопоренкова Г. А. —
директор Ямало-Ненецкого окружного института повышения квалификации работников образования,
кандидат культурологии

Цымбалистенко Н. В. —
заместитель директора ЯНОИПКРО по научно-исследовательской работе,
кандидат филологических наук, доцент

Попов Ю.И. —
ответственный редактор, кандидат филологических наук, доцент

АННОТАЦИЯ

Очередной выпуск Вестника приурочен к 75-летию Ямало-Ненецкого автономного округа и посвящен проблемам системы образования ЯНАО в условиях модернизации этой важнейшей сферы духовной жизни в Российской Федерации.

В Вестнике представлен анализ работы муниципальной образовательной системы, а также научные статьи и методические рекомендации сотрудников Ямало-Ненецкого окружного института повышения квалификации учителей.

Все представленные работы охватывают широкий спектр проблем, начиная с вопросов управления муниципальной образовательной системой до рекомендаций по использованию национально-регионального компонента во внеклассной работе.

В статье Г.А. Шапоренковой поднимается важная проблема новых, качественных, подходов в формировании административных кадров общеобразовательных школ, представлено ранжирование проблем и направлений курсов повышения квалификации качественного образования.

Р.М. Баскаев представил всеобъемлющий анализ работы муниципальной образовательной системы, дав перечень нерешенных проблем и указав на перспективные направления работы управленческих служб в условиях модернизации образования.

О.Л. Березина остановилась на проблеме преемственности в подготовке педагогических кадров, выделив основополагающие принципы непрерывного образования.

Г.В. Головичер обосновала информационно-методическое обеспечение управления качеством

образования как актуальную научно-теоретическую проблему.

Две статьи посвящены общепедагогическим проблемам. В.Н. Введенский охарактеризовал сущность педагогической профессии как сложной, многокомпонентной и неравновесной системы. Я.А. Весова обосновала роль средств массовой информации и коммуникации в социальном воспитании подрастающего поколения и перечислила достоинства и недостатки этих средств.

Важное место в Вестнике занимает блок статей, посвященных языку, литературе и культуре коренных народов Ямала. Г.И. Вануйто остановилась на вопросе взаимодействия ненецкого и русского языков, описав принцип адаптации ненецких топонимов в русской речи. Н.В. Цымбалистенко в основательной работе изложила новые подходы к изучению литературы коренных народов Ямала. В статье Ю.И. Попова дан перевод на русский язык фрагментов культурологической работы о ненцах французского исследователя Д.Н. де Шамбура и комментарий к ней. Н.Н. Уразаева представила учебно-методическую разработку о духовной и материальной культуре сибирских татар. Т.И. Прожирова обобщила опыт и поиски педагогов ЯНАО по использованию национально-регионального компонента во внеклассной работе.

Особое место в сборнике занимает статья С.Е. Тихонова и Е.Б. Тихоновой о значении риторики как учебной дисциплины в повышении эффективности учебной деятельности в школах округа.

Содержание Вестника свидетельствует о возрастающем научно-методическом потенциале педагогических работников округа.

ПОДГОТОВКА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАК УСЛОВИЕ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМНЫХ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ

Г.А. Шапоренкова

Инновационные процессы, идущие в образовании, требуют новых знаний, новых подходов к решению возникающих проблем. Управление качеством образования, безусловно, относится к числу проблем, решение которых должно осуществляться на основе корпуса знаний с опорой на междисциплинарные теории. Реализация идеи системного управления качеством образования в школе, таким образом, выдвигает на первый план задачу поиска оптимальных форм и содержания качественного образования административных и педагогических кадров общеобразовательных школ. Особая роль в системе качественного образования должна быть отведена руководителям образовательных учреждений, внедряющих системные методы управления качеством. Это связано с тем, что от их компетентности, подготовленности в данном вопросе во многом зависит успешность деятельности целого коллектива по проектированию и применению процедур системы менеджмента качества, определения его концептуального видения в политике в области качества образования, руководстве по качеству работы школы. Руководитель образовательного учреждения выступает организатором, координатором работ по созданию системы документооборота и управления базами данных, инициирует разработку программ качества, проведения самоисследований по качеству.

В структуре подготовленности современного руководителя эти направления и аспекты деятельности не могут сформироваться стихийно. Их формированию призвана способствовать специально осуществляемая деятельность в системе переподготовки и повышения квалификации. Ориентируясь на запросы директорского корпуса школ, в образовательных учреждениях дополнительного педагогического образования должны создаваться специализированные курсы, имеющие целью формирование готовности руководителей общеобразовательных школ к руководству работами в своих учреждениях в области качества. Такая подготовка, связанная с проектной и внедренческой дея-

тельностью, может осуществляться в различных временных рамках, предполагать использование разнообразных форм, средств, технологий.

С целью выработки оптимального подхода к осуществлению качественной подготовки директоров общеобразовательных школ проведена серия исследований по данному направлению. Прежде всего, стояла задача определения исходного уровня знаний, навыков, умений, компетентности руководителей школ в вопросах качества образования, оценки и управления качеством образования на институциональном уровне. По результатам исследования, в котором приняли участие 32 руководителя школ Ямало-Ненецкого автономного округа, констатируется, что высокими оценками (в диапазоне 7-9 баллов по 9-балльной шкале) оценили уровень своей компетентности в вопросах управления качеством лишь 4 респондента (12,5%), средними (4-6 баллов) — 18 (56,25 %), низкими (1-3 балла) — 10 руководителей (31,25 %).

Как показало интервьюирование руководителей школ, в целом высоко оценивших уровень своей компетентности в вопросах управления качеством образования, эта оценка основывается не столько на специальных знаниях, умениях и навыках по данному инновационному направлению, сколько на хорошей общей управленческой подготовке, опыте инновационной деятельности возглавляемых ими коллективов, относительно высоких и стабильных результатах деятельности школ в последние годы.

Отдельное исследование, проведенное с этой же группой респондентов, имело целью установить структуру потребностей директорского корпуса по проблематике качественного образования. Респондентам был предложен для ранжирования перечень вопросов, проблем, направлений, которые могли бы составить основу курсов качественного образования в системе дополнительного образования:

а) изучение теоретических основ управления качеством образования на институциональном и муниципальном уровне;

б) проектирование систем менеджмента качества в общеобразовательной школе на основе требований и положений международных стандартов качества ISO серии 9000:2000;

в) проведение самообследований по качеству обеспечиваемого школой образования; освоение других рефлексивных методов управления качеством;

г) разработка, освоение методов, технологий, средств и процедур оценки качества образования, в том числе мониторинг качества образования;

д) разработка документированных процедур системы менеджмента качества как ее важнейших элементов;

е) разработка документов системы менеджмента качества, включая формирование политики в области качества, создание руководства по качеству, методологических и методических инструкций;

ж) освоение многообразных функций и видов управления качеством;

з) знакомство с опытом образовательных учреждений, внедряющих системные методы управления качеством;

и) изучение модели самообследования организации, учреждения на соответствие критериям Премии Правительства РФ в области качества;

к) формирование навыков принятия управленческих решений по улучшению качества образования в школе;

л) знакомство с принципами процессного подхода в управлении качеством;

м) анализ и оценка внутришкольной системы менеджмента качества.

По результатам ранжирования вышеперечисленные 12 направлений, проблемы качественного образования расположились в следующей последовательности в зависимости от приоритетности.

Как видно из представленного ранжированного ряда направлений и проблем качественного образования, первые позиции в нем занимают те

из них, которые наиболее востребованы реальной практикой (вопросы освоения квалиметрических методик и процедур, включая процедуры самооценки, самоанализа, самообследования по качеству; принятия эффективных управленческих решений по улучшению качества образования; основания функций и видов управления качеством).

Общий вывод, который можно сделать по результатам проведенного исследования, состоит в том, что общий невысокий уровень качественной подготовленности директорского корпуса в определенной мере является фактором, сдерживающим процесс внедрения в школах системных методов управления качеством. Данный фактор усиливается стереотипным традиционалистским восприятием данного инновационного направления. Иными словами, отсутствие специальных знаний, навыков, умений в области современных подходов к управлению качеством образования на институциональном уровне сочетается с ошибочной установкой относительно путей и направлений решения данной сложной проблемы. Вместе с тем считаю, что данные трудности и противоречия могут быть успешно решены в системе дополнительного педагогического образования. Наиболее эффективной формой качественного образования директорского корпуса в системе ДПО могла бы быть организация обучения по типу проектной деятельности, когда бы освоение теоретических положений сопровождалось их практическим внедрением, отработкой в инновационном режиме в образовательных учреждениях. Содержание учебных курсов качественного образования директорского корпуса, помимо проектной направленности, должно также характеризоваться инновационностью, политеоретичностью; предполагать использование новых технологий и моделей обучения (включая технологию дистанционного обучения).

Направления проблемы качественного образования	г	в	к	ж	з	а	и	б	л	е	д	м
Ранг	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Р.М. Баскаев

Современная муниципальная образовательная система (далее — МОС) становится все более сложной, ей приходится действовать в динамично изменяющемся мире, предъявляющем к ней все возрастающие требования. Одновременно с этим внутри муниципальной образовательной системы появляются управленческие, педагогические новшества, создающие возможности для качественных изменений в способах и результатах ее работы, в выработке новой стратегической политики. Все это приводит к усложнению задач управления МОС в целом и школой в частности. Анализ и поиск решения проблем управления МОС в научной литературе активно обсуждается лишь в последнее десятилетие, но проблемы эти остаются такими же актуальными.

Современная теория управления школой развивается как часть общей теории управления социальными организациями. Она имеет свои существенные особенности, отличающие ее от теорий управления организациями других видов. Но в ее основе лежат также общеуправленческие подходы [1]. Наука управления МОС призвана изучать процессы решения управленческих задач и получать информацию о том, при каких условиях эти задачи будут решаться наилучшим образом.

Первым шагом на пути к эффективному управлению МОС должен стать анализ ее состояния, ориентированный на выявление и оценку проблем. Основное требование к анализу состоит в том, чтобы все проблемы были определены операционально и полно.

Управление образованием своеобразно по своей структуре: одна кадровая часть ее работников является муниципальными служащими, а вторая, как правило, немунципальными служащими, т.е. работниками соответствующих служб сопровождения (учебно-методического центра (отдела), ресурсного центра, хозяйственной группы управления образования, централизованной бухгалтерии и т. д.).

В большинстве своем многие управленческие службы, как и много лет назад, занимаются традиционной работой с высокой степенью загруженности,

но в основном это выполнение рутинной работы. Такая организация работы по управлению малоперспективна и малоэффективна. Процесс внедрения информационных технологий идет не очень активно в силу целого ряда причин, и, прежде всего, слабого уровня оснащенности оргтехникой: компьютеры, копировально-множительная техника имеются в недостаточном количестве и далеко не всегда обеспечиваются расходными материалами. Зачастую имеющаяся компьютерная техника используется неоптимально и неэффективно. Обмен информацией между отделами управления и образовательными учреждениями иногда затруднен. Телефонная связь является самым распространенным видом оперативной административно-управленческой связи. Все это влечет за собой снижение скорости документооборота, оперативности поступления информации, затруднение процедуры обработки, хранения и передачи документации и другой информации, замедление принятия управленческого решения и отсутствие системы информационной поддержки в обосновании управленческого решения, низкую информационную культуру делового общения и т.д.

Названные выше проблемы, препятствующие повышению эффективности организации системы управления, являются характерными не только для муниципального уровня ряда территорий, но также и для образовательных учреждений. В настоящее время слабо разработана методология количественной и качественной оценки информационных ресурсов, а также прогнозирования потребностей общества в них.

Сегодня эффективность работы учреждения образования определяется не только квалификацией педагогических кадров, но и тем, насколько гибкой, управляемой и настраиваемой будет вся система образования, насколько оперативно будут внедряться новые информационные системы и технологии в управление и обучение кадров. Кроме этого, нельзя недооценивать возможности организации взаимодействия между управлением образования, администрацией муниципального

образования, педагогами образовательных учреждений посредством электронных средств обмена информацией. Не всегда практикуются и управленческие информационные системы, которые обслуживают управленцев, нуждающихся в ежедневной и еженедельной информации о состоянии дел.

Муниципальный уровень управления ряда территорий, как показывает практика, нуждается в более компетентных управленческих кадрах. Управленцы муниципального и школьного уровня — это в основном специалисты, имеющие достаточный практический опыт работы в образовательном учреждении, соответствующее педагогическое образование, но лишь единицы имеют образование менеджера. Педагогические вузы только недавно стали готовить менеджеров образования, поэтому, как правило, директором школы или другого образовательного учреждения назначается наиболее ответственный и исполнительный педагог или заместитель, имеющий большой опыт практической работы и необходимый педагогический стаж. А опыт управленческой деятельности вырабатывается им в практической деятельности и далеко не всегда успешно. Оценка деятельности руководителя производится зачастую по критериям чисто исполнительского отношения к управлению. Обилие приказов, инструкций, предписаний, отчетов, до мелочей регламентированная деятельность управленца вовлекает его в положение вечно виноватого и оправдывающегося руководителя. От него зачастую не требуется инициативы, грамотности в принятии управленческих решений, самостоятельного подхода к проблеме, да и к самому выявлению проблем. Происходит подмена функций управления, в том числе и функционала управленца.

Потребности в самообразовании имеются далеко не у всех руководителей муниципального и школьного уровней, не всегда создаются условия для самовыражения личностного потенциала руководителя.

Проведенный обобщенный хронометраж рабочего времени руководителя образовательного учреждения свидетельствует том, что около 60% рабочего времени он вынужден заниматься не свойственными ему обязанностями — обеспечением функционирования здания, взаимодействием с коммунальными службами, организацией деятельности технического персонала. 10% служебного времени отдается совещаниям на муниципальном уровне, 15% — подготовке информации для вышестоящих организаций и ведению

школьных документов (книги приказов, протоколы совещаний, справки по результатам деятельности и др.) и только 15% остается на работу с педагогическим коллективом, родителями, учащимися. Противоречия в нормативно-правовой базе, когда руководитель представляет образовательное учреждение как юридическое лицо, имеет Устав образовательного учреждения, является работодателем, но не распоряжается кредитами, осложняет и без того непростые условия принятия управленческих решений.

В последнее пятилетие работа управленцев уровня образовательного учреждения стала более напряженной в условиях, ужесточивших требования к порядку ведения новых видов документации по налоговому и пенсионному законодательству. Современный руководитель не всегда готов выполнять менеджерские функции, не владеет достаточным уровнем знаний по экономическим, юридическим и правовым вопросам.

Недостаток бюджетного финансирования побуждает управленца к поиску внебюджетных средств, введению платных дополнительных образовательных услуг, предоставлению помещений в аренду и др. Вся эта работа по ресурсному обеспечению учебно-воспитательного процесса требует высокого уровня трудозатрат: временных, профессиональных, психологических, экономических и др.

Управленец перестает быть генератором идей, учителем педагогов, стратегом развития и превращается в хозяйственника и самоучку, т.е. в организатора, не имеющего ориентиров в образовательной политике [2]. Жесткая вертикаль власти, длинная властная дистанция требуют от руководителя образовательного учреждения уровня исполнительности, безоговорочного подчинения, быстрого реагирования на инструкции, предписания и т.д. Уровень управления «руководитель — педагогический коллектив» не отвечает современным требованиям к управлению.

Управленцы муниципального уровня назначаются, как правило, из числа лучших, наиболее опытных руководителей учреждений образования. Но и они не всегда имеют достаточные знания по менеджменту образования и видят свою главную задачу в том, чтобы «заставить» руководителя образовательного учреждения вовремя исполнять все распоряжения, как свои, так и вышестоящего руководства. Являясь муниципальными служащими и управляя немunicipальными служащими, управленцы муниципального уровня вынуждены быть «слугами двух господ» — местной администрации

и регионального департамента образования.

Если считать, что хорошее образование удовлетворяет потребности своих заказчиков, хорошее образовательное учреждение обеспечивает качественное образование, то хорошо и стабильно развивающаяся муниципальная образовательная система должна осуществлять поддержку, необходимую образовательным учреждениям, чтобы быть конкурентно-способными и востребованными в социуме. С этой позиции некоторые МОС не всегда осуществляют

эту поддержку. Многие управления муниципального уровня, а также уровня образовательного учреждения делают учреждение закрытым для общества, государством в государстве. Парадоксально, но факт, что более 3/4 директоров школ и 2/3 муниципальных управленцев не желают привлекать социальных партнеров в управление образованием, не видят необходимости в актуализации общественной составляющей, о чем свидетельствуют результаты опроса директоров школ и молодых специалистов.

Вопросы	Руководители (%)	Молодые специалисты (%)
1. Считаете ли Вы необходимой модернизацию системы управления образованием?		
да	56,6	89,5
нет	15	-
не уверен	28,4	10,5
2. Нужно ли вводить общественное управление образованием?		
да	26,4	57,9
нет	37,7	-
не уверен	30,2	42,1
3. Какой уровень общественного управления образованием Вы считаете приемлемым?		
учительское общественное управление образованием	28,4	21,1
родительское общественное управление образованием	3,8	5,3
ученическое общественное управление образованием	1,9	5,3
сочетание всех трех уровней	58,5	73,7
4. В какой форме возможно общественное управление образованием?		
совет	58,5	36,8
конференция	15	-
временные комиссии	1,9	10,5
творческие группы	16,9	63,2
5. На каком этапе возможно участие общественного управления		
планирование	41,5	57,9
аттестация педагогических кадров	1,9	15,8
аттестация образовательных учреждений	22,6	10,5
итоговая аттестация учащихся	9,4	10,5
промежуточная и текущая аттестация	9,4	-
решение хозяйственно-административных вопросов на всех этапах	62,3	78,9
6. Хотите ли Вы лично участвовать в модернизации управления образованием?		
да	5,7	63,2
нет	41,5	-
не уверен	47,2	36,8

Сегодня до сих пор четко не определены образовательные потребности государства, общества, личности; не сформирован конкретный социальный заказ на образование; не выработаны понятные всем участникам образовательного процесса стандарты образования желаемой модели выпускника.

Государственная составляющая в управлении МОС нуждается в модернизации в соответствии с современными условиями социума, внешней и внутренней среды системы.

Общественная составляющая в управлении МОС фактически отсутствует. Социальные и партнерские связи налажены слабо, во многих школах и муниципалитетах не сформированы взаимоотношения педагогического сообщества и родительской общественности; формальные межведомственные связи, традиционные формы общественной

составляющей малоэффективны, новые — не разработаны.

Отсутствие реального участия общественности в управлении образованием, формальное взаимодействие со всеми ведомствами, организациями по проблемам образования, отсутствие адаптированных программ социального партнерства со здравоохранением, культурой и т.д., слабое обеспечение непрерывности индивидуального развития личности в процессе образования приводит к недостаточной целенаправленности работы педагогического сообщества, к ее запаздывающему характеру.

Таким образом, необходимость модернизации управления образованием на муниципальном уровне влечет за собой необходимость разработки модели, оптимально сочетающей государственную и общественную составляющие.

Литература:

1. Вершловский С.Г. Социально-андрагогические проблемы управления современной школой // *Андрогог в открытом обществе (Материалы российско-польского семинара)* / Под ред. Е.А. Соколовской, Т.В. Шадринной. — СПб. — Иркутск: Ploek, 2000. — 242 с.
2. *Образование взрослых на рубеже веков: Вопросы методологии, теории, практики. (Монографическая серия: научный редактор — директор ИОВ РАО, докт. пед. наук В.И. Подобед). В 4-х томах. Том 1. Социально-экономические и правовые предпосылки развития образования взрослых* / Под редакцией В.И. Подобеда, Н.П. Литвиновой /. — СПб.: издательство ИОВ РАО, 2000. — 231 с.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯМАЛА

Н.В. Цымбалистенко

Процесс развития литературы в северо-западном регионе Сибири непосредственно связан с историей, культурой и духовным складом двух коренных народов Ямала — ненцев и ханты. На рубеже XX — XXI веков исследование региональных литератур приобретает особое значение и интерес. Региональные культуры всё громче заявляют о себе в мире, регионализм становится одним из важнейших факторов современной истории и политики. Мир дробится на всё более мелкие сегменты, даже самые немногочисленные народы заявляют о своём праве на культурную и духовную суверенность.

В отношении литературного развития на Ямале это особенно актуально, поскольку богатые и своеобразные культурные традиции региона не были до сих пор в должной мере осмыслены в культурно-историческом и литературно-теоретическом аспектах. Имеются в виду следующие важнейшие проблемы, требующие серьёзного и обстоятельного анализа:

1. Чёткая детерминация этапов культурно-исторического развития региона и уяснение специфики их отражения в литературе.

2. Осмысление воздействия внешних технократических, цивилизационных и идеологических влияний на ментальность, культуру и литературу коренных народов Ямала в XX веке.

3. Изучение сложного взаимодействия культур и литератур двух основных коренных народов — ненцев и ханты.

4. Учёт факторов, связанных с культурными и литературными традициями других сибирских народов, издавна проживающих на Ямале (коми-зырян, сибирских татар и др.).

5. Оценка воздействия русской культурной парадигмы на духовную жизнь коренных народов в исторической ретроспективе и на современном этапе.

6. Рассмотрение проблемы взаимодействия двух конфессиональных систем: христианского монотеизма и языческого многобожия.

7. Оценка воздействия на ментальность, культуру и литературу коренных народов Ямала коммунизма советского типа.

8. Анализ социокультурного воздействия промышленного освоения недр Ямала во второй половине XX века на жизнь коренного населения и его отражения в литературе.

9. Осмысление изменений, которые произошли в сознании коренных народов в связи с распадом советской системы.

10. Прогноз перспектив дальнейшего развития культуры и литературы коренных народов Ямала в XXI в.

Все эти проблемы должны изучаться в комплексе исследований историков, социологов, философов, этнографов, психологов, культурологов и литературоведов.

Понятно, что литература не может дать абсолютно объективные и всеобъемлющие ответы на все поставленные вопросы. Тем не менее именно писатели нередко раньше, чем историки и учёные, подмечают горячие, животрепещущие проблемы времени и дают субъективные, но нередко провидческие оценки действительности. Литературоведческий анализ позволяет сделать достаточно глубокие выводы, касающиеся как материальной, так и, в первую очередь, духовной жизни социума и индивидуума. В частности, представляют несомненный интерес следующие литературоведческие проблемы:

1. Анализ генезиса, формирования и развития литератур коренных народов Ямала на протяжении XX века.

2. Объяснение причин замедленного характера литературного процесса на Ямале, а затем ускоренного его развития во второй половине XX века.

3. Истолкование роли мифологической составляющей в развитии литературы коренных народов Ямала.

4. Классификация произведений писателей Ямала в соответствии с традиционной градацией литературного процесса на направления, течения и стили.

5. Уточнение и коррекция устоявшихся представлений о жанровой системе литературы коренных народов Ямала, её теоретическое обоснование.

Специфически северные и общечеловеческие проблемы неразделимы в литературе коренных писателей. В частности, особый интерес представляют следующие социокультурные парадигмы:

- проблема восприятия новых социальных идей и отношение к ним;
- этническая и общекультурная самоидентификация, т. е. осознание места и роли этноса в системе отношений многонационального государства;
- проблема экзистенциального выбора, т. е. осознания членом традиционного сообщества своего права принадлежать ему или покинуть его.

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что развитие литературы коренных народов Ямала подчиняется общим закономерностям развития литературы в России и в мире. Имеется в виду тенденция к индивидуализации и субъективизации литературного творчества, к доминированию символическо-концептуального метода изображения действительности, к углублению психологического анализа, обновлению художественной формы и усложнению поэтических средств.

Исследование базируется на современных культурологических, философских и литературоведческих концепциях. Его важнейшим мировоззренческим принципом является гуманистический и мультикультурный подход к оценке явлений действительности, человеческой личности и её проявлений в сфере духовного творчества. Речь идет об отказе от какой-либо тенденциозности и предвзятости и стремлении к максимально возможной объективности в расстановке идеологических, этических и эстетических акцентов. Автор стремился уйти от двух крайностей в анализе культуры и литературного творчества коренных народов: патерналистско-покровительственного подхода, с одной стороны, и апологетического — с другой. Именно такой подход представляется наиболее правильным при исследовании «чужой» культуры и литературы. В работе на равных правах сосуществуют социологический, экзистенциальный, этнокультурный и психоаналитический подходы к анализу рассматриваемых явлений.

Особое внимание было уделено мировоззренческо-концептуальной и жанровой идентификации

анализируемых произведений и их классификации в соответствии с традиционным членением литературного процесса по направлениям и течениям. Автор стремился ввести анализ литературы Севера в контекст современных литературоведческих подходов, связать его с достижениями реализма XIX — XX вв., модернистскими и постмодернистскими поисками. Творчество писателей Севера рассматривается в широком поле компаративистских параллелей и типологических аналогий с произведениями мировой и русской литературы.

Проблема утопизма в творчестве писателей Ямала

Утопизм имеет глубокие корни в российской ментальности, он является одной из основных парадигм российской культуры. Его влияние не могло не сказаться и на культуре народов северо-запада Сибири.

Отметим также, что две трети XX в. прошли в России под знаком построения коммунистической утопии, которая стала едва ли не важнейшим идеологическим постулатом советской власти и вошла в плоть и кровь нескольких поколений людей, проживавших в пределах Советского Союза.

Не удивительно поэтому, что социалистическая идея была воспринята молодыми культурами Севера с энтузиазмом и продержалась здесь дольше, чем где бы то ни было на просторах Евразии.

Но не только привнесённые идеи определили утопический характер ряда произведений коренных писателей Севера. На здешней почве сформировался и усиленно взращивается особый местный утопизм, который можно было бы назвать «экологическим».

Речь идёт о той особенности северной ментальности, которая не отделяет человека от природного мира, о той ностальгической печали о временах гармоничного бытия северного человека вне технократической цивилизации, которая весьма характерна для многих произведений как коренных, так и пришлых мастеров пера. Так называемые природные утопии не являются, конечно, изобретением писателей Севера XX в. Руссоистская идея бегства от цивилизации, сентименталистское восхищение природой и надежда на её благотворное нравственное воздействие на человека, романтический пафос единения с миром простых и добрых людей, живущих вдали от центров цивилизации, — всё это прослеживается в произведениях

коренных писателей Севера, которые сознательно и неосознанно проходят путь свершений, озарений и разочарований европейской культуры и литературы XVIII — XX вв. Идеи и даже сюжетные ходы многочисленных робинзонад и утопий, ассоциации с книгами Д. Дефо, Ф. Купера, Г. Мелвилла, Н. Готорна, Г. Лонгфелло, Г. Торо, У. Морриса, Н. Чернышевского, Л. Толстого, Д. Лондона, русских писателей-«деревенщиков» XX в. явно или незримо присутствуют в произведениях современных писателей Ямала. Дело, конечно же, не в компиляции или плагиате, а в неких архетипах сознания, неких «общих местах», «врожденных идеях», через которые должен пройти любой мыслящий творец.

Роман И. Истомина «Живун» (1970) следует признать первым произведением большой эпической формы, написанным ямальцем о Ямале. «Живун» объединяет в себе такие жанровые разновидности, как утопия и робинзонада, элементы автобиографического, исторического, этнографического, социально-бытового, психологического, авантюрного, любовного романов. В романе Истомина поставлены кардинальные проблемы бурного бытия начала XX в. не только российского Севера, но и всей страны. Это, в первую очередь, вечная народная мечта о счастливом и справедливом устройстве общества и вера в возможность её осуществления. Это комплекс проблем, связанных с российской революцией 1917 г.: революция и народ, религия и народ, социально-имущественное расслоение и т.п. Это также круг национально-этнических проблем — взаимоотношений коми-зырян, русских и ханты. Это и «вечные сюжеты» человеческих взаимоотношений — любовь, измена, супружество, мужской и женский взгляды на мир.

Однако метаидеей романа представляется всё же мысль о неправомерности насильственного, волевого переустройства мира. В книге И. Истомина утопия показана ненавязчиво, она органично входит в ткань повествования. Её герои не слишком задумываются о теоретических постулатах построения идеального общества, они поступают согласно своим убеждениям, которые сформировались под воздействием революционных событий в России. Это придаёт истории, рассказанной в романе, достоверность и жизненную правдивость, и в этом же заключается принципиальное отличие романа Истомина от многочисленных предшествующих литературных утопий («Утопия» Т. Мора,

«Город Солнца» Т. Кампанеллы и т.п.), имевших по преимуществу умозрительный характер. С другой стороны, народное мироощущение и в чём-то наивная вера героев Истомина в грядущее счастье роднят его книгу с произведениями А. Платонова, в частности, с «Чевенгуром». Однако, думается, И. Истомина при написании романа вдохновляли не философские и литературные утопические построения, а конкретная реальность его детства и юности, когда социальная утопия сознательно и бессознательно, добровольно и насильственно входила в обыденную жизнь огромной страны. Именно это было, возможно, самым трагическим моментом истории России XX века, когда человек всерьёз воспринимал возможность построения рая на земле.

Примечательно также, что И. Истомин облачает свои серьёзные размышления в адекватную художественную форму. В литературе хорошо известен приём так называемого «лабораторного» исследования, когда глобальные проблемы бытия исследуются на маленьком клочке земли, в изолированной группе людей, где, как в капле воды, конфликты и проблемы «большого мира» отражаются незамутнённо и рельефно. Так поступал У. Фолкнер, создавая свою Йокнапатофу, таковы многочисленные робинзонады мировой литературы, начиная с «Робинзона Крузо» Д. Дефо и вплоть до «Повелителя мух» У. Голдинга.

Роман И. Истомина продолжает традицию ряда утопических романов XIX в., в которых удачно начавшийся утопический эксперимент постигает в конечном итоге сокрушительная неудача. В книге И. Истомина убедительно показано, как даже в самом маленьком коллективе с течением времени появляются неразрешимые противоречия, которые сводят на нет все усилия по сохранению мира и благополучия в общине.

Таким образом, роман Истомина представляет собой своеобразный переходной вариант от классической утопии Т. Кампанеллы к великой антиутопии XX в. Е. Замятина. Писатель в своём произведении не показывает ужасов тоталитаризма, но наглядно демонстрирует всю сложность совместного бытия даже небольшого коллектива людей, по доброй воле согласившихся жить по принципам коммунитарного общежития.

Принципиально иначе интерпретируются утопические и антиутопические мотивы в повести ненецкой писательницы А.П. Неркаги «Молчащий» (1996). Это

относительно небольшое по объёму произведение включает в себя столько серьёзных и глубоких размышлений о современных проблемах не только ненцев, но и современного мира в целом, что правильнее было бы его назвать философской притчей.

Писательница принадлежит к поколению, которое появилось на свет уже во второй половине XX в., а потому и подход к литературному творчеству у А. Неркаги существенно разнится от взглядов на литературу И. Истомина. Дело тут, конечно, не в возрасте, а в той атмосфере, в которой формировались общественные и эстетические взгляды писателей. Именно в 70 — 80-е гг. подспудно вызревали те перемены, которые кардинальным образом изменили мир и страну в конце XX столетия, и это не могло не сказаться на формировании идейных и эстетических взглядов автора «Молчащего».

Притча Анны Неркаги является, может быть, самым оригинальным произведением современной северной литературы. Актуальное содержание выражено в нём самыми современными художественными средствами. Писательница ставит в своём произведении две проблемы: это трагедия народа, который поддался чуждому влиянию и оказался в результате на грани вымирания, а также — драма незаурядной личности, отвергнутой собственным народом.

Элементы утопии и антиутопии, философской притчи и публицистики, морального эссе и футуристического прогноза скреплены воедино с помощью библейской символики, мифологических и фольклорных образов и мотивов, продуманной метафоры и литературных реминисценций, фантазии и визионерства. Однако модернистский дискурс повести не самоцель, а единственно возможный способ выразить на бумаге сложный комплекс внутренних переживаний и страданий писательницы.

Притча Анны Неркаги «Молчащий» представляется этапным, знаковым произведением в литературе северных народов. Её значение — в преодолении провинциализма, национальной замкнутости, в выходе за пределы региональной проблематики на широкие просторы мировой культуры и литературы, к более сложному и неоднозначному пониманию феномена Человека.

Анализ двух наиболее значительных, на наш взгляд, произведений писателей Ямала XX в. — романа «Живун» И. Истомина и повести «Молчащий» А. Неркаги — позволяет сделать следующие выводы:

Оба произведения написаны во второй половине XX в., но представляют собой два полюса литературного развития прошедшего столетия. Роман Истомина написан в реалистической манере начала века, в котором социальный критицизм сочетается с революционными веяниями эпохи, конфликты и персонажи поданы в традициях психологической прозы XIX—XX вв. Для романа характерны линейное развитие сюжета, достаточно стройная композиция, включающая в себя авторский рассказ о событиях, описания природы, диалоги персонажей, раскрывающие их психологические и нравственные качества, социальные и политические позиции. Время в романе чётко обозначено и привязано к конкретному историческому периоду. Утопический характер произведения определяется социально-политической атмосферой послереволюционной эпохи в России. Писатель не стремился создать некий идеал социального устройства общества, он лишь показал, как умозрительные политические принципы, навязываемые народам России после 1917 г., приходили в противоречие с реальной жизненной действительностью и природными склонностями обычного человека.

Повесть А. Неркаги построена принципиально иначе. Произведение ненецкой писательницы впитало в себя опыт развития культуры и литературы XX века. В самом широком литературоведческом контексте можно говорить об опыте модернистского освоения действительности. Повествование представляет собой амальгаму из мифологических, библейских и фольклорных образов и мотивов, в нём переплетаются публицистика и морализаторство, социально-политический критицизм и христианская идея всепрощения.

Архитектоника произведения А. Неркаги базируется как на рациональных построениях, так и на прихотливом потоке сознания автора. Художественное время в произведении циклично, далёкое прошлое и современность смыкаются и переплетаются — таким образом писательница вводит своё произведение в широкий культурно-исторический контекст.

Антиутопический характер произведения определён явным неприятием тоталитарных принципов построения общества, которые разрушили естественные основы жизни народа. Антиутопия А. Неркаги облечена в притчево-метафорическую форму, что придаёт произведению универсально-глобальный характер.

В жанровом отношении оба произведения свидетельствуют о несомненном стремлении их авторов выйти за рамки жанра традиционной повести.

Книга Истомина включает в себя ряд коллизий, которые иначе, чем романскими, назвать нельзя. Это и циклическая завершенность истории коммуны, и любовные столкновения главных персонажей произведения, и определенная искусственность основной сюжетной интриги. Динамичность повествования, неожиданные сюжетные ходы и, самое главное, индивидуализированные и противоречивые человеческие характеры персонажей, противопоставивших себя роду, обычаям, традиции, — все эти черты позволяют причислить произведение Истомина к жанру романа.

Произведение А. Неркаги трудно идентифицировать в жанровом отношении. Совершенно очевидно, что это не повесть и не роман в их традиционном понимании. Для повести оно слишком концептуально, для романа — слишком абстрактно и фрагментарно, в нём нет ни человеческих характеров, ни связного сюжета. Правильнее всего обозначить жанр «Молчащего» как философскую повесть-притчу, генетически восходящую к традиции библейских текстов.

Проблема выбора путей

Экзистенциальная проблема выбора так или иначе, рано или поздно, острее или мягче возникает у каждого думающего индивидуума.

Ситуация, в которой оказались коренные народы Севера в конце XX века, по-своему уникальна. Во-первых, выбор приходится делать, по сути дела, впервые. Альтернативы, навязываемые им на протяжении истории (христианство, коммунизм), шли извне, а потому могли быть отвергнуты или приняты лишь внешне, формально, поскольку сами обстоятельства и условия их существования не способствовали глубинному и тотальному проникновению в среду обитания.

В настоящий момент положение принципиально иное. Традиционные ценности разрушаются изнутри, без видимого внешнего насилия, но именно в этом и опасность для них. Трудно противостоять красиво упакованной технике, вездесущим средствам массовых коммуникаций, простым и доходчивым для молодых умов идеям.

Повесть Анны Неркаги «Анико из рода Ного» (1975) является первым произведением писателей Ямала, в котором проблемы коренных народов

были поставлены в принципиально ином ракурсе, нежели это было принято по канонам социалистического реализма. Уже говорилось выше, что многие северные писатели искренне или с долей конъюнктурности писали о единодушном восприятии социалистических идей, о гармонии национального и интернационального, о процветании коренных этносов в «единой семье советских народов», об искоренении «отдельных недостатков и перегибов». А. Неркаги не касается в повести политики, но затрагивает экзистенциальные проблемы своего народа, о которых в ту пору просто не принято было говорить. Три сюжетные линии, связанные с архетипическими образами Старика, Девушки и Зверя, позволяют писательнице затронуть важнейшие проблемы бытия ненецкого народа в XX в. Это и конфликт отцов и детей, и социальный антагонизм «богатый — бедный», и отношения «ненцы — русские», и тема выбора пути ненецкой молодежью, и проблема деградации ненцев вследствие неумеренного потребления алкоголя, и осознание необходимости сохранения национальной культуры, и драма безответной любви. На более высоком экзистенциальном уровне А. Неркаги затрагивает универсальные вопросы человеческого бытия: жизни и смерти, веры и отношения к предкам, взаимоотношений человека и природы.

Явственно прослеживается в повести глобальная тема умирания народа, брошенного на произвол судьбы бездушной государственной системой. Как уже отмечалось, повесть была написана в 70-е годы, когда отношение государства к коренным северным народам изменилось в худшую сторону. Задача повышения материального и культурного уровня этих народов, которая с определенным идеологическим креном все же выполнялась в 30 — 50-е годы, уступила место хищническому освоению богатств северных недр нередко в ущерб жизненным интересам жителей тундры.

Душевная драма главной героини повести сопряжена с мотивами разрыва, распада, в сущности, смерти: рушатся связи с родным стойбищем и родителями, с национальными традициями, обычаями, нравами, языком. Описание приезда Анико в родное стойбище представляется наиболее сильным и впечатляющим эпизодом повести. А. Неркаги смело говорит о том, что обычно стыдливо замалчивалось — о негативных чертах жизни собственного народа. Здесь она использует достаточно хорошо известный в мировой

литературе приём отстранения. В сравнении с известной повестью Вольтера "Простодушный", в которой благородный Гурон критически оценивает цивилизацию, в повести Неркаги ситуация переворачивается на 180 градусов: Анико оценивает "естественную" жизнь своих сородичей с точки зрения культуры. Писательница подчёркивает состояние неловкости, мучительной раздвоенности души девушки, привыкшей говорить по-русски и не решающейся ответить сородичам на родном языке, что вызывает ответную реакцию и взаимное отчуждение.

От традиционного жанрового понимания повести произведение А. Неркаги отличает постановка в нём глобальных экзистенциальных проблем — жизни, смерти, свободы, долга. Несомненна также рациональная концептуальность повести, когда ясный автору философский тезис раскрывается в сюжете, композиции, системе образов, стиле произведения. Можно говорить и об элементах притчевости, неомифологизма в произведении.

В целом же повесть А. Неркаги укладывается в чрезвычайно сложное, неоднозначное и неодномерное понимание реализма конца XX в., которое включает в себя элементы мифа, символику и аллегорию, фантастику и магию, мир инстинктов, снов и подсознания. В то же время это новое понимание реализма ни в коей мере не исключает всех достижений литературы предшествующих времён, это также хорошо видно на примере повести «Анико из рода Ного».

Подчёркнём те черты повести, которые позволяют говорить о наличии в ней элементов модернистской эстетики. Это, во-первых, предельная откровенность, даже обнажённость чувств, о которых не принято было говорить. Имеется в виду отношение героини к отцу и матери, к национальным традициям и обычаям. Это тема смерти и некоторые натуралистические детали, присутствующие в повести. Это также странная, мистическая связь одного из героев повести с волком, заставляющая вспомнить традиционный в литературе сюжет оборотничества.

Наконец, нельзя не отметить психологическое мастерство писательницы в изображении перипетий душевных переживаний своей героини. До А. Неркаги психологизм не был сильным местом северной литературы. Описание внутренней драмы девушки, оказавшейся чужой в родном стойбище, противоречивости её отношений к родителям дано в лучших традициях современной психологической прозы.

В 80-е гг. были написаны повести и рассказы Р. Ругина, в которых со всей остротой встала та же проблема выбора пути. Писатель-ханты вынужден был идти трудным путём, пытаясь правдиво рассказать о драме своего народа и в то же время не погрешить против идеологических и эстетических принципов социалистического реализма.

Защищая свой край от разрушительного воздействия его необдуманного освоения, Р. Ругин отнюдь не акцентирует тему враждебности конкретных пришельцев к коренным жителям, он далёк и от осуждения своих соплеменников, которые покидают родной кров ради более престижной и насыщенной жизни в городе. Не идеализирует он и старшее поколение ханты, которому также присущи человеческие слабости и недостатки. Писатель стремится быть верным жизненной правде, он показывает, что часто не личные качества его персонажей, а обстоятельства диктуют им тот или иной поведенческий выбор.

С другой стороны, в ряде повестей Р. Ругина присутствует некая идейная двойственность, двусмысленность и, как следствие, эстетическая ущербность именно в силу того, что писателю уже на излёте коммунистической системы никак не удастся подогнать конкретные реалии жизни к требованиям идеологии и партийной дисциплины.

Среди повестей Р. Ругина показательными, знаковыми являются две: «Гул далекой буровой» (1984) и «Ланги» (1986).

Первая повесть явилась беллетризованным обвинением бесхозяйственности нефтегазового освоения Западной Сибири. Традиция В. Распутина, В. Белова, Б. Можаева и других «деревенщиков» просматривается достаточно чётко. С современной точки зрения повесть Р. Ругина представляется идеалистической и наивной попыткой ещё раз обратить внимание власть предержащих на бедственную ситуацию, в которой оказался народ ханты в результате освоения недр Ямала. Однако не так представлялась ситуация в 80-е годы. В то время повесть Р. Ругина имела несомненный общественный резонанс. Писатель ставит в ней актуальнейшие проблемы собственного народа, оказавшегося между молотом технократизма и наковальной традиции. Однако решение этих проблем в повести не может не вызвать в настоящий момент ничего, кроме сочувственного понимания: иначе писать и, главное, публиковаться в ту пору было нельзя. Характерно, что персонажи, призванные вызывать

у читателя справедливое возмущение, получились у писателя всё же жизненно достоверными, в то время как главный положительный герой повести является в сущности лишь резонером, выразителем мыслей самого автора, идеальной фигурой «без сучка, без задоринки».

Повесть «Ланги» построена на традиционной сюжетной коллизии анималистской прозы. Преданность собаки и предательство человека нередко становились объектом писательского внимания, достаточно вспомнить «Муму» И. Тургенева, чеховскую «Каштанку», купринского «Белого пуделя», «Белого Бима» Г. Троепольского, «Верного Руслана» Г. Владимова и др.

В повести проблема утраты корней, пагубности ухода северного человека в «большой» мир решается камерно, без какого-либо публицистического пафоса, однако «пограничная» ситуация предательства человека по отношению к собаке превращается в развёрнутую притчу об измене природе, родному краю, близкому существу, наконец, самому себе.

Р. Ругин сочетает в повести фольклорные элементы (поговорки, причитания, сам мотив близости и взаимопонимания охотника и его собаки) с незлобливой иронией и юмором северян. Но за этим внешним планом повествования прослеживается глубинная мысль о связанности причин и следствий, об органичности и цельности природной жизни, метафорой которой становится естественность поведения собаки. Поступкам человека явно противопоставляются повадки собаки, именно она становится носителем морального императива.

Произведение Романа Ругина в чём-то сродни знаменитой повести Э. Хемингуэя «Старик и море»: те же сцены охоты, тот же поединок человека и природы, тот же открытый финал и тот же принципиальный вопрос — победил человек или проиграл? Но, в отличие от Хемингуэя, у которого старик остался верен себе и органическому единению с природой, персонаж Романа Ругина не выдержал испытания на верность — и своих оленей во сне он не увидел.

Проблеме выбора пути, осмысления проблем бытия северным человеком посвящено большое произведение Е. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» (1990).

Книга Еремея Айпина представляет собой лиро-эпическое повествование о судьбах народа ханты в XX в. Написанная в конце 80-х, она причудливо

сочетает в себе рудименты прошлого и ростки нового подхода к осознанию действительности. Произведение хантыйского писателя явилось одной из первых попыток глобально осмыслить драму северных народов, определить роль «большого» народа по отношению к «малому», объективно оценить процессы и явления, актуальные для жизни Севера во второй половине XX века.

Своеобразна форма произведения, интегрирующая мифы и фольклор ханты, сюжетное действие, любовные коллизии, размышления главного героя, этнографические и документальные вкрапления, авторские отступления, газетные цитаты и т.п.

Основная сюжетная линия повествования строится автором традиционно, с опорой на опыт мировой литературы. Мотив путешествия, хронотоп дороги всегда служили удобной художественной формой для показа окружающего мира во всей его противоречивости и сложности, достаточно вспомнить «Дон Кихота» или «Мёртвые души». В то же время хронотоп дороги напрямую ассоциируется с задачей выбора пути.

Однако внешний план книги далеко не исчерпывает её содержания. Огромный мир открывается читателю через поток сознания главного героя — его впечатления, воспоминания, размышления, представления.

Важнейшая проблема, поставленная в повествовании Айпина, — это судьба народа ханты в период интенсивной разработки газовых и нефтяных месторождений на территории его традиционного проживания. Автор включает в ткань произведения документальные свидетельства жителей края (ханты и русских), говорящие о бедственном положении народа, о снижении численности ханты, о падении рождаемости, повышении уровня смертности, о почти поголовном пьянстве.

Описания трагических моментов истории народа ханты в XX веке чередуются с показом обыденной жизни народа. Книга Айпина является своеобразной энциклопедией мифологических и религиозных представлений народа, жизненной мудрости и этикета ханты. Тон этому пласту повествования задает вступительная легенда о Вверх Ушедшем Человеке, существенное место в нём занимают пересказы мифов, описания традиций и обычаев народа.

Произведение Е. Айпина сложно и многопланово. Мозаичность повествования, сочетание внешнего и внутреннего действий, множество

персонажей и судеб, событий и их отголосков, временная чересполосица не облегчают процесс его восприятия.

Несомненно можно говорить об эпичности произведения Е. Айпина¹. Широкий временной охват (30-70 годы), органическая связь истории и человеческих судеб, столкновение идеологических и политических взглядов, конфликт природы и цивилизации, этнического и общечеловеческого, живые человеческие характеры и социальные маски, насилие, любовь, искусство, война, охота и многое другое нашло отражение в книге. В этом отношении её можно назвать произведением большой эпической формы, которое может быть поставлено в один типологический ряд с «Войной и миром» Толстого или «Тихим Доном» Шолохова. Понятно, что эпические романы русских писателей шире по охвату действительности и глубже в разработке человеческих характеров, но ведь и история народа ханты несравнима по событийности с русской историей.

Несомненен также синтетический характер произведения Е. Айпина, в котором сплелись эпос, лирика и драма, внешнее действие и поток сознания героев, литература и живопись.

Следует отметить также полифоничность повествования. Эта черта произведения Е. Айпина прослеживается как на событийном уровне, так и в изображении главного героя, который показан во внешнем и внутреннем движении, а также в сложном сочетании авторского голоса и голосов персонажей, которые то расходятся, то сливаются воедино. Можно спорить об органичности и психологической обоснованности подобных переходов и подмен. Как представляется, фигура главного героя нередко является рупором, транслятором авторских идей, однако это отнюдь не говорит о какой-либо слабости или недоработанности книги — речь идёт лишь об ином, но вполне правомерном подходе к выражению авторской идеи. В определённом смысле можно говорить о просветительском, дидактическом характере произведения Айпина, что вполне согласуется с уровнем общественного сознания народа ханты, который в силу исторических обстоятельств оказался в отдалении от магистральных путей развития мировой культуры.

Как следствие той же нацеленности следует отметить публицистический элемент в книге: писатель стремится использовать все возможные средства для выражения своей боли за судьбу родного народа. Отсюда и некоторая тенденция к прямым, газетно-агитационным приёмам, присутствующим в произведении, что отчасти вредит его художественной целостности. Не следует забывать также, что книга писалась на излёте коммунистической эпохи и определенные «правила игры» того времени так или иначе довлели над писателем. При этом следует отметить гражданскую смелость Е. Айпина, который одним из первых поднял животрепещущие проблемы народов Севера. Другое дело, что полтора десятилетия, отделяющие нас от выхода романа в свет, многое изменили в нашей жизни, появились произведения, ставящие проблемы северных народов более радикально (например, «Молчащий» А. Неркаги), поэтому приходится говорить об определённой политической «умеренности» книги Е. Айпина.

Тем не менее следует признать, что произведения подобного масштаба о судьбах других малочисленных народов Севера пока не появилось. Еремей Айпин сумел создать книгу, которая прочно вошла в контекст мировой литературы. В ней достаточно органично сплелись замечательные описания традиций, обычаев, мировоззрения ханты с размышлениями о единстве и неразрывных связях всего человечества. И в этом, как представляется, основной смысл и значение эпического повествования Е. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари».

Не менее интересно освещение проблем культурной самоидентификации северных народов во всей сложности их взаимоотношений с пришельцами, данное извне, с точки зрения стороннего, но заинтересованного наблюдателя.

Существующий спектр мнений достаточно широк и противоречив, он колеблется от почти идиллического восприятия проблемы в выступлениях некоторых российских руководителей и связанных с политикой деятелей из среды национальной интеллигенции до трагически-безысходного её видения, которое нередко исходит из выступлений зарубежных наблюдателей.

¹Французская исследовательница Ева Тулуз называет роман «своеобразной эпопеей хантыйского народа». См.: Хантыйская литература: Сборник. — М.: Литературная Россия, 2002. — С. 169

Характерна в этом отношении статья члена финского парламента от партии зелёных госпожи Сату Хасси с показательным названием «Ханты и манси в опасности!»². В ней есть меткие наблюдения, однако в целом она представляет собой достаточно тенденциозный подбор фактов. Всякий проживающий на Севере человек подтвердит, что ситуация с коренными народами не столь трагична, как это пытается показать автор статьи.

Тем не менее проблема выживания коренных народов существует, и она достаточно насущна. Особенно это касается коренного населения ханты. Научный сотрудник Института социальной антропологии имени Макса Планка (Галле, ФРГ) Ф. Штаммлер, занимавшийся научными изысканиями на Ямале в конце 90-х гг., отмечает, что если и существует угроза вымирания коренных народов Севера, то не ненцев, а именно народа ханты, который оказался ныне в критической ситуации³.

В. Дюпоншель, автор текстов к замечательному альбому фотографий французского путешественника С. Пейрона, отмечает новые проблемы коренного населения, появившиеся уже на рубеже веков: «Русская система развалилась, оставив ненцев выживать в настоящем хаосе, где умирают дети без врачей и медикаментов»⁴.

Существует и другая сторона проблемы. В частности, это положение т.н. «колонизаторов» — русских и представителей других народов, оказавшихся на Ямале не по доброй воле. Их материальное положение и духовное состояние иногда не многим лучше условий жизни коренных народов. Об этом пишет литератор и публицист Ю. Афанасьев, родители которого были раскулачены и сосланы на Север: «Коренным, русским, финнам, немцам, татарам (уже ставшим местными) не положено было выплачивать северную надбавку... Во втором и третьем поколениях детям раскулаченных не выдавали паспорта... Мы — изгои. Уже век заканчивается, но мы не можем выйти из этого состояния. Мы унаследовали это от своих родителей, бабушек и дедушек, которых лишили родовых корней раскулачиванием и репрессированием. Мы закомплексованы, мы не умеем себя защищать»⁵.

Отношения коренных народов и русских, проживающих с ними бок о бок, не лишены сложностей

и взаимных претензий. Это явление нормальное и характерное для всех многонациональных обществ. Важно, чтобы эти проблемы решались мирно, конструктивно, с учётом интересов обеих сторон. Иначе возможны самые непредсказуемые последствия.

Такой невероятный на первый взгляд вариант развития событий представил в своем романе «Красный газ» (1984) известный писатель-эмигрант Э. Тополь. Роман этот написан по рецептам «массовой литературы», однако это не означает, что он не заслуживает внимательного прочтения и объективного анализа. Э. Тополь в бытность свою журналистом «Комсомольской правды» неоднократно бывал в Салехарде и хорошо знал реалии Севера. На этом материале и построен роман «Красный газ». Произведение Э. Тополя включает в себя элементы футурологического эссе и романа-предупреждения, любовной драмы и детектива, антиутопии и политической сатиры, круто замешанных на северной экзотике и этнографическом материале. Э. Тополь не был бы самим собой, если бы не сказал о теневых сторонах северной жизни. Это тема лагерей, так называемых «зон», которые и в настоящее время омрачают северные пейзажи. Это погоня за количественными показателями добычи газа и нефти любой ценой. Это свехроскошь чиновничьих коттеджей и жалкие условия жизни вахтовиков. Это небрежение интересами коренного населения и хищническое нарушение природного баланса. Это, наконец, решение проблемы всеобщего школьного обучения с помощью вертолётов и падение нравов среди ненецкой молодежи.

Даже сам основной конфликт — возмущение ненцев против русского владычества и ряд террористических актов в Салехарде — не представляется чем-то из ряда вон выходящим, если вспомнить историю взаимоотношений русских и ненцев на протяжении веков и учесть современные тенденции к насильственным акциям во всем мире.

Многое в романе Э. Тополя полемично заострено, многое объясняется временем острейшего идеологического противостояния дряхлеющей советской империи и новых, демократических, веяний. Ряд положений произведения и в настоящее время

²Satu Hassi. The Hantys and Mansis are in Danger! www. Tele3. net / PENTIKA. htm

³Липатова Л. Ф. Три года с кочевниками // Ямальский меридиан, № 1, 2003. С. 18-21.

⁴Les Carnets de Stйphane Peyron. La liberty nenetse. Textes de Valйrie Duponchelle. Editions du Chine, Hachette Livre, 1998. P. 22

⁵Афанасьев Ю. Н. «Однажды наступив на грабли...»: Очерки, размышления, мысли вслух. — Шадринск: Изд-во ПО «Исеть», 1999. — С. 86, 95

вызвал бы, наверное, ярые возражения как со стороны ненцев, так и со стороны русских. Но в том и заслуга писателя, что его творение никого не оставляет равнодушным. Писатели должны ставить проблемы, а решать их должны политики. И от того, какой выбор будет ими сделан, будет зависеть дальнейшая судьба коренных народов Севера.

В теоретико-литературном отношении роман Э. Тополя представляется не вполне типичным образцом «массовой» литературы. В современных условиях именно этот тип литературы пользуется наибольшим спросом, однако в отличие от множества литературных поделок роман Э. Тополя сочетает в себе занимательную интригу, множество полезных сведений о Севере и спорные моменты, заставляющие читателя думать и рассуждать. Особый интерес роману придают этнографические детали и приведённый в нём фольклорный материал.

Проблема этнокультурной самоидентификации

Обращение к мифу, фольклору, сказке является одной из характерных черт литературы второй половины XX в. Осмысление сложного и противоречивого современного мира немыслимо без понимания глубинных архетипов человеческого сознания, своеобразия понимания действительности разными народами и в различные времена. Особенно это актуально для феномена культуры Севера, в которой в силу сложившихся исторических и географических условий сложно переплетаются прошлое и настоящее, природа и цивилизация, древние идолы и христианские святые, коллективное бессознательное и нарождающееся ощущение ценности отдельного человеческого индивидуума.

Пройдя через искус новейшей мифологии XX в., человек Севера стремится вернуться в область древнейшего мифологического сознания. Однако связь времен прервалась, корни оказались подрубленными, национальное сознание ищет выход в гипертрофированном временем чувстве независимости и отторжении «чужеродных» ценностей. В этой ситуации невозможно переоценить роль духовных наставников народа, поэтов, писателей, мыслителей, возвращающих утраченную историческую память и одновременно стремящихся приобщить свой народ к широкому полю мировой культуры. Именно этим занимается в последнее время Р. Ругин.

Мифы, легенды, сказки родного народа у Р. Ругина осмыслены с позиций мировой культуры и литературы. Его легенды и сказки — не примитивный пересказ услышанных когда-то преданий, а серьёзная мировоззренческая и художественная их переработка. Национальный антураж, хантыйские реалии повседневной жизни — нередко лишь форма, способ введения культуры родного народа в мировой контекст, приобщения её к великим достижениям человеческого духа, средство осознания общности со всем человечеством.

Существенно разнятся легенды и сказки Р. Ругина. Его легенды, которые, в сущности, являются литературно обработанными мифами ханты, имеют по преимуществу этнографический характер, в них доминирует национальный колорит. В сказках же явно прослеживается опора на европейский и русский фольклор, на «бродячие сюжеты» мировой литературы, пусть и обёрнутые иногда в национальные хантыйские одежды.

В легендах сплетены традиционные мифы и древние предания, содержащие архетипы народного сознания, они отражают мировосприятие и мироощущение народа, оказавшегося в специфических исторических, климатических, географических и культурных условиях. Это прежде всего космогонические и этиологические мифы, в которых первостепенную роль играют животные. Особое отношение к животному миру легко объяснимо: испокон веков охота и рыбная ловля были основными занятиями ханты. Звери, птицы, рыбы в нерасчленённом мифологическом сознании превращались в героев, посланцев богов — как могучих, так и культурных, как помощников и защитников человека, так и его злейших врагов. В этом отношении мифология ханты схожа с мифологиями многих народов мира, в частности, с древнеегипетской, в которой существовали зооморфные боги, обожествлялись крокодил, павиан, скарабей, кошка и т.п.

Сказки Р. Ругина открывают для читателя другую яркую грань его таланта. Если в легендах он погружает читателя в мифологическую стихию северных народов, то в его сказках герои с хантыйскими именами весьма умело ориентируются в ситуациях, коллизиях, конфликтах мировой и русской сказочной классики.

Особый интерес представляет сказка «Младший сын царя» («Княжич Тавет» в стихотворном варианте). Заставка сказки несёт отпечаток северных

преданий о чудодейственной силе клыка медведицы, однако дальнейшее развитие событий в ней имеет очень опосредованное отношение к реалиям жизни ханты. Морское путешествие царского сына на двухмачтовом корабле, пребывание в чреве морского чудовища и чудесное спасение с помощью пороха, прибытие на некий остров и встреча с великаном-людоедом, погружение великана в сон с помощью вина и погрузка его на корабль, обнаружение огромных зубов морского чудовища — всё это представляет собой симбиоз библейского предания о Левиафане, знаменитую встречу Одиссея с циклопом, плавание аргонатов, путешествия героев Рабле и Свифта и т.п. Р. Ругину удалось связать в одной сказке вершинные моменты сказочно-легендарных преданий всех времен и народов. Эти эпизоды в настоящее время утратили свою национально-историческую принадлежность и стали достоянием мировой культуры, некими общечеловеческими структурами авантюрного повествования, «общими местами» в сказках многих народов мира. Р. Ругин следует в данном случае постмодернистской тенденции, с долей иронии заставляя хантыйского княжича Тавета пережить опыт библейского Ионы и древнегреческого Одиссея.

Стихотворные сборники Р. Ругина «Мелодии полярного круга» (1996) и «Снежная держава» (1998) посвящены всей многоликости и противоречивости мира Севера. В период крутых общественных потрясений, психологических стрессов и экологических катастроф Роман Ругин не замкнулся в «башне из слоновой кости», ничего не забывал, ни от чего не отрёкся, но стал чувствовать глубже, видеть дальше, понимать больше. В круг его поэтического интереса действительно входит всё: боль о невзгодах родной земли, память о трудном военном детстве, уважение и любовь к отцу и матери, к родным погостам, воспоминания о друзьях, посвящения сыну, любовные переживания, восхищение неброской северной природой.

Связующим звеном сборников является лирический герой, который несёт основную эмоциональную и интеллектуальную нагрузку. В процессе творчества раскрываются разные ипостаси лирического «я» поэта. Он и гражданин, переживающий за судьбу России и своей малой родины — Ямала, и глашатай этнического сознания ханты, и часть вселенско-космического творческого начала, и влюбленный мужчина. В сущности, поэт даёт свою стихотворную творческую биографию, в которой тесно переплетены

интимно-лирическая исповедальность, гражданский пафос, чувство долга перед землей, которая вскормила его, философско-нравственные размышления о жизни и людях.

Публицистичность и учительство уступают место глубокой медитативности в философско-нравственной лирике Р. Ругина. Смысл бытия, отношение к «другому», драма скоротечности жизни, подлость и предательство, любовь земная и небесная, законная и «беззаконная», природа и человеческая душа со всеми её странностями и парадоксами — вот вечные темы, которые всегда волновали человечество, и поэт-ханты вносит свой вклад в сокровищницу мировой поэзии.

Р. Ругин в своей поэзии проходит своего рода обратную творческую эволюцию: от социально-политической утопии XX в. к постижению исконных, первичных основ народной мудрости. Этот процесс представляется вполне закономерным и обоснованным в контексте истории и культуры народа ханты. Мудрый писатель пришёл к пониманию необходимости возврата к корням, без которых невозможно существование полноценной культуры. Попытки перескочить какие-либо этапы развития культуры, ускорить естественный ход событий приводят лишь к ещё большим потерям.

Движение поэтической мысли Р. Ругина демонстрирует неуклонное стремление поэта к глубинному постижению жизни. Ранние стихи имеют декларативный и политически тенденциозный характер. Однако по мере творческого взросления поэта его поэзия насыщается глубинным смыслом, впитывает в себя мировой опыт, обогащается барочными, романтическими, символистскими мотивами, образами и приёмами. Он стремится познать всю сложность человеческой души и противоречивость человеческих отношений. Поэтому ряд его поздних творений пронизан меланхолическими и пессимистическими настроениями. Отсюда, возможно, и его стремление окунуться в чистые родники народной поэзии.

Важную роль в осмыслении культурно-исторического бытия Ямала в XX веке сыграл жанр путевого очерка.

Очерковая книга В.П. Евладова «По тундрам Ямала к Белому острову» была написана в конце 20-х годов, однако ряд её положений остается актуальным и в настоящее время. По охвату этнографического и социокультурного материала о жизни ненцев книга В.П. Евладова вполне может быть названа энциклопедией ямальской тундры конца 20-х гг.

Литературоведческий анализ произведения В.П. Евладова позволяет сделать следующий основной вывод: всякая попытка сугубо художественного анализа произведений северной литературы так или иначе приводит к исследованию этнографического характера. Это четко прослеживается как в работах российских исследователей, так и зарубежных. Наглядный пример тому — работа Н.Д. де Шамбура о творчестве А. Неркаги, в которой не менее половины исследования связано с этнографическим и культурологическим материалом. Сама специфика духовной и материальной жизни коренного народа на настоящем этапе ее развития подразумевает именно такой подход к ее исследованию.

Теоретическое осмысление этапов литературного развития северо-запада Сибири было проведено в соответствии с принципами культурно-исторического, сравнительного и типологического подходов к изучению литературы. Имеются в виду те основные этапы культурно-эстетического освоения действительности, которые прошли европейские народы в процессе своего духовного становления (мифология, фольклор, ренессансный гуманизм, барокко, классицизм, романтизм, реализм, модернизм). Не вдаваясь в данный случай в тонкости и споры о литературных направлениях и художественных методах, всё же представляется возможным выстроить некую общую тенденцию, определить вектор духовного развития европейской культуры от целостности и синкретизма мифа к модернистской рефлексии и многополюсности, от коллективизма фольклора к индивидуализму литературы. В какой мере эта тенденция затрагивает процесс развития литературы на северо-западе Сибири — такова общая постановка теоретической проблемы в данной главе. Более конкретно это выразилось в анализе следующих вопросов:

Во-первых, в опыте классификации творчества писателей Севера согласно традиционному принципу деления литературы на направления и стили.

Во-вторых, в определении сложных взаимоотношений между мифом и собственно литературой в произведениях северных писателей.

В-третьих, в корректировке некоторых устоявшихся представлений о жанровой системе литературы коренных народов Ямала и её теоретическом обосновании.

Есть все основания говорить о неких общих тенденциях, которые проявляются в словесном творчестве любого народа. Речь идёт о мифологической, фольклорной и литературной составляющих, в которых этнос выражает своё мироощущение, мировосприятие и отношение к окружающей реальности. В мифологической и фольклорной компонентах коренные народы Ямала имеют достижения и традицию, достаточно хорошо изученные в работах исследователей XIX—XX вв.

Мифология этих народов входит в общее русло мифологических представлений как общечеловеческого характера, так и более узкого циркумполярного ареала. То же самое можно сказать и о фольклоре. Малые формы, сказки, легенды, предания, героические сказания (например, сюдбабц и ярабц у ненцев) представлены в полной мере и обнаруживают черты сходства с фольклором скандинавских стран⁶.

Иначе и сложнее обстоит дело с литературой. Уже говорилось о том, что процесс формирования письменной культуры у народов северо-запада Сибири пришёлся лишь на XX в. В силу исторически обусловленной ретардации литература этих народов должна была пройти в XX в. ускоренный путь развития, что-то творчески заимствуя, что-то перерабатывая на свой лад, а что-то ассимилируя без должного осмысления.

Русская и, в особенности, советская литература сыграли в формировании молодых литератур Севера роль, которую трудно переоценить. Сами северные писатели отмечают благотворное воздействие на их литературное становление произведений Пушкина, традиции Толстого, Чехова, Маяковского, Шолохова отчётливо прослеживаются в их творчестве.

Однако приходится признать, что воздействие литературы «старшего брата» не всегда было тактичным и органичным. Французский исследователь Доминик Норман де Шамбур высказывается по этому поводу следующим образом: «Широкая советская помощь имела привкус будущих компромиссов... Молодая азиатская литература, выросшая естественно под материнской сенью русской литературы, в том серале, который получил название «советская литература», выражается по-русски, но не теряет себя. Она была вскормлена на русской груди, гордой, но и иногда кастрирующей,

⁶ См.: Попов Ю.И., Цымбалистенко Н.В. Мифология, фольклор и литература Ямала. — Тюмень: Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 2001. — 134 с.

однако это было лишь поддержкой при рождении, но не её сущностью; она прошла стадию этнологического свидетельства, бледного копирования с восточной спецификой, пока не усвоила наследие истории национальной... и русской»⁷.

Идеологическая ангажированность социалистического реализма нарушала глубинные, размеренные ритмы северной ментальности и поэтического восприятия мира. Однако с другой стороны, произведения писателей Севера, написанные под воздействием метода социалистического реализма, укладывались в русло просветительской литературы, для которой тенденциозность, нравоучительность, дидактизм являлись неотъемлемыми качествами. Нечто подобное существовало в европейской и русской литературе XVIII в., в драмах Дидро, сатирах Кантемира, комедиях Фонвизина. Те же принципы восторжествовали в литературе социалистического реализма под известными лозунгами партийности, классового антагонизма, доступности широким народным массам. Типологически схожими представляются апология третьего сословия в литературе Просвещения и прославление четвертого сословия (пролетариата) в литературе социалистического реализма. Другое дело, что марксистская теория классового антагонизма в очень незначительной степени соответствовала патриархальному укладу жизни коренных народов Ямала (об этом пишет В. Евладов). Как представляется, именно в силу ускоренного развития литератур коренных народов этот момент был недостаточно осмыслен коренными писателями, что повлекло за собой определённую идейную и эстетическую ущербность произведений.

Таким образом, просветительский пафос и идеологемы социалистического реализма нередко причудливо сплетались в ранних произведениях ямальских писателей (поэзии Л. Лапцун, поэзии и прозе Р. Ругина).

Есть основания говорить о некоторых чертах классицистической эстетики в произведениях коренных северных писателей. Речь идёт не о сознательных неоклассицистических тенденциях, а скорее о неких архетипах юного сознания, в котором чётко разделяется добро и зло, герои являются носителями явно выраженной авторской идеи, а писатель стремится внушить читателю определё-

нный комплекс идей с помощью авторских ремарок или же путём введения в произведение героя-резонера («Гул далекой буровой» Р. Ругина, «Ханты, или Звезда Утренней Зари» Е. Айпина).

Близка классицизму и подчеркнутая риторичность повествования, характерная для произведений коренных писателей: они как бы стремятся всеми возможными средствами объяснить человеку из «чужого» мира неизвестные ему законы жизни своего народа. Отсюда вытекает своеобразный этнографизм и этиологичность северной литературы. Это также специфическая черта классицизма, достаточно вспомнить «научные» поэмы М. Ломоносова.

По мере «взросления» северной литературы в ней появляются более сложные, глубинные размышления о сути жизненных явлений. Показательна в этом отношении философско-медитативная лирика зрелого Р. Ругина, в которой переплетаются барочные и романтические мотивы. В его сборнике «Мелодии полярного круга» романтическое восхищение северной природой уже не просто юношеский восторг перед совершенством природного мира, но и повод для серьёзных размышлений о жизни и смерти, одиночестве и бренности бытия, противоречивости и несправедливости мира⁸. Ощутимы элементы поэтики барокко в повести А. Неркаги «Молчащий».

Особо следует отметить существенное воздействие неоромантической эстетики и поэтики на творчество писателей Ямала в 60-70 гг. Сам конфликт «природа — цивилизация», который исподволь входит в круг интересов ямальской литературы в связи с освоением недр Севера, имеет романтическую основу и далеко не нов в мировой литературе, его зачинателем был ещё Ж.Ж. Руссо. Культ природы и героика открытия новых земель, мотив бегства от прозы жизни и романтика новыхстроек, стихи и песни о тайге и Сибири одухотворяли советскую литературу 60-70 гг. и так или иначе воздействовали на творчество писателей Севера не просто... Однако если в советской литературе противоречиво сплетались восхищение природой и пафос её «покорения», то для коренных писателей этой дихотомии не существовало: свой край нужно было однозначно спасать. Экологическая тема пронизывает творчество всех северных писателей, однако пути решения этой проблемы нередко были идеально-романтическими (повести Р. Ругина,

⁷Dominique Normand de Chambourg. Un récit nenets d'A. Nerkagi. Institut national des langues et civilisations orientales. 1991-1992. P. 6, 10.

⁸См.: Попов Ю.И., Цымбалистенко Н.В. Литература Ямала XX в.: Пособие для учителей литературы старших классов. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2002. — 160 с.

«Ханты, или Звезда Утренней Зари» Е. Айпина, «Анико из рода Ного» А. Неркаги и т.п.).

Писатели Севера следуют романтикам и в стилистическом отношении. Обилие поэтических тропов, определённая «приподнятость» повествования, героизация персонажей, резкие краски в изображении добра и зла, доля мистичности и загадочности в изображении северных реалий и традиционных ритуалов (например, описание шаманского камлания в книге Е. Айпина и т.п.) — всё это позволяет говорить о присутствии ощутимой романтической струи в северной литературе.

Сложен вопрос о реализме писателей Севера. Понимаемый глубинно, не в смысле правдоподобной «верности деталей», а в свете бальзаковского и толстовского психологизма, он пока ещё не вполне освоен северной литературой. Остаётся открытой проблема всестороннего осмысления человеком Севера своего положения в современном мире, недостаточно полно раскрыта северными писателями проблема долгих взаимоотношений северян с русским этносом и советским миром в XX в., не в должной мере прояснена специфика ментальности коренного народа в целом и особенностей восприятия мира мужчиной и женщиной Севера, своеобразие любовных переживаний и коллизий северян. Не осмыслен, в сущности, своеобразный психологический тип коренного человека Севера. Только к концу XX в. писатели Севера стали обращаться к глубинному «я» собственного народа, его этнической и психологической специфике, начали анализировать особые мистические качества северных народов, их неспешность, философичность и консервативность, определённые в значительной степени экстремальными условиями существования.

Не осознанной до конца писателями Севера остаётся проблема разграничения авторского «я», позиции рассказчика и функций персонажа. В том же романе Е. Айпина происходит явное смешение функций рассказчика и автора, в определённых эпизодах логика развития характера персонажа явно подавляется авторской позицией.

Таким образом, глубинный психологизм реализма XX в., сложные построения модернистской и постмодернистской литературы не характерны пока для северной литературы. В определённой мере первооткрывателем здесь является А. Неркаги, в произведениях которой присутствуют некоторые элементы модернистской поэтики, однако и у неё эти элементы в большей степени выполняют внешнюю, сюжетооб-

разующую функцию, нежели касаются глубинных моментов психологии персонажей.

Несомненно наличие явно выраженной неомифологической компоненты в произведениях писателей Севера конца XX в. Миф для них является не только неисчерпаемым источником мотивов и образов, но также и нравственным императивом, тем непреложным божественным законом, который выше всех человеческих установлений и навязываемых идеологий. Иначе говоря, миф в произведениях писателей Севера отчасти утрачивает свою сакральную сущность и становится неким противовесом чуждым влияниям, той единственной точкой опоры, которая позволяет духовно противостоять воздействиям извне.

Важнейшей содержательной особенностью мифа является сосуществование человека и природы, именно в этом его принципиальное отличие от легенды или предания, в центре которых человек и история. Этим также объясняется интерес к мифу коренных писателей Ямала. Они хорошо понимают, что вернуться к мифу в его первоначальном, сакральном качестве невозможно. Но не следует забывать, что миф обладает способностью формировать новую действительность, и, как представляется, именно в этом глубинный смысл реконструкции мифа для коренных народов Ямала. Восстановление мифа означает в определённой степени восстановление порушенных основ жизни. В центральной России восстанавливается христианский миф, на Севере — языческий, это явления одного порядка, и, может быть, единственный путь возвращения к гармонии сосуществования человека и окружающего его мира. Для человека Севера это, в первую очередь, гармония человека и природы.

Таким образом, неомифологизм северной литературы — это не только компонент стиля художественного мышления и источник сюжетов и образов, но и важнейший мировоззренческий стержень. Писатель Севера в данном случае берёт на себя роль демиурга, творца действительности, подобно тому, как писатели XIX — начала XX в. были властителями умов российского общества. Восстанавливает и модернизирует национальные мифологические предания ханты Р. Ругин, с мифа начинает своё эпическое повествование о народе ханты Е. Айпин, мифом об Орле и Игралище открывается повесть А. Неркаги «Молчащий», мифологичен конфликт Человека и Зверя в её же повести «Анико из рода Ного», апеллирует к мифу и И. Истомин — ведь

утопия есть ничто иное, как повернутый в будущее миф о «золотой эпохе» прошлого.

Таким образом, миф как концептуальный архетип сознания, компонент стиля художественного мышления и сюжетообразующий фактор является одной из важнейших составляющих современной северной литературы.

Представляется существенным также анализ идейно-содержательных приоритетов северной литературы. Мотивы фольклора и мифологии, культовое восхищение природой и её скрупулезные описания, проблема взаимоотношений человека и природы — основные её составляющие. Однако приходится признать, что нередко эти темы заслоняют важнейшее содержание литературы в современном её понимании, а именно, анализ состояний души человека и глубинных мотивов его поведения, осмысление окружающего мира через призму авторского сознания.

В связи с этим возникает проблема жанровой специфики северной литературы. Как известно, каждой определённой стадии литературного самопознания соответствует адекватная ей система жанровых форм. Роман не случайно стал доминирующей жанровой формой в XIX в.: ведь именно тогда возник конфликт человеческого «я» с чуждым ему окружением, а также понимание равноценности, если не большей значимости индивидуума по отношению к окружающему его социуму.

Именно в силу этих особенностей жанра романа многие исследователи констатируют его отсутствие в литературе Севера и настаивают на доминировании в ней жанра повести. В целом можно согласиться с подобной позицией. Действительно, повесть представляет собой принципиально иной вид эпической прозы, нежели роман, она сохраняет отчасти элементы устной традиции, стремясь рассказать, «поведать», а не объективно «показать». Действие повести сосредоточено на обыденном бытии и последовательном течении времени в отличие от экстраординарности и динамичности романа. Как следствие, для повести характерно сравнительно медленное развитие действия, ровный ритм повествования, относительная простота композиции. В повести доминируют статические компоненты: положения, душевные состояния, пейзажи, описания, объединённые нередко по принципу «нанизывания». Важную роль играет в повести речевая стихия, голос автора или рассказчика, который нередко является связующим началом, без которого повесть могла бы превратиться в аморфное нагромождение фактов и

впечатлений. Время в повести — основной фактор, именно оно нередко определяет размеры повести, тогда как в романе время есть функция действия, им манипулируют, оно может останавливаться или течь вспять. Наконец, следует отметить широкую распространённость жанра повести в русской литературе, что не могло так или иначе не отразиться и на северной литературе. Анализ творчества писателей Севера свидетельствует о соответствии многих их творений этим критериям (повести И. Истомина, Р. Ругина).

Однако под жанровое определение «повесть» подпадают и произведения принципиально иного рода. Имеется в виду философско-фантастическая повесть, в которой присутствуют элементы фантастики, мистики, сатиры, гротеска, достаточно вспомнить «Философские повести» Вольтера, «Нос» Гоголя, философско-фантастические повести братьев Стругацких, экзистенциалистскую повесть А. Камю «Посторонний» и т.п. Именно к такому типу повести можно отнести произведение А. Неркаги «Молчащий».

Достаточно сложна проблема жанровой детерминации произведения Е. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари». В силу достаточно большого объёма его принято называть романом, однако представляется более точным с литературоведческой точки зрения обозначить его жанр как повесть-эпопею. С другой стороны, произведение И. Истомина «Живун» в полной мере соответствует жанровым критериям романа.

Таким образом, несомненно стремление северных писателей расширить жанровый диапазон своих произведений, выйти за рамки одной жанровой разновидности, освоить более сложные поэтические структуры.

С другой стороны, такие литературоведческие категории, как сюжет и фабула, композиция и архитектура произведения, образ и характер, герой и персонаж, автор и рассказчик в литературе коренных народов Ямала еще недостаточно разработаны с художественной точки зрения. Писатели Севера в большей степени озабочены смысловым, содержательным аспектом своих произведений, нежели той формой, в которую они облачаются. Стиль повествования нередко включает в себя разнородные элементы, а публицистические отступления не всегда органично сплетаются с собственно художественными приёмами. Двуязычие писателей также накладывает свой отпечаток на произведения, написанные по-русски.

В целом представляется правомерным условно подразделить развитие ямальской литературы в XX в. на два основных этапа: **классицистически-просветительский** и **романтический**.

Первый этап охватывает период с конца XIX в., когда были сделаны первые попытки русских православных миссионеров приобщить коренные народы к грамоте и к изучению Священного Писания, и до начала 60-х гг. XX в., когда в полной мере проявились просветительские и идеологические усилия советской власти, стремившейся интегрировать коренные народы Севера в новую систему ценностей. Содержательно и стилистически это поучительная и тенденциозная литература. Показательно, что именно в эту эпоху были предприняты усилия по выработке общенациональных языков и алфавитов коренных народов Севера — а это как раз и является нормативной функцией классицизма (так в эпоху русского классицизма XVIII вв. усилиями В. Тредиаковского и М. Ломоносова закладывались основы русского литературного языка).

Романтический этап охватывает 70 — 80 гг. XX в. Это период осознания своей этнической идентичности первым поколением национальной интеллигенции и попытка воплотить идею социального переустройства мира. Налицо идеализированность и утопичность произведений этой эпохи, романтическое стремление к созданию нового, лучшего, мира, вера в возможность построения более справедливого общества, идея переделки человека — многие представления советской эпохи были восприняты северными писателями с неподдельным энтузиазмом. В систему романтического мироощущения входит и культ природы, столь характерный для творчества северян. С культурологической точки зрения, это — юность культуры.

Третий этап развития ямальской литературы начался в 90-х гг. XX в. Идеино и стилистически он разнороден, в нём присутствуют романтические, реалистические, натуралистические и модернистские тенденции. Этот период характеризуется критическим отношением к советским ценностям и русскому миру в целом, который нередко рассматривается как чуждый коренным народам Севера. Это начало эпохи зрелости, избавление от комплекса ученичества.

Данная статья является первой попыткой системного рассмотрения процесса развития литературы на северо-западе Сибири в XX в. с позиций культурно-исторической и компаративистской школ в

литературоведении. Главное внимание было уделено проблеме интеграции творчества коренных писателей Ямала в мировой литературный процесс, принадлежности их произведений к основным литературно-художественным направлениям, а также жанровой системе северной литературы.

Работа ни в коей мере не претендует на всеохватность и завершённость анализа литературного процесса. Представлялось также непродуктивным строго привязывать исследование к писателям отдельного географического ареала. Поэтому в сферу исследования вошли писатели и поэты не только Ямала, но и проживающий ныне в Ханты-Мансийском округе Е. Айпин, и американский эмигрант Э. Тополь, и французские литературоведы. Главным критерием отбора произведений для исследования была их обращённость к судьбам двух основных коренных народов, проживающих на Ямале, — ненцев и ханты, что закономерно подразумевало и освещение их взаимоотношений с русским и другими народами, оказавшимися волею исторической судьбы в этом регионе.

Важную роль при отборе исследуемого материала сыграл и собственно эстетический принцип, то есть тот уровень художественного мастерства, который позволял серьёзно говорить о литературных достоинствах.

Проведённый в работе анализ свидетельствует о том, что писатели коренных народов Ямала в целом успешно справились с задачей литературного осмысления собственной истории и культуры в XX в.

Содержательный пласт произведений охватывает все основные этапы становления истории и культуры коренных народов Ямала на протяжении XX в.

Через литературную призму показано начало социокультурного процесса на Севере в XX в. («Живун» И. Истомина) и завершающий его этап («Молчащий» А. Неркаги).

В произведениях писателей Ямала затронуты, с одной стороны, сфера коллективного сознания народов («Живун» И. Истомина, «Ханты, или Звезда Утренней Зари» Е. Айпина, «Молчащий» А. Неркаги), с другой стороны, показано формирование индивидуального сознания человека Севера, его выделение из родового мира («Анико из рода Ного» А. Неркаги, «Ланги» Р. Ругина).

В анализируемых произведениях в большей или меньшей степени высвечены все исторические катаклизмы и этапы культурного развития коренных народов в XX в.

Последние годы царской России и становление Советской власти показаны в романе И. Истомина «Живун». Тема коллективизации и репрессий, борьбы с шаманизмом в 30-е гг. затронута в эпическом романе Е. Айпина и очерковой книге В. Евладова. Военные и послевоенные годы показаны в повестях Р. Ругина. Драматическая эпопея освоения нефтегазовых месторождений в 60-80 гг. так или иначе затронута в произведениях всех писателей, творивших в эту эпоху, это краеугольный камень всей литературы северо-запада Сибири во второй половине века. Наконец, критическая переоценка пройденного в XX в. народами Севера исторического пути, проблема выбора дальнейшего развития становятся важнейшими идейными доминантами произведений Е. Айпина, А. Неркаги, Э. Тополя, появившихся в 80-90 гг.

Таким образом, из региональной, провинциальной в середине XX века литература Ямала выходит в конце века к постановке важнейших социальных, политических, исторических, экзистенциальных проблем.

В художественно-эстетическом отношении литература коренных народов Севера представлена во всей полноте её связей с русской и мировой литературой. Эти связи прослеживаются как на типологическом уровне, так и в сфере взаимовлияний и заимствований. Они проявляются как в виде сознательных аллюзий и цитирований (например, эпиграф из Хемингуэя у Е. Айпина), так и на интуитивном, подсознательном уровне, в виде «общих мест», «встречных движений», «бродячих сюжетов» в мировой литературе (сказки Р. Ругина, «сюрреализм» А. Неркаги).

В теоретико-литературном отношении проанализированные произведения писателей Севера представляют целый ряд жанровых разновидностей эпического рода (повесть-эпопея Е. Айпина, философская повесть А. Неркаги, традиционная повесть и рассказы Р. Ругина, роман-антиутопия И. Истомина). Тем самым уточняется и отчасти опровергается распространенное мнение об абсолютном доминировании жанра повести в северной литературе. Стихотворное творчество Р. Ругина представляет различные виды лирического рода, от дидактической поэмы до медитативно-философской поэзии. Не представлена пока существенными достижениями в северной литературе драма, однако драматический элемент занимает существенное место в прозе северян.

Сложен вопрос о принадлежности произведений писателей сибирского Севера к тому или иному литературному направлению. Определенно можно говорить о доминировании метода социалистического реализма в ранней поэзии и отдельных повестях Р. Ругина, некоторые отголоски этого метода прочитываются в романе Е. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» и в книге И. Истомина «Живун». Творческое становление всех этих писателей пришлось на те годы Советской власти, когда этот метод воспринимался всерьёз и его влияние так или иначе не могло не ощущаться в их произведениях. Тем более, что социалистический реализм как художественный метод многое перенял и у эстетики классицизма, и у просветительской литературы XVIII в., — поэтому отдельные принципы этих направлений явственно присутствуют в творчестве северных писателей середины XX в. С другой стороны, ригоризм и дидактичность классицизма есть необходимая ступень духовного развития многих молодых наций и культур, и северные народы в этом отношении не исключение.

Можно говорить о наличии барочных мотивов в поздней лирике Р. Ругина, а также в фантастическом произведении А. Неркаги «Молчащий».

Важным содержательным стержнем всей северной литературы является своеобразно трансформированный романтизм. Конфликт «цивилизация — природа» одинаково близок романтикам XIX в. и писателям-северянам второй половины XX в., причём и в том, и в другом случае предпочтение отдаётся природному, естественному началу. В этом смысле можно говорить о спонтанном, руссоизме северной литературы.

С романтизмом сближает северную литературу культ природы и концепция человека. Наконец, та проблема выбора, которая встаёт перед героями северной литературы в конце XX века, в определённой степени также носит романтический характер.

Несомненно стремление писателей Севера к реалистическому способу отражения действительности, однако глубинные основы классической реалистической литературы XIX — XX вв., так же, как принципы модернизма и постмодернизма, ещё требуют серьезного освоения.

Таким образом, следует признать, что литература коренных народов северо-запада Сибири успешно развивалась на протяжении XX в. и прошла ряд этапов, характерных для исторического развития европейских литератур.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ПОДГОТОВКЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

О. Л. Березина

Предшествующая современному периоду развития общества относительно медленная его эволюция обуславливала постоянство структуры и содержания образования. Сложился тип «конечного» образования, при котором однажды полученные человеком знания сохраняли свою ценность на протяжении всей его профессиональной деятельности. Современные темпы обновления техники и технологии, форм организации труда стали превосходить темпы смены поколений людей. Возникла невиданная прежде подвижность и изменчивость общественного производства, требующие постоянного изменения содержания, характера и направленности профессиональной деятельности. Произошло отставание образования от новых реальностей жизни, девальвация его общественной значимости.

Стало очевидным, что обучение взрослых — это вершина «айсберга», основание которого уходит в общеобразовательную подготовку. Компенсаторное образование не привело к появлению целостности образовательной системы. Простое дополнение существующих звеньев новыми без качественного изменения содержания и форм их работы не внесло в существующую практику образования свойство непрерывности, не разрешило возникших противоречий, привело к перегрузке обучающихся.

Подходы к пониманию сущности непрерывного образования достаточно противоречивы. В одних случаях его отождествляют с непрерывным обучением, в других — считают достаточным дополнить существующую систему новыми звеньями.

Центральной идеей непрерывного образования является развитие человека как личности, субъекта деятельности и общения на протяжении всей его жизни (1, с. 185). Системообразующим фактором непрерывного образования служит осознанная общественная потребность в постоянном развитии личности каждого человека.

Единство целей непрерывного образования как системы и специфических задач каждого ее звена органически сочетается с трактовкой понятия преемственности.

Основой реализации преемственности разных уровней и ступеней образования является фундаментальное содержание, закладываемое в базовых звеньях,

начиная от способов общения и заканчивая основами соответствующих отраслей знаний и сфер деятельности. Владея «ядром» знаний, умениями учиться, человек сам может выбирать виды, темпы и сроки обучения, индивидуализировать процесс образования. Интеллектуальный фундамент позволяет человеку самостоятельно приобретать необходимые прикладные знания, диктуемые новыми технологиями, осуществлять повышение квалификации и переподготовку.

Непрерывность и преемственность процесса образования должны обеспечиваться на любом этапе обучения при последовательном освоении образовательных программ. В педагогике выделяются три основные проблемы процесса преемственности подготовки учителя:

- ✓ преемственность содержания образования на всех уровнях;
- ✓ учёт психофизиологических особенностей в условиях профессиональной подготовки взрослых;
- ✓ развитие и сохранение мотивации к самообразованию.

Педагогической основой преемственности в последипломном образовании является развертывание содержания обучения. Учитель — вчерашний студент — получает возможность на базе профессионального знания и практического опыта собственной деятельности расширять сферу профессиональных компетенций.

Согласно Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года образование в современных условиях не может оставаться в состоянии внутренней замкнутости и самодостаточности. Устаревшее и перегруженное содержание школьного образования не обеспечивало выпускнику общеобразовательной школы фундаментальных знаний — важнейших составляющих стандарта образования нового века. Профессиональное образование, в свою очередь, еще не способно в должной мере решить проблему качества кадрового состава, обусловленную новыми требованиями к уровню квалификации работников.

Модернизация базового звена образования — общеобразовательной школы (в соответствии с Концепцией модернизации российского об-

разования) — должна обеспечивать формирование целостной системы универсальных знаний, умений, навыков, а также опыт самостоятельной деятельности и личной ответственности обучающихся, т. е. ключевые компетенции, определяющие современное качество содержания образования. А такая деятельность невозможна без соответствующим образом подготовленного специалиста для системы образования. В качестве основного фактора обновления профессионального образования выступают запросы развития экономики и социальной сферы, науки, техники, технологий. В связи с этим в настоящее время происходит выстраивание многоуровневой структуры профессионального образования педагога (2, с. 34). Особое внимание уделяется развитию научных исследований и разработок, оказывающих решающее влияние на укрепление кадрового потенциала сотрудников.

С целью достижения нового качества профессионального образования создаются условия для непрерывного профессионального роста кадров, обеспечения преемственности различных уровней профессионального образования и формирования эффективной системы дополнительного профессионального образования.

Основные цели профессионального образования — подготовка квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в сложных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к профессиональному росту, а также удовлетворение потребности личности в получении соответствующего образования.

Актуальные потребности общественного развития видоизменяют подходы к повышению квалификации специалистов как наиболее гибкого звена системы непрерывного образования. Учебный процесс здесь строится на основе принципов активного обучения, самообразования, благодаря которому преодолевается дискретный характер ступеней непрерывного образования, обеспечивается его подлинная преемственность. Необходимым условием эффективной работы системы непрерывного образования является информационное, организационное, научное, методическое обеспечение. На каждом уровне и в каждом звене системы профес-

сионального образования необходим выбор адекватных целям и содержанию обучения комплексов форм, методов и средств обучения. Важно обеспечить их преемственность методам и средствам общешкольного образования.

Образование взрослых, по данным Института общего образования взрослых РАН, в настоящее время выполняет три взаимосвязанных функции:

1) компенсаторную — ликвидация пробелов в базовом образовании человека;

2) адаптивную — оперативная подготовка и переподготовка специалиста в динамично меняющихся условиях жизни,

3) развивающую — обеспечение творческого роста личности и удовлетворение ее многообразных духовных запросов.

На основе исследований того же института установлено, что реализация непрерывного образования в различных формах протекает успешнее, если основана на следующих принципах:

— преемственности базового и дополнительного образования;

— взаимосвязи организованного образования взрослых и их самообразования,

— гибкости, вариативности и дифференциации содержания, форм и методов;

— единства обучения и практической деятельности;

— учета и обогащения потребностей, интересов и запросов обучающихся.

Потребности в постоянном обновлении знаний, поддержании на требуемом уровне готовности выполнять усложняющиеся социальные и профессиональные функции обусловили появление перехода к современному непрерывному образованию, получившему свое воплощение, прежде всего, в создании обновленной системы повышения квалификации специалистов, переподготовке кадров, в различных формах дополнительного образования взрослых.

Повышение квалификации учителя есть прежде всего процесс его поступательного роста как личности и профессионала, который осуществляется в практической деятельности, но его эффективность определяется лишь в результате систематического осмысления учителем своего индивидуального опыта в более общем контексте социально-профессионального опыта с позиций развивающейся педагогической теории и практики.

Литература

1. *Российская педагогическая энциклопедия*. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. — 700 с.
2. *Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года* // *Вестник образования*. — 2002. — № 6. — С. 11 — 40.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ РИТОРИКИ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В АНТИЧНОСТИ И В СОВРЕМЕННОСТИ

С.Е. Тихонов

Е.Б. Тихонова

*Ум хорошо организованный
лучше, чем хорошо наполненный.*

М. Монтень

Речь — основной рычаг человеческого мышления.

Поль Л. Сопер

*Риторика — это узел, который
связывает воедино познание и общение.*

Революционные изменения в образовании — дело не новое и, как свидетельствует история, весьма длительное [Чурилов, 1997; Чурилов, 2001]. Мы знаем, что день нынешний — это период интенсивного преобразования в российском образовании, которое именуют модернизацией всей его системы. В связи с этим, прежде чем вести разговор о роли риторики, целесообразно дать рабочее определение того, что понимается нами под терминологическим сочетанием модернизация образования.

Модернизация образования — *достаточно длительный процесс глубоких изменений во всех сферах образовательной деятельности, целью которого является, прежде всего, качественное улучшение результатов образования и воспитания как по отношению к конкретной личности и ради неё, так и в отношении общества в целом;*

процесс, результатом которого должно быть становление гуманного высоконравственного образованного человека,

способного с максимальной пользой для себя и для общества (на основе осознания необходимости и ощущения себя гражданином страны) реализовать свой человеческий (в том числе и творческий, и производственный) потенциал и соответственно свои интеллектуальные и физические возможности самостоятельно и в цивилизованном взаимодействии на основе кооперации с другими людьми.

Непроизвольно спрашиваем себя: возможно ли достичь указанного результата (т.е. эффек-

тивно выполнить цели и задачи модернизации образования) без преподавания риторики в школе?

*Размышляя над этим, мы осмелимся предположить, что сегодня нет ясного понимания истинной роли таких учебных дисциплин, как **риторика** и **культура общения**, в качестве одной из важных основ, способных реально влиять на повышение эффективности образовательной деятельности. Об этом, к примеру, свидетельствует то, что в абсолютном большинстве российских школ (в том числе и в образовательных учреждениях ЯНАО) в учебных планах среднего и старшего звена названные предметы фактически отсутствуют.*

Известно, что процесс модернизации предусматривает постепенный переход к истинно гуманистическому образованию, основные идеи которого (в одном из вариантов) изложены в концепции научно-гуманистической системы образования (НГСО — С.Т.) [Чурилов, 2000; Чурилов, 2001]. Одной из целей НГСО является воспитание, «взращивание» культурного человека (человека культуры и человека в культуре) на основе диалога культур. В этом контексте трудно не согласиться с мнением доктора философских наук, профессора О.И. Марченко: «Ценности и нормы риторики аккумулируют в себе высшие стимулы человеческого поведения, обладают побудительной действенной силой, являются одним из устойчивых универсальных оснований культуры» [Марченко, 2002, с. 11].

Влияние риторики на эффективность образовательной деятельности в целом, а также процесса

познания и обучения конкретного учащегося просматривается и в том, что в настоящий момент многие «риторику вновь оценивают как своеобразный генератор идей, способный решить проблемы, связанные с углубляющейся специализацией наук. *Риторика предстаёт метаязыком гуманитарных наук*» [Марченко, 2002, с. 5](курсив наш — С.Т.).

В то же время для многих людей, непосредственно связанных с системой образования, работающих в ней, осуществляющих процесс обучения, и сегодня трудно реально оценить роль указанного учебного предмета в современной школе, поскольку «долгое время (начиная с 20-х и вплоть до 90-х годов), — пишет один из ведущих в России специалистов по истории риторики и риторической логике В.Н. Маров, — риторика, как известно, была изъята из образования, в атмосфере риторического нигилизма выросло несколько поколений, и теперь, когда начался процесс «возвращения» риторики в учебные планы, её предметное содержание оказалось неясным и противоречивым: под этим названием, например, преподают «ораторское искусство» (как культурно-историческую дисциплину), «культуру и технику речи» (как речеведческую дисциплину)» [Маров, 2005, с. 190].

Научно-гуманистическая система образования в качестве важнейшего результата предполагает «складывание» и **появление личности, свободного человека, умеющего действовать в соответствии с обстоятельствами во благо себе, обществу, природе и государству, достигая поставленных целей и решая задачи в кооперации с другими людьми и при этом корректно отстаивая собственное мнение.** Иными словами эффективная реализация целей и задач гуманистического образования (естественно, и в таком варианте, как концепция НГСО) равно как и модернизации образования возможна лишь при условии всемерного развития в учащемся субъектности и на этой основе становлении его как субъекта деятельности.

Мы убеждены, что **риторика помогает растущему человеку**

- сначала превратиться в соавтора различных значимых с точки зрения культуры речевых произведений разных эпох и народов,

- быть и постоянно реализовать себя в качестве автора собственных риторических текстов, ответственного за слово как действие,

- и таким образом и на этой базе постепенно становиться автором собственной жизни.

Эффективность образования (и самообразования) во многом обусловлена тем, как (каким образом) человек мыслит. В свою очередь, ответственность мышления в значительной степени определяется тем, насколько в учащемся человеке развита способность изобретать мысль.

Какая учебная дисциплина в современной школе в качестве одной из специальных задач рассматривает открытие учащемуся механизмов изобретения мысли (и речи как воплощения мысли в общении) и освоение их школьником? Издревле **открытие, исследование и освоение механизмов изобретения мысли — одна из неотъемлемых составляющих риторики как науки и учебного предмета.**

С позиции эффективности познания и обучения одно из важнейших умений и навыков учащегося человека — говорение. В этом смысле уметь **говорить** означает *выражать свои мысли в жанрово оформленном высказывании (в том числе и публично), адекватно соотносясь с ситуацией общения, цивилизованно достигая поставленной цели речевого взаимодействия и эффективно адресно воздействуя на аудиторию (или отдельного слушателя).* В то же время во многом сегодня «в условиях массовой коммуникации, — по справедливому замечанию В.Н. Марова, — были разорваны неотъемлемые, с точки зрения Аристотелевой риторики, элементы речи: оратор — предмет речи — лицо, к которому оратор обращается» [Маров, 1996, с.5] (подчёркнуто нами — С.Т., Е.Т.). **Качественное становление и совершенствование у любого обучающегося умения говорить в том понимании, которое мы привели выше, также трудно представить себе без риторики.**

Исследователи констатируют: «*Общество учит детей думать, наблюдать, оценивать*» [Александрова, 2002, с. 46]. Напомним, что оценивание собственной деятельности, в том числе познавательной и учебной (как, впрочем, и любой иной), опирается на способность рефлексировать. Для того чтобы учение и обучение были успешными, необходимо активно развивать в учащемся указанную способность и помогать осваивать рефлексию и как процесс, и в качестве особого речевого (риторического) жанра. А этому в немалой степени также может способствовать преподавание и освоение курса риторики, так как рефлексия — один из обязательных этапов риторической деятельности. **Освоение рефлексии как**

процесса на уровне достаточно устойчивого навыка и владения специфической жанровой разновидностью риторического текста — одна из задач курса риторики, что очень наглядно проявляется, например, в такой системе преподавания данного предмета, как риторика диалога (Пермская школа риторики Западно-Уральского учебно-научного центра под научным руководством С.А. Минеевой). Именно рефлексия в качестве осознанного действия, которое во внешней речи может быть воплощено в особом тексте одноимённого жанра, способствует совершенствованию любого конкретного действия, всякой деятельности.

Мы солидарны с мыслью С.А. Минеевой о том, что **учение есть общение**, причём общение в определённой предметно-смысловой сфере. Очень близка нам и позиция И.И. Чурилова, утверждающего, что **вне общения нет образования**. Многовековой опыт доказывает, что любой материал лучше осваивается и присваивается в том случае, когда субъекты образовательной деятельности взаимодействуют не только с позиции своих ролевых функций (учитель — учащийся), но и на уровне личного (в частности, и межличностного) общения. Вспомните слова Сократа: «Чтобы познать себя, надо идти к другому».

Содержание какого предмета в наибольшей степени раскрывает и помогает в практике осваивать механизмы эффективного речевого взаимодействия? Наиболее целенаправленно умению осознанного эффективного речевого взаимодействия и помогают научиться риторика и культура общения. С их помощью человек учится вести диалог по мысли (по выражению С.А. Минеевой).

Практика доказывает, что более значимое повышение эффективности учения и обучения достигается в том случае, когда в школе (или классе) преподавание риторики сочетается с риторизацией учебного предмета (предметов) или образовательной деятельности во всех её проявлениях.

Напомним, что, по мнению С.А. Минеевой, **риторизация** — «это механизм (процесс) переосмысления предмета и способов его преподавания, переосмысления организации образовательного процесса как полноценного диалогового общения по канонам риторики». Другими словами, **организация культурообразного диалогового общения на уроке и на внеурочных занятиях и есть риторизация.**

«Риторизация предполагает преобразование образовательного процесса с помощью методов и способов общения субъектов этого процесса, а также осмысление реальных путей и способов речевого взаимодействия» [Минеева, 2002, с. 131; подробнее о риторизации также см., например: Тихонов, 2003, и Тихонов, Тихонова, 2004].

Далее С.А. Минеева конкретизирует суть рассматриваемого понятия: «Риторизация **предметов** — извлечение гуманитарного потенциала предмета средствами диалогового общения». Извлечение же гуманитарного потенциала любого предмета (в том числе и с помощью его риторизации), думается, *полностью отвечает важнейшим принципам современного российского образования на этапе его всесторонней модернизации — гуманизации и гуманитаризации.*

Возрождение риторики (о чём пишут многие специалисты) в качестве учебной дисциплины, активизация научно-теоретических исследований в области риторики как науки в нашей стране обусловлена и тем, что ситуация в современном российском обществе (в России конца XX — начала XXI века) в чём-то схожа, как нам кажется, с условиями, сложившимися в античности (в частности, древнегреческой).

Нашему социуму с момента начала перестройки и по настоящее время *свойственны*, например, следующие факторы, так или иначе обуславливающие его развитие:

- 1) наличие конкурентной социальной среды;
- 2) признание за индивидом права на самореализацию и осуществление собственных целей (во всяком случае, подобное право везде официально декларируется);
- 3) появление всё большего числа инициативных людей, стремящихся самостоятельно управлять собственной жизнью;
- 4) наличие и активное совершенствование системы выборов;
- 5) восстановление в их истинном смысле таких форм публичного обсуждения и решения социально значимых проблем, как *дума* (практика действия государственных дум разных уровней), народные собрания, митинги и т.п.;
- 6) возрождение суда присяжных и, соответственно, новый виток совершенствования судебной практики и других демократических институтов в целом;
- 7) достаточно сложный процесс становления правового государства,

8) «приобретение» на этой основе прагматическим аспектом риторики ведущего значения, а также

9) осмысление многими людьми искусства речи в качестве полезного знания, которое даёт возможность завоевать место в обществе и в какой-то степени обеспечить своё будущее, потому что реалии жизни требуют умения цивилизованно отстаивать свою позицию.

При этом нетрудно предположить то, что благодаря наличию и воздействию перечисленных и многих других факторов начинают

- с одной стороны, активно исследоваться различные вопросы (как теоретические, так и практические), связанные и с самим речевым существованием (и, конечно, с «публичной речевой жизнью») общества, и в связи с этим с различными разновидностями публичной речи (в том числе и юридической, в частности);

- с другой стороны, совершенствоваться практика публичного говорения в различных сферах общественно полезной человеческой деятельности (с возрастанием её объёма).

Думается, справедливо будет сказать и следующее:

сегодня мы со значительным трудом (в большей степени на уровне осмысления и в меньшей — на практике) *возвращаемся к тем постулатам античного (в частности, древнегреческого) образования, в которых заключается результат образовательной деятельности.* Анализируя особенности греческой цивилизации и истории развития риторики, С.А. Кириленко справедливо отмечает: «Греческая цивилизация отличалась от современных ей цивилизаций Востока наличием конкурентной социальной среды. Научные и художественные достижения греков обязаны своим развитием духу «агональности» (состязательности в личных достижениях с целью выявления силы противников — С.Т.) ... Принцип агональности получил выражение во всех аспектах греческой культуры... Таким образом, *риторика получает развитие и обретает своё место в рамках всеобъемлющей культуры личностных достижений, каковая могла сформироваться только в обществе, признающем за индивидом право на самореализацию и осуществление собственных целей*» [Кириленко, 2005, с. 37; см. также Зайцев, 2000, с. 106 и след.] (курсив наш — С.Т.).

Очевидно, справедливо будет утверждать, что наше общество становится обществом лично-

стных достижений, при этом в нём, естественно, возрастает дух соревновательности. Важно, чтобы к своим личностным достижениям люди приходили, одновременно руководствуясь нравственным законом внутри себя, разумом и сердцем, т.е. *на основе культуры сердца, совести и чувства (по выражению М.М. Бахтина).*

Продолжая сравнивать цели и задачи образования времён античности (и, прежде всего, древнегреческого) с теми, которые стоят перед российской школой (в самом широком смысле этого слова) сейчас, мы приходим к выводу, что они во многом подобны. И тогда, и в настоящее время общество хотело и хочет «получить на выходе» культурного свободного нравственного образованного человека с развитой способностью и желанием действовать, владеющего соответствующими способами действия и имеющего навык эффективного уважительного взаимодействия с другими для решения всё усложняющихся в современном мире задач, о чём мы уже упоминали.

С этой точки зрения можно попытаться сравнить роль риторики как учебной дисциплины в эпоху античности и в сегодняшней России.

Свой взгляд на условия и события, способствовавшие зарождению риторики, предлагает М.Н. Пряхин: «Можно предположить, что <...> три необходимые каждому свободному гражданину способности — умение читать, хорошо говорить, логически мыслить — стали основанием для классической системы образования в античности.

Имеется в виду тривиум (грамматика, **риторика** и диалектика). Без знания этого набора из трёх предметов, основы основ свободных искусств, человек не мог быть **полноценным гражданином** <...> Поэтому античный тривиум — органически построенная система обучения свободного гражданина в правовом обществе» [Пряхин, 2005, с. 64-65] (курсив и иное выделение в цитате наши — Е.Т., С.Т.).

Таким образом, вероятно, правомерно заключить, что при названных условиях должно активизироваться (и действительно активизировалось) развитие риторики в качестве и науки, и процесса, и учебной дисциплины.

При рассмотрении проблем взаимодействия человека с другими людьми в данном случае не столько с позиций филологии или психологии,

сколько в философско-культурологическом аспекте, С.А. Минеева, опираясь на мнение одного из самых авторитетных специалистов в этой области знаний, пишет: «Наиболее распространёнными, трагическими по результатам, являются отношения подчинения. За этими отношениями — определённое мировоззрение: *монологический догматизм*. Известный философ и культуролог М.С. Каган отмечает, что длительное время в отношениях между народами, религиями, классами, эпохами, цивилизациями преимущественно господствовала «власть силы», а не «сила духа», поэтому диалогические контакты настоящего с прошлым были эпизодическими и не могли ещё стать прочными, долговременными направляющими культурного процесса. Человечество по общему уровню своего материального и духовного развития пока ещё не готово к обретению подлинного «единства многообразия» [Минеева, 2005, с. 52].

При этом очень важными для подтверждения мысли

- о настоящей необходимости риторического образования и, таким образом,

- повышения уровня риторической образованности с целью совершенствования общей (в том числе и речевой) культуры каждого человека и культуры взаимодействия с помощью речи (на основе языковых и речевых средств) в обществе в целом, а значит

- развития диалогической культуры отдельной личности и социума, а также значении риторики,

представляются приводимые исследователем слова М.С. Кагана: «Перефразируя <...> изречение Сартра, что **человек** — это существо «приговорённое к свободе», я сказал бы, что **ныне человечество «приговорено к диалогу»**. *Осуществление этого приговора — дело каждого из нас*» [цитируем М.С. Кагана также по изданию Минеева, 2005, с. 52] (курсив в цитате наш — Е.Т., С.Т.).

Преодоление монологического догматизма в сфере образования, в образовательной деятельности, реальное вступление в эпоху диалогизма в обучении и воспитании — одна из самых насущных задач. Именно в её решении могут лучше всего помочь наиболее передовые образовательные технологии — технологии развивающего обучения — и риторика в качестве учебного предмета. Косвенно это обусловлено и тем, что риторика появилась как дисциплина, предметом которой стали, прежде всего, закономерности и механизмы ведения диалога, способы отстаивания своей точки зрения в процессе речевого взаимодействия.

В связи с этим уместно вспомнить и о *майевтике* в качестве базового во времена античности особого способа организации обучения, выстраивающегося на диалоге. При этом следует помнить, что *майевтика*, по справедливому утверждению многих исследователей, *считается сегодня основой всех ныне существующих рефлексивных методик*.

Это важно ещё и потому, что *майевтика* и *риторика*, осмысленные исходя из реалий современного общества, а также состояния и целей российского образования, *могут помочь в решении ещё одной важной задачи — оптимизации педагогического общения*. Мы уверены, что это очень необходимо, поскольку, как пишет З.С. Смелкова, «для школьника педагогическое общение — основная форма общественно-деятельностного освоения мира» [Педагогическая риторика, 2001, с. 13]. Исключительную важность оптимизации общения (в том числе и педагогического) совершенно справедливо подчёркивает Е.Г. Гимпельсон: «Сегодня остро ощущается дефицит доброжелательных, конструктивных отношений между вступающими в общение людьми, что заставляет исследователей изучать проблемы *риторической культуры и гармонизации диалога*...». *Гармоничный диалог* при этом понимается «...как коммуникативное сотрудничество на основе толерантности и поддержания психологического баланса, позволяющее собеседникам испытывать *взаимную радость и удовлетворение от общения*» (курсив и подчёркивание в цитате наши — Е.Т., С.Т.). И далее: «Негласный договор о сотрудничестве между участниками диалога возможен, если им знакомы сценарии речевого поведения, обслуживающие повторяющиеся ситуации социального взаимодействия и известные речевые жанры» [Гимпельсон 2001, с. 19]. Именно риторика и *культура общения* (в качестве уже апробированного *цикла дисциплин*) способны помочь учащемуся освоить наиболее актуальные в процессе познания и обучения, а также в жизни в целом речевые жанры, сценарии речевого поведения и ситуации социального взаимодействия.

Наше государство сегодня признаёт за индивидуом право на максимально возможную самореализацию и осуществление собственных целей. Воспитание человека, способного к такой самореализации и к достижению своих целей в цивилизованной форме и с благими (для себя, других, общества в целом и мира природы) намерениями признаётся одним из важнейших и очень необходимых результатов образования. Следовательно,

риторика как жизненно необходимый сегодня учебный предмет должна обрести второе дыхание (вернее, задышать полной грудью) и занять в современной общеобразовательной, средней профессиональной и высшей школе своё достойное место в ряду базовых учебных дисциплин. И если это произойдёт не на словах, а на деле, то это позволит реально повысить эффективность образовательной деятельности в целом, а также процессов познания и обучения у отдельного учащегося.

Всё, сказанное выше, даёт основание ещё раз утвердиться в следующем:

Литература:

Александрова О.М. Проблема воспитания речевой (коммуникативной) культуры в процессе обучения русскому языку // *Русский язык в общеобразовательной школе: программы и учебники. Материалы круглого стола. Москва, 14 декабря 2001 г.* — М., 2002.

Гимпельсон Е.Г. Жанровая компетентность как средство гармонизации диалога // *Риторика диалога: проблемы исследования и освоения в школе и вузе. Тезисы докладов на Всероссийской сессии-научно-методической конференции. Пермь, 3-5 декабря 2001 г.* / Под ред. Минеевой С.А. — Пермь: ЗУУНЦ, 2001. — С. 19-21.

Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII — V вв. до н.э. — СПб, 2000.

Кириленко С.А. Культурологические аспекты становления риторики в эпоху античности // *Риторика в системе коммуникативных дисциплин* / Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет) (Записки Горного института. Т. 160. Ч. 1). — Ч. 1. — СПб., 2005. — С. 36 — 39.

Маров В.Н. Культурно-исторический памятник или настольная книга // *Аристотель. Риторика. Поэтика.* — М.: изд-во «Лабиринт», 2000. — С. 190 — 220.

Маров В.Н. Похвальное слово «общим местам» // *Риторика. Специализированный проблемный журнал.* — № 1 (3), 1996. — М.: изд-во «Лабиринт». — С. 5 — 22.

Марченко О.И. Риторика как феномен культуры. — Диссертация... доктора философских наук. — СПб., 2001. — 292 с.

Минеева С.А. Проблемы и трудности риторизации // *Риторика диалога в становлении научно-гуманистической системы образования: проблемы исследования и преподавания. Материалы XI научно-практической конференции. 10-11 ноября 2002 года.* / Под ред. Минеевой С.А. — Пермь: ЗУУНЦ, 2002. — С. 131 — 134.

Минеева С.А. Риторика диалога: категориальный аппарат (проблемы и противоречия развития) // *Риторика в системе коммуникативных дисциплин...* — Ч. 1. — СПб., 2005. — С. 52 — 54.

Педагогическая риторика: Уч. пособие под ред. Н.А. Ипполитовой. — М.: МПГУ, 2001. — 387 с.

Пряхин М.Н. Риторика в системе тривиума (к проблеме определения понятия «риторика») // *Риторика в системе коммуникативных дисциплин...* — Ч. 1. — СПб., 2005. — С. 63 — 65.

Тихонов С.Е. Риторизация: теоретический аспект и модели воплощения // *Научный вестник.* — Вып. 5. Актуальные вопросы современного образования. — Салехард, 2003. — С. 28-34.

Тихонов С.Е. Тихонова Е.Б. О путях риторизации образовательно-воспитательной деятельности в школе // *Культура общения и риторика в школе: проблемы и перспективы: Сборник научно-методических материалов в помощь учителю* / Под научн. ред. С.Е. Тихонова. — Выпуск 2. — Салехард: ЯНОИПКРО, 2004. — С. 16 — 29.

Чурилов И.И. Концепция как форма развития современного образования. Ключевые идеи гуманистического образования. Серия: Новое содержание школьного образования: культурно-философские основания. В помощь учителям и администраторам. — Пермь: ЗУУНЦ, 2000. — 65 с.

Чурилов И.И. Кризис традиционной системы образования и пути его преодоления. — Пермь: ЗУУНЦ, 1997. — 82 с.

Чурилов И.И. Основы развития научно-гуманистической системы образования. Курс лекций на I-й сессии II-й Школы развивающего обучения ГКОН-ЗУУНЦ. — Пермь: ЗУУНЦ, 2001. — 168 с.

1) *риторика во всех своих ипостасях, а также риторическая (ораторская) практика в своих этических, логических и эмоционально позитивных проявлениях имеют глубокие исторические корни и культурологические (а также, конечно, философские) основания, заложенные в эпоху античности;*

2) *риторика как учебный предмет — очень важная составляющая современного образовательного процесса, без которой достичь целей и решить задачи модернизации образования, на наш взгляд, весьма сложно (если вообще возможно).*

К ВОПРОСУ ОБ АДАПТАЦИИ НЕНЕЦКИХ ТОПОНИМОВ

Г.И. Вануйто

В топонимической научной литературе последних лет накоплен значительный опыт анализа иноязычных географических названий в связи с их переработкой на русской почве: выявлены закономерности фонетических преобразований топонимов, восходящие к различным языковым семьям (главным образом, к уральской и тюркской), определены особенности их грамматического освоения. Прослежена также логика в переосмыслении лишней внутренней формы (с точки зрения русского языка) топонимов и придания им новых («ясных») номинативных признаков [Воробьева, 1966; Глинских, 1976; Матвеев, 1959, 1970, 1976, 1977; Фролов, 1983 и др.]. Например: ГНЕЗДЕВО <НЬНЯ' СЕ' «протока бессточного озера».

Обычно приспособление к условиям чужеродной языковой среды обеспечивается не отдельно взятыми адаптационными процессами на фонетическом, лексическом или морфологическом уровне, а совокупностью изменений в произношении, грамматическом употреблении, в осознании говорящим семантики. Этот активный, творческий процесс преобразования иноязычных слов происходит по законам усваивающего языка, а необходимый учет рефлексов таких преобразований способствует более глубокому и надежному анализу заимствований из «живых» топонимических систем, поскольку «отказ от учета закономерностей русской адаптации ведет к субъективизму и утрате объективных критериев топонимических этимологий» (Глинских, 1983: 19).

При характеристике звуковых соответствий языка-источника и языка усвоения последуем принципу, который заключается: 1) в учете общих закономерностей субстратных языков (употребление консонантных групп, консонантизм анлаута, место ударения); 2) в описании адаптации гласных; 3) в описании адаптации согласных; 4) в выявлении комбинаторных изменений при адаптации; 5) в описании фонетико-морфологических особенностей конца слова.

Наши наблюдения над ненецкими топонимами, функционирующими в русской речи, дали резуль-

таты, сходные с выводами известных топонимистов (Хромова, 1985; Нечай, 1989; Муминов, 1970; Фролов, 1985).

В понимании специфики адаптационных процессов в области географических названий ненецкого происхождения важное значение имеет учет особенностей речи местного населения.

В анлауте ненецких топонимов не встречаются звонкие взрывные согласные, а также [К], [Р], [З]. По причине отсутствия в говоре тундровых ненцев таких согласных, как [Ф], [Ш], [Ж], не отмечены географические названия с этими консонантами. Что касается консонантных групп, отметим их полное отсутствие в абсолютном начале слова. В середине слова перед глухими согласными звуки [Б], [Д] могут оглушаться.

Ярким примером ненецких топонимов является употребление заднеязычного звука [Н] в начале слова: НАДЕР' СЕДА «сопка рода Надер», НАДЕРО' НОВ' СЕДА «сопка голов рода Надер», НАМЯНА ЯХА – сосущая грудь река, ЦАНО ПЕНТЯ «лог лодки», ЦАНОРАХА СОТЫ «подобная лодке сопка», ЦАНОРАХА ЯХА «подобная лодке река» и др.

В ненецком языке нет стечения согласных в начале слова.

Таким образом, фонетические особенности, перечисленные выше, имея место на Гыдане, являются общими для ненецкой топонимии и не позволяют определить специфические региональные черты.

Фонетическая адаптация ненецких топонимов обусловлена различиями между языками: в частности, наличием специфических гласных ([Э] более переднего ряда) и согласных фонем (звонкий гортанный смычный ('), [Н], отсутствующих в русском языке).

Так, редуцированный звук [Э] реализуется в звуках [А], [Ы], [Е]: ЦЭДЕ' > ГЫДА, п.; НЕНЭЦЬ' ЯХА > НЕНЕЧЬЯХА, р.; ЯРЭЙ ЯХА > ЯРАЙЯХА, р.; ЯРЭЙ ЯХА ТАРКА > ЯРАЙЯХАТАРКА, р. и др.

Гласный [О] передается через звук [У]: ЯРО' ЯХА > ЯРУЯХА, р.; НЕРО ЯХА > НЕРУЯХА, р.

Для говора тазовских ненцев, куда входит и говор гыданских ненцев, характерна замена звуков Зь, Ць литературного языка на Ть, которые в русском языке передаются через [Ч]: НЕНЭТЬ' ЯХА «река ненца» > НЕНЕЧЬЯХА, р.; МЕНТЕТА ЯХА «река с заводами» > МЕНЧЕТАЯХА, р.; ПУХУТЯ' ЯХА «река старухи» > ПУХУЧАЯХА, р.

Характерный для ненецкого языка заднеязычный звук [Ң] переходит или в звук [Н], или опускается как в начале, так и в середине слова: ҢОЛЁКО ПАЁТА ЯХА «маленькая ольховая река» > ОЛЁКОПАЁТАЯХА, р.; ЕСИ ҢУВ ЯХА буквально: «река железной травы» > ИСИУВЫЯХА, р.

Губно-губной звук [В] в ненецком языке, приближенный по своему произношению к звуку [У], передается через звук [У]: ТАНЛОВА ЯХА

«растягивающаяся река» > ТАНЛУОЯХА, р.; НЯ"АВ ЛАТА ЯХА «река с широким устьем» > НЯУЛАТАЯХА, р.

Иногда наблюдается переход звука [З] в звук [С]: НЯМЗАХЭЙ ЯХА «река, где ловят рыбу сетью» > НЯМСАХЭЙ ЯХА, р. Хотя подобные примеры можно не относить к разряду закономерностей.

Таким образом, фонетическая переработка топонимов, включенных в русский язык, обусловлена особенностями, свойствами и языка-источника (в наших примерах говор ненцев Гыданского п-ова), и русского языка.

В результате сопоставления топонимического материала наблюдаются закономерности: замена [Э] > [Е], [Ң] > [Н], [В] > [У] и др.

Литература

- Глинских Г.В. О принципах и методах исследования субстратной топонимии // Методы топонимических исследований: Сб. науч. тр. — Свердловск, 1983. — С. 3—22.
- Воробьева И.А. Отражение фонетических особенностей старожильческого русского говора в субстратных топонимах Западной Сибири // Языки и топонимия Сибири. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1976. — № VI. — С. 3—8.
- Муминов М.Т. Русская топонимия субстратного происхождения в междуречье Тавды и Исети. Диссерт. на соискание учен. степ. канд. филолог. наук. — 1970.
- Нечай М.Н. Русская топонимия лесной зоны Среднего Прииртышья. Диссертация на соискание учен. степени канд. филолог. наук. — Свердловск, 1989.

ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Г.В. Головичер

В настоящее время все более отчетливой становится тенденция к широкому внедрению на всех уровнях (начиная с уровня образовательного учреждения и заканчивая федеральным уровнем) системных методов управления качеством. Все это требует детальной проработки целого ряда аспектов проектирования и применения систем управления качеством образования. Среди этих аспектов одним из основополагающих является аспект, связанный с информационно-методическим обеспечением процедур управления качеством образования.

В теории и практике внутришкольного управления в настоящее время наблюдается интенсивное обращение к проблемам информационного обеспечения управления образовательными системами в связи с освоением технологий и методов управления развивающейся школой, управления школой и образовательным процессом в инновационных условиях, реализацией идеи управления качеством образования (Шамова, Давыденко, Рогачева, 1995; Моисеев, Моисеева, 1994; Панасюк, 1997; 2000; 2003; Субетто, 2000; Дзегеленок, 2004).

Управление качеством образования, как и любое другое управление, в первую очередь связано с преобразованиями информации. Именно информация является специфическим предметом управленческого труда. Академик А.И. Берг приводит следующую схему работы с информацией или деятельности по управлению: сбор первичной информации, ее систематизация, переработка (кодирование) информации, передача информации, декодирование (расшифровка), выработка команд по управлению и их реализация.¹

Весьма подробно исследовал роль информации, информационных ресурсов в управлении качеством А.И. Субетто.² Проанализировав различные точки зрения о понятии «информация», он формулирует

два основных подхода к определению ее сущности: атрибутивный и функционально-кибернетический. В логике атрибутивного подхода информация трактуется как свойство материи, состоящее в структурности, упорядоченности, разнообразии, организации и т.д. ее состояний.

Второй (функционально-кибернетический) подход рассматривает свойство определенного класса материальных систем как свойство, которое возникает и обогащается в процессе становления, развития этих систем их функционального взаимодействия между собой и внешним миром.

Интересная точка зрения на значение информации представлена в работах Л.Н. Серавина. Он выделяет два класса ее определений: информация как совокупность сведений о тех или иных явлениях и информация как количественная мера организации системы.³

С учетом анализа терминов, понятий, используемых в педагогической и методической литературе, литературе по проблематике управления качеством, информатизации образования, общей теории управления, информационно-методические ресурсы можно определить как совокупность собранных, разработанных с определенной целью, актуализированных, должным образом структурированных и совершенствующихся данных, статистических материалов, методических разработок, пособий и документов, предназначенных для использования в образовательной и управленческой деятельности.

Под *информационно-методическим обеспечением* управления качеством образования понимается процесс, механизм и организационно-педагогические условия сбора, обработки данных о качестве, проектирования, обоснования и адаптации методического инструментария для их применения при решении задач управления, обеспечения и улучшения качества образования.

¹ Берг А.И. Кибернетика — наука об оптимальном управлении. — М.-Л.: «Энергия», 1964.

² Субетто А.И. Технологии сбора и обработки информации в процессе мониторинга качества образования. — СПб.: М. 2000.

³ Серебрякова Л.А. Мониторинг качества общего среднего образования в региональной образовательной системе. Автореф. дис... канд. пед. наук. — Великий Новгород, 2000.

Выстраивание муниципальных систем менеджмента качества является достаточно продолжительным, трудоемким и творческим процессом. Конфигурация таких систем зависит от целого ряда факторов и предполагает различный уровень их жесткости, полноту охвата такой системой основных, управленческих и поддерживающих процессов, состав привлекаемых ресурсов, целевые установки применения. Анализ целого ряда муниципальных систем управления качеством образования подтверждает данный тезис. Одновременно он показывает многообразие вариантов формирования и использования информационно-методических ресурсов в управленческом процессе.

При всем многообразии моделей информационных систем управления все они характеризуются наличием трех главных компонентов: база данных, база моделей и программная подсистема, которая состоит из системы управления базой данных, системы управления базой моделей и системы управления интерфейсом.

Такие модели могут включать в свой состав следующие взаимосвязанные элементы:

- структура организации информационного обеспечения;
- структура содержания информационного обеспечения;
- параметры и показатели образовательной деятельности, функционирования и развития образовательной системы;
- технологические карты информационного обеспечения различных субъектов управления.

В системе управления качеством функционирует большое количество информационных потоков (горизонтальных и вертикальных), связывающих образовательную систему с внешней средой. Недостаточное развитие коммуникационных каналов тормозит или снижает эффективность управления качеством на муниципальном уровне, равно как и на других уровнях.

Достаточно большое значение имеет правильное, оптимальное структурирование информационно-методических ресурсов, находящихся в распоряжении субъекта управления. Один из вариантов, который предлагается и который хорошо зарекомендовал себя на практике — структурирование

информации по блокам: информация о должном; информация о сущем; информация о возможном.

Для более глубокого уяснения роли информации, информационно-методических ресурсов в системном управлении качеством образования необходимо учитывать и то, что информация имеет две стороны: количественную и качественную. Иногда важным является общее количество информации, а иногда — качественный вид сообщения, его конкретное содержание.⁴ Отмечается, что понятие количества информации тесно связано с энтропией, являющейся мерой неопределенности. Приобретение информации сопровождается уменьшением неопределенности.⁵

Сама по себе информация о качестве образования по его различным аспектам, полученная в ходе внешнего и внутреннего аудита качества, экспертизы, контроля, анализа, оценки, мониторинга, применения статистических методов и т.п. не представляет в системе качества особого интереса, если она в последующем не будет использована в соответствующих управленческих решениях.

В.П. Панасюк⁶ предложил следующие направления использования информационных ресурсов в системе менеджмента качества в сфере образования:

- выбор приоритетов в образовательной и управленческой деятельности;
- корректировка стратегий и целей развития образовательной системы;
- внесение изменений в организацию образовательной деятельности, нормативные документы, учебно-планирующие документы;
- разрешение противоречий, минимизация влияния отдельных отрицательных факторов;
- разработка программ качества, политики в области качества образования;
- формирование исходной базы для дальнейших сравнений (по отношению к базовому периоду) и установление внутренних норм;
- разработка новых моделей деятельности, внесение изменений в управление образовательной системой (корректировка оргструктур управления, децентрализация и т.п.);
- изменение форм отчетности, корректировка оценочных средств, методик, технологий и процедур.

⁴Стратопович Р.Л. Теория информации. — М.: «Сов. радио», 1975. — С. 9.

⁵Стратопович Р.Л. Теория информации. — М.: «Сов. радио», 1975. — С. 10.

⁶Панасюк В.П. Системное управление качеством образования в школе: Монография / Под науч. ред. А.И. Субетто. — СПб.; М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2000. — 239 с.

Значение информационно-методических ресурсов в плане использования их в системах менеджмента качества образования определяется тем, что в соответствии с международными стандартами качества ISO 9000:2000 среди основных процедур большая часть связаны со сбором, обработкой, хранением и передачей информации о качестве.

В частности, стандартами предусматривается документирование и подробное описание управления проектированием и закупками, управления процессами, процедурами контроля и проведением испытаний, корректирующих и предупреждающих действий, внутренних проверок качества, подготовки кадров и т.п. Информация и алгоритмы выполнения этих процедур подробно излагаются в таких документах системы менеджмента качества как «Руководство по качеству, методологические и методические инструкции». Их значение для субъектов управления качеством состоит в том, что содержащаяся в них информация методического характера отражает опыт конкретной организации в обеспечении качества образования.⁷

Ряд процедур системы качества в организации, учреждении (образовательном в том числе) в первую очередь связан с получением информации о качестве, ее обобщением и использованием в последующих шагах по улучшению качества.

В частности, *анализ контракта* для учреждения образования предполагает фиксацию его связей с теми организациями (учреждениями), в которые после окончания школы переходят выпускники. Он содержит описание механизма взаимодействия с ними, координации совместной работы, отражает требования этих организаций (учреждений) к выпускникам школ.

Контроль и проведение испытаний направлены на определение качества конечных результатов деятельности образовательного учреждения, выполнения им Государственного образовательного стандарта и проводятся в форме плановых и внеплановых проверок, промежуточной и итоговой аттестации, срезовых контрольных работ, тестирования обученности. Может применяться входной контроль и испытания (при приеме в школу, в 10-й класс); контроль и испытания в процессе обучения; окончательный контроль и испытания (по окончании школы). По результатам контроля

и испытаний составляются протоколы, в которых фиксируется соответствие/несоответствие результатов образовательного процесса установленным требованиям.

Внутренние проверки качества планируются и проводятся для того, чтобы установить соответствие деятельности в области качества и связанных с ней результатов запланированным, установленным требованиям. Они также имеют целью определение эффективности самой системы менеджмента качества.

Основная отличительная черта внутренних проверок состоит в том, что они проводятся в интересах самой организации (учреждения). Информация, полученная в результате их проведения, используется исключительно на том управленческом уровне, который инициировал такие проверки.

Применение *статистических методов* обеспечивает управляющую систему информацией о глубинных процессах, тенденциях в изменении качества. Статистические методы позволяют как бы «свертывать» массивы эмпирических данных, выходить на принципиально новый, более высокий уровень их осмысления. Используются такие методы статистического контроля качества и методы его анализа, как контрольные карты, гистограмма Парето, диаграмма разбросов, диаграмма в виде дерева, причинно-следственная диаграмма и т.п. Осуществляемые по определенной процедуре на основе принятых форм сбора данных эти методы позволяют установить причинно-следственные связи, проследить динамику качества, определить вклад в его улучшение (ухудшение) определенного фактора. Статистические методы являются очень действенным средством улучшения качества. Применение их во всей полноте определяет эффективность, уровень совершенства системы качества.⁸

Учитывая важность информационно-методических ресурсов для постоянного осуществления управления качеством, международные стандарты качества ISO предписывают при создании систем менеджмента качества осуществление *управления регистрацией данных о качестве*. Данная процедура предполагает проведение сбора соответствующей информации, составление картотек, установление порядка доступа к ним, ведение и обновление данных о качестве и т.п. Предпо-

⁷Ивлиева И.А., Панасюк В.П., Чернышева Е.К. Концептуальные основы построения системы качества профессионального образования. - СПб: Ин-т профтехобразования РАО, 2001. — 152 с.

⁸Панасюк В.П. Школа и качество: выбор будущего. — СПб.: Изд-во КАРО, 2003. — 384 с.

лагается, что записи о качестве должны вестись на всех участках, уровнях, во всех звеньях образовательной системы. Стандарты качества ISO регламентируют, чтобы эти данные хранились и содержались таким образом, чтобы их можно было легко найти, пользоваться. Сроки хранения данных о качестве должны быть определены и зафиксированы. Реальным воплощением этого элемента системы менеджмента качества являются системы внутреннего документооборота, учета и отчетности. Необходимыми условиями управления регистрацией данных о качестве являются каталоги, путеводители по массивам информации [130].

Регистрация данных о качестве, по мнению В.Н. Спицнаделя, необходима для того, чтобы

- оценить реальное состояние с качеством продукции в определенный момент времени и в динамике;
- провести анализ причин дефектов продукции, сопоставить различные факты и установить их взаимосвязь и влияние на качество;
- оценить эффективность осуществляемых мероприятий по улучшению качества продукции.

Данные о качестве могут регистрироваться в первичных носителях (например, в журнале, когда информация о качестве фиксируется первый раз) и в носителях систематизированной информации (когда уже известная и зафиксированная в первичном носителе информация снова регистрируется, но уже в другом носителе в совокупности с другими данными, систематизированными определенным образом для решения определенных задач).⁹

Во всех научно-методических и учебно-методических пособиях по внедрению систем менеджмента качества особо подчеркивается, что, подобно другим процессам менеджмента качества, сбор информации должен проводиться в плановом порядке. Планирование измерений должно осуществляться на самых ранних стадиях цикла планирования деятельности организации с тем, чтобы необходимая информация для текущего цикла уже имела в наличии в ходе его осуществления и могла быть использована в качестве исходных данных для следующего цикла планирования. Методология планирования должна устанавливать, на получение какой информации и должны быть

нацелены измерения. Эта информация должна охватывать ключевые характеристики, применяемые для формулирования целей организации в области качества.

Для определения того, что подлежит измерениям, следует ответить на вопрос: «Способствует ли данная информация совершенствованию способов удовлетворения требований потребителей?».¹⁰

Важность информации для управления качеством отчетливо видна и из того, что виды управления качеством классифицируются как раз исходя из наличия, объемов информации, каналов и времени ее поступления, достаточности для управляющей системы. А.И. Субетто¹¹ привел наиболее полную и совершенную, на наш взгляд, классификацию видов управления качеством, исходя из информационных оснований.

Автор считает, что в условиях различной степени обеспеченности управляющей системы начальной информацией может иметь место программное управление (управление при полной начальной информации) или управление с обратной связью (управление при неполной начальной информации). В случае, если управляющая система осуществляет свои функции по управлению качеством при полном отсутствии текущей (рабочей) информации, имеет место разомкнутое управление. И, наоборот, управление качеством при наличии рабочей (текущей) информации есть управление замкнутое. В зависимости от характера этой текущей (рабочей) информации управление может быть:

- при поступлении текущей информации об измерениях «внешней среды» (возмущающих воздействиях, факторах, воздействующих на «вход») — компенсационное управление; управление по возмущениям;
- когда в системе управления доминирует текущая информация об изменениях состояний объекта управления или об изменениях «выхода», имеет место управление по отклонениям;
- при наличии комбинированной текущей информации — смешанное управление.

Различаются виды управления и в зависимости от сочетаемости информации о «прошлом» и «настоящем» в канале управления. В случае, если такая информация передается по одному каналу

⁹Советов Б.Я. Информатизация — новый этап развития высшего образования России. — СПб.: Ин-т моделирования и интеллектуализации сложных систем, 1997. — 70 с.

¹⁰Руководство по применению стандарта ISO 9001:2000 в области обучения и образования / Пер. с англ. А.Л. Раскина. — М.: РИА «Стандарты и качество», 2002.

¹¹Субетто А.И. Исследование проблемы качества сложной продукции: Дисс. ... д-ра экон. наук. — Л., 1987.

управления, то речь идет об одноканальном управлении; если оба вида информации передаются по двум различным каналам, то это уже двухканальное управление.¹²

Интенсивное обращение к проблемам информационного обеспечения управления наблюдается в теории и практике внутришкольного управления в связи с освоением технологий и методов управления развивающейся школой, управления школой и образовательным процессом в условиях динамичной внешней среды и т.д.

В ряде исследований подчеркивается, что решение задачи получения адекватной информации о состоянии управляемого объекта вовсе не исчерпывается модернизацией контура обратной связи в системе управления школой. Управление по принципу обратной связи, особенно при интенсификации диагностической деятельности, неизбежно приводит к увеличению объема эмпирических данных, и, как следствие, — к затруднениям при их анализе и использовании субъектами управления.¹³

Изучение литературы, посвященной системному управлению инновационными процессами в общеобразовательной школе, дает основания именно для такого вывода, поскольку управление на основе обратной связи оказывается зачастую неэффективным в силу того, что инновационная система неинституализирована и не может в полной мере быть воспроизведена информацией обратной связи.¹⁴

Требуется создание принципиально нового организационно-структурного механизма управления. Он должен строиться по принципу горизонтального сетевого управления и предшествовать созданию других механизмов (педагогического, психологического), предполагать формирование информационной среды управленческих решений.¹⁵

В школоведческих исследованиях управление рассматривается не только с точки зрения со-

держания, но и с позиций процесса переработки информации.

Ю.А. Конаржевский¹⁶ описывает общий контур управления следующим образом: управляющая подсистема получает определенную информацию о состоянии подсистемы управляемой и о качестве процессов, совершающихся в ней. Эта информация воспринимается, анализируется (перерабатывается) управляющей подсистемой, которая на основе выводов анализа данных информации о состоянии внешней среды, а также с учетом команд, поступающих от вышестоящих органов образования, вырабатывает и принимает управленческое решение, направленное на упорядочение управляемой подсистемы или на ее перевод в новое, более высокое качественное состояние.

Информационный характер управления предполагает раскрытие понятия «управленческая информация». Т.И. Шамова под ней понимает «те данные, которые обладают для руководителя определенной новизной и требуют принятия по ним управленческих решений. Это могут быть сведения о ходе и результатах учебно-воспитательного процесса, об учителях, учащихся, условиях их обучения, воспитания и развития. Важна для директора и внешняя информация: состояние дел в семье, связь с внешкольными учреждениями».¹⁷

Важный вывод, следующий из исследований по данным направлениям, состоит в том, что инновационная система не может в полной мере управляться на основе информации обратной связи. Требуется создание принципиально нового организационно-структурного механизма управления, строящегося по принципу горизонтального сетевого управления и предполагающего формирование широкой информационной среды управленческих решений.

¹²Субетто А.И. Исследование проблемы качества сложной продукции: Дисс. ... д-ра экон. наук. — Л., 1987.

¹³Панасюк В.П. Научные основы проектирования педагогических систем внутришкольного управления качеством образовательного процесса / Под ред. А.И. Субетто. — СПб.; М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1997. — 297 с.

¹⁴Поволяева М.Н., Пахомова С.Е. Становление институтов сферы образования // Педагогика. 1996. №2. — С. 3-7.

¹⁵Шамова Т.И., Давыденко Т.М., Рогачева Н.А. Управление адаптивной школой: проблемы и перспективы. — Архангельск: Изд-во Поморского педуниверситета, 1995. — 162 с.

Шамова Т.И. Исследовательский подход в управлении школой. — М., 1991.

¹⁶Конаржевский Ю.А. Педагогический анализ как основа управления школой. — Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1978. — 102 с.

Конаржевский Ю.А. Педагогический анализ учебно-воспитательного процесса и управление школой. — М: Педагогика, 1985.

¹⁷Внутришкольное управление: Вопросы теории и практики / Под ред. Т.П. Шамоной. — М.: Педагогика. 1991.

СУЩНОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ КАК НЕРАВНОВЕСНОЙ СИСТЕМЫ

В.Н. Введенский

В настоящее время в условиях социальных, экономических и политических изменений в России кризисы социума вызывают кризисы социальных структур, социальных групп и конкретных индивидов. Педагогическая профессия как важнейшая подсистема системы образования, с одной стороны, испытывает непосредственное влияние этих преобразований, которые детерминируют степень и глубину ее трансформации, а с другой стороны, своим развитием задает динамику и спектр общественного развития. Вполне можно утверждать, что проблемы педагогической профессии не только отражают, но и предопределяют весь диапазон проблем, от разрешения которых во многом зависит успешность развития как российского образования, так и общества в целом. Обратимся к анализу проблемы сущностных представлений о смысле педагогической профессии, нашедших отражение в психологической, социологической и педагогической литературе.

Трактовок понятия «профессия» достаточно много. Прежде всего, профессию понимают как трудовую деятельность, требующую специальной подготовки, которую человек практикует регулярно и которая служит ему источником средств к существованию. Так, в Российской педагогической энциклопедии профессия определяется как «вид трудовой деятельности человека, владеющего комплексом специальных теоретических знаний и практических навыков, которые приобретены в результате целенаправленной подготовки, опыта работы» [9, т. 2, с. 216]. Современное представление о профессии гораздо шире этого определения, ведь профессия для ее носителей является не только источником дохода, но и фактором, определяющим культурные (образ и стиль жизни) и социальные (одобряемое поведение) стандарты. Недооценка социально-культурного аспекта в понимании сущности понятия «профессия» может быть объяснима длительным господством в нашей стране марксистской теории и методологии с присущей ей гипертрофией роли материального про-

изводства в процессе генезиса, функционирования и развития профессий.

Иногда профессию рассматривают как группу людей, занимающихся однотипной деятельностью, внутри которой устанавливаются определенные связи и нормы поведения. Профессия выступает как особая форма социальной организации трудоспособных членов общества, объединенных общим видом деятельности и профессиональными ценностями. Несколько определений понятия «профессия» приводит в своих работах Е.А. Климов. Наиболее полным из них является следующее: «Профессия — это необходимая для общества, социально ценная и ограниченная вследствие разделения труда область приложения физических и духовных сил человека, дающая ему возможность получать взамен затраченного труда необходимые средства его существования и развития» [5, с. 107]. Уточняя это широкое определение, Е.А. Климов характеризует профессию как общность; область приложения сил; деятельность и область проявлений личности; исторически развивающуюся систему; реальность, творчески формируемую субъектом.

В современной социологии профессий понятие «профессия» понимают как социальный механизм дифференциации и специализации трудовой деятельности на видовом (внутривидовом) уровне, функционирующий как средство развития содержания труда. Принципиально важным представляется здесь указание на социально-технологическую природу профессии, а также на способность профессиональной деятельности удовлетворять широкий круг общественных потребностей. В рамках данного подхода профессия как комплекс нацелена на обеспечение не только экономических, но и широких социально-культурных функций, на удовлетворение потребностей как общества, так и личности.

Сформулировать понятие о профессии, соответствующее всем этим семантическим полям, можно только на базе системных представлений поэтому

необходимо отметить, что профессия — это система антропологических, социальных и технологических элементов, направленных на удовлетворение общественных и личностных потребностей в достижении нужного результата, продукта.

В отечественной литературе понятия «профессия», «специальность», «занятие», «должность» имеют различные трактовки. Профессия — понятие более широкое, чем специальность, так как она объединяет группу родственных специальностей. Например, профессия — педагог, специальности — социальный педагог, методист, воспитатель, учитель математики, учитель начальных классов и др. Таким образом, специальность — один из внутренних видов профессии, направленный на достижение более частных или промежуточных результатов либо на достижение общих результатов специфическими средствами.

Достаточно широким является понятие «занятие», так как оно включает профессии, специальности и должности. А «должность» — это «место, занимаемое трудящимся в той или иной организационной, производственной структуре» [5, с. 108]. Предполагается, что должность более или менее соответствует уровню профессиональной подготовки человека. Скажем, обладатель высшего педагогического образования может работать в должности и воспитателя, и заместителя директора школы, и директора школы.

В настоящее время наиболее признанной и распространенной в практической психологии и педагогике является классификация профессий, разработанная Е.А. Климовым. В основу этой классификации профессий положен признак «объекта труда». Выделяются пять основных объектов профессиональной деятельности человека: человек, природа, техника, знаковая система, художественный образ. Педагогическая профессия относится к типу «человек — человек».

По функциональному назначению профессии этого типа делятся на два класса — преобразующие и управляющие профессии. Главное отличие педагогической профессии от других профессий этого типа состоит в том, что она одновременно относится как к первому, так и ко второму классу, являясь преобразующей и управляющей.

Исторически сложились две социальные функции педагогической профессии: адаптивная, нацеленная на приспособление воспитанника к конкретным требованиям дня; гуманистическая,

«человекообразующая», связанная с формированием творческой личности, удовлетворением ее богатых духовных запросов. С одной стороны, педагог готовит воспитанников к реалиям данного времени, соответствующим конкретным запросам общества. Но, с другой стороны, объективно оставаясь хранителем и проводником культуры, педагог несет в себе вневременной фактор: он работает для будущего, участвуя в формировании личности как синтеза всех богатств человеческой культуры.

На основе проведенного анализа определим сущность понятия «педагогическая профессия». Педагогическая профессия — это система антропологических, социальных и технологических элементов, направленных на удовлетворение общественных и личностных потребностей в социализации и гуманизации («человекообразовании») обучающихся.

Необходимо разграничить понятия «педагогическая профессия» и «педагог». Иногда понятие «педагог» определяют через простое перечисление лиц, ведущих преподавательскую или воспитательную деятельность. Человек может нормативно являться представителем педагогической профессии, но при этом не занимать соответствующей должности или наоборот. Педагогами также называют людей, не являющихся профессиональными педагогами и не занимающих соответствующей должности, но выполняющих различные виды образовательной деятельности. К числу таких неформальных педагогов могут быть отнесены родители, наставники, лидеры и т.д., чьи знания и опыт становятся достоянием других. Соотношение понятий «педагогическое занятие», «педагогическая профессия», «педагогическая должность» и «педагогическая специальность» изобразим в виде схемы (рис. 1). В данном исследовании мы будем использовать понятие «педагог» в узком аспекте — характеризуя лиц, занимающих педагогическую должность и обычно имеющих специальную подготовку.

В рамках выбранного нами подхода можно рассматривать педагогическую профессию в трех аспектах — технологическом, личностном, социальном, а также их комбинаций. Охарактеризуем каждый из них.

Технологический аспект рассмотрения педагогической профессии предполагает включение в качестве его обязательного элемента трудовую

деятельность педагогов. В этом плане профессия может рассматриваться как механизм в педагогическом процессе, без которого существование самого процесса невозможно. Когда мы говорим о рынке труда, о сфере приложения трудовой деятельности, употребляя категорию «профессии», мы апеллируем именно к этому семантическому полю.

По М.М. Бахтину, «предмет гуманитарных наук — выразительное и говорящее бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собою и поэтому неисчерпаемо в своем смысле и значении. Маска, рампа, сцена, идеальное пространство и т.п. как разные формы представительности бытия» [1, с. 8]. Как предмет практической деятельности педагогическое бытие приобретает в каждой конкретной ситуации образования статус профессиональной задачи. Практика и выступает для педагога как решение непрерывного ряда педагогических задач. Такое представление о процессе педагогической деятельности теоретически осмыслено в дидактике (Н.В. Кузьмина, В.А. Сластенин и др.).

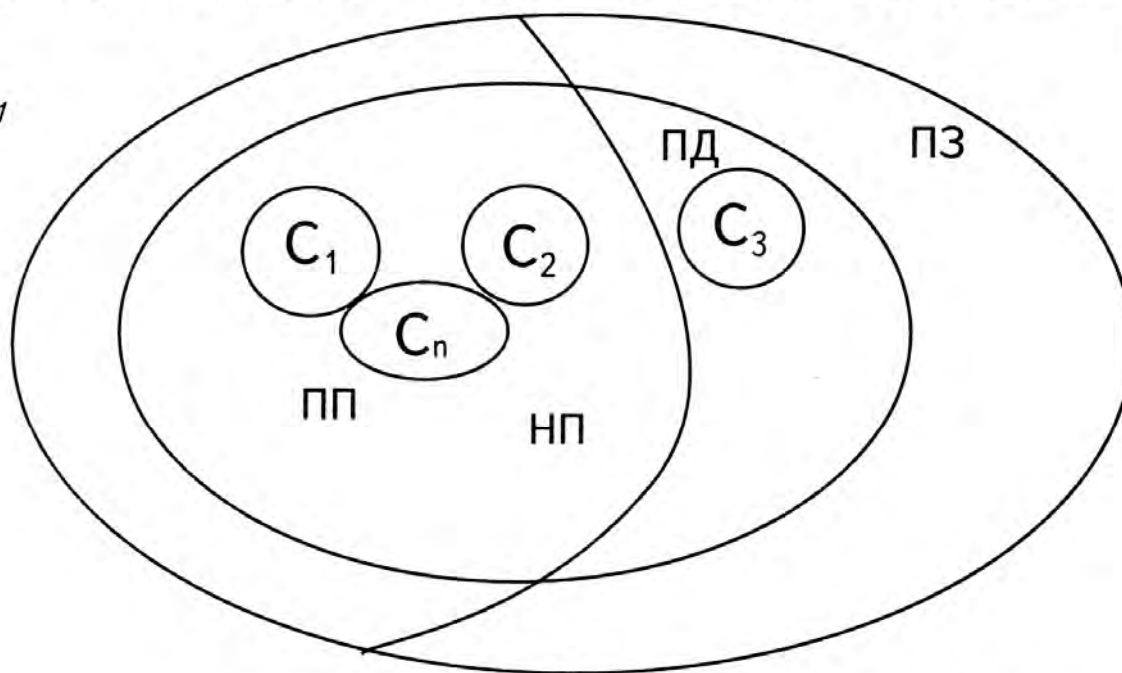
Технологию часто описывают с помощью двух модулей — содержательного и управленческого. В настоящее время содержание образования рассматривается с позиций И.Я. Лернера, представляющего четырехкомпонентную систему, включающую научные знания, интеллектуальные и практические умения и навыки, опыт творче-

ской деятельности и эмоционально-ценностный компонент. Для характеристики управленческого модуля эффективно использование процессного подхода, предполагающего выделение функций педагогического менеджмента.

В научной литературе, как иностранной, так и отечественной, существуют различные точки зрения на классификацию функций управления. В сущности, они отличаются лишь по отдельным параметрам. Например, А. Файоль считал, что существует пять исходных функций управления. По его словам, управлять означает предсказывать и планировать; организовывать; распоряжаться; координировать; контролировать. М. Мескон и другие выделяют такие функции, как планирование, организация, мотивация и контроль. М.М. Поташник к функциям управления образованием относит следующие виды деятельности: планирование, организация, руководство и контроль.

На наш взгляд, наиболее полными и приемлемыми к современной школе являются идеи В.А. Сластенина, И.Ф. Исаева, Е.Н. Шиянова о выделении следующих функций педагогического менеджмента: педагогический анализ, целеполагание и планирование, организация, контроль и регулирование [10]. Поэтому можно говорить о технологиях планирования и целеполагания, технологиях организации деятельности, технологиях контроля и регулирования, аналитических

Рис. 1

На рис. 1 приняты следующие обозначения: **ПЗ** — педагогическое занятие; **ПП** — профессиональное педагогическое занятие; **НП** — неформальное педагогическое занятие; **ПД** — педагогическая должность; **C₁, C₂, C₃ ... C_n** — педагогические специальности.

технологиях. А поскольку анализ является мыслительной операцией, то аналитические технологии представляют собой мыследеятельность.

Понимание педагогической профессии на личностном уровне предполагает рассмотрение профессиональной компетентности педагога (включающей профессиональные и личностные характеристики), необходимой ему для эффективного выполнения педагогической деятельности. Данный аспект связан с процессом становления и совершенствования профессиональной компетентности, осуществляемый системой непрерывного педагогического образования. Вообще взаимосвязь и взаимодополнение педагогической профессии и педагогического образования очевидна в рамках каждого из трех аспектов ее рассмотрения.

При выявлении этапов профессионального становления и развития педагога существуют разные основания. Это социальная ситуация и уровень реализации ведущей деятельности (Э.Ф. Зеер); кризисы профессионального роста (Р.Х. Гильмева и др.); период непрерывного профессионального образования в контексте самоопределения (С.Г. Вершловский и др.).

Э.Ф. Зеер выделяет семь стадий профессионального становления личности. Это 1) аморфная оптация; 2) оптация; 3) профессиональная подготовка; 4) профессиональная адаптация; 5) первичная профессионализация; 6) вторичная профессионализация; 7) профессиональное мастерство [4].

Поскольку этапы профессионального становления и развития педагогов тесно связаны с непрерывным педагогическим образованием, то в качестве признака выберем профессиональное самоопределение педагога.

Первый этап профессионального самоопределения (довузовский) – это период формирования профессиональных интересов, предпочтений, склонностей и стремлений относительно выбора профессии, а также осуществление намерений, то есть реальный выбор. На втором этапе профессионального самоопределения (вузовский) студент на основе практического опыта осваивает избранную профессию, набирает опыт профессионального отношения к своей специальности, работе. Третий, завершающий, этап профессионального самоопределения (послевузовский) связан с непосредственной трудовой деятельностью. Он характеризуется двумя относительно устойчивыми признаками – включе-

нием молодого человека в педагогический процесс и его адаптацией в школе.

Третий этап профессионального развития, связанный с непосредственной трудовой деятельностью, нуждается в конкретизации. Достаточно подробно этот этап описан С.Г. Вершловским. Он выделяет три компонента профессионального развития педагога, реализуемых последовательно: вхождение и освоение профессии, профессиональная зрелость, завершение профессиональной деятельности [3].

Данный аспект определяет необходимость рассмотрения педагогической профессии в психологическом аспекте. В психологии существуют различные определения личности, сформулированные различными научными школами. Понимая личность как субъект социальных отношений и активной деятельности, а также основываясь на представлении о структуре личности К.К. Платонова [7], выделим следующие ее детерминанты.

1. В фундаментальных трудах Л.И. Божович, К.К. Платонова убедительно показано, что системообразующим фактором личности является направленность. Э.Ф. Зеер выделяет следующие компоненты профессиональной направленности: мотивы (намерения, интересы, склонности, идеалы); ценностные ориентации (смысл труда, заработная плата, благосостояние, квалификация, карьера, социальное положение и др.); профессиональную позицию (отношение к профессии, установки, ожидания и готовность к профессиональному развитию); социально-профессиональный статус. На разных стадиях становления эти компоненты имеют различное психологическое содержание, обусловленное характером ведущей деятельности и уровнем профессионального развития личности.

2. Подструктурой субъекта педагогической деятельности являются профессиональные знания, умения и навыки.

3. Необходимой составляющей психологической деятельности педагога является система профессиональных качеств. Можно выделить следующие профессионально важные качества педагога: наблюдательность, память, воображение, внимательность, целеустремленность, эмоциональную устойчивость, самоконтроль и др.

4. Четвертой профессионально обусловленной подструктурой личности являются профессионально значимые психофизиологические свойства. В

процессе профессионализации одни психофизиологические свойства определяют развитие профессионально важных качеств, другие, профессионализируясь, приобретают самостоятельное значение. В исследованиях В.Д. Шадрикова показано, что в процессе профессионализации личности образуются интегративные ансамбли качеств, компонентный состав которых изменяется, усиливаются корреляционные связи. Однако для каждой профессии существуют относительно устойчивые ансамбли профессиональных характеристик, которые иногда называют ключевыми компетентностями.

В психолого-педагогической литературе имеется большое количество типологий личности педагога. Отличие их состоит в выборе различных признаков классификации. Так, например, Х. Эбли на основе стиля общения выделяет три типа педагогов: 1) «тиран в классной комнате»; 2) патерналистский (отношения родители — дети); 3) «мастер», стремящийся воспитать последователей.

Имеющиеся основные типологии личности педагога описывают в основном его направленность, ценности и (намного реже) его профессиональные качества. Это объясняется тем, что в психолого-педагогической литературе часто разграничиваются личностные и профессиональные качества педагога. Подобное разграничение приводит к узости изучения личностного аспекта педагогической профессии и должно быть устранено.

Социальный аспект изучения педагогической профессии предполагает рассмотрение сообщества людей, объединенных профессионально-педагогической деятельностью, с социально-культурных, социально-экономических и социально-правовых позиций. Существование профессиональных общностей основывается на их общественном признании. На уровне профессии происходит идентификация личности (группы) по профессиональным интересам, потребностям, ценностным ориентациям, образцам и нормам поведения. Наличие педагогической профессии означает право выполнять педагогическую деятельность, за результат которой предусматривается определенная плата и ответственность, высшая степень которой задается как лишение профессии. В социальном аспекте профессия выполняет стратификационную функцию.

В последнее время проводится большое количество исследований в области педагогической

профессии. В их подавляющем большинстве педагогическая профессия рассматривается на личностном и технологическом уровнях. Существующие исследования социального аспекта педагогической профессии рассматривают ее отдельные компоненты (социальный статус, социальную роль, социальный контроль) без должной взаимосвязи с личностным и технологическим аспектами. Рассмотрение педагогической профессии в онтогенезе, безусловно, необходимо, однако без серьезного изучения ее в филогенезе оно является односторонним и недостаточно продуктивным. Для повышения его продуктивности эффективным является использование системного подхода как методологического основания исследования.

Проблема системного подхода в науке уже многие десятилетия не перестает быть актуальной. Нередко говорят, что ушедший XX век — это не столько век атома или космических исследований, сколько эпоха систем. Суть системного подхода связана с утверждением, что «...наиболее глубокое исследование предмета возможно лишь в том случае, если оно является системным, то есть или сам объект рассматривается как система, или же он включается в качестве элемента в более широкую систему» [12, с. 12]. Системность как бы противостоит элементарной, ординарной логике человеческого мышления.

Как справедливо отмечает В.И. Подобед, «критериями качества использования системного подхода являются положительные результаты решения новых проблем, в частности эффективность функционирования систем, созданных на его основе» [8, с. 25]. Отсюда следует принципиальная недопустимость рассмотрения объекта, проблем или явлений без учета всей сложности их внутреннего строения (структуры), взаимодействия (обмена) между составляющими систему элементами и подсистемами.

Педагогическая профессия — это очень своеобразная сфера социума, которая состоит из множества самоорганизующихся ценностных подсистем разного уровня, структуры и содержания. И поэтому синтезирующий метод ее исследования довольно продуктивен.

Вместе с тем нельзя не отметить, что системный подход к изучению педагогической профессии известен давно. Особенно большое внимание ему придавали А. Дистервег, К.Д. Ушинский, А.С. Макаренко, П.П. Блонский и другие отечественные

педагоги. Так, А.С. Макаренко неоднократно указывал, что успех воспитания зависит от «всей системы средств гармонически организованных» [6, с. 105]. А К.Д. Ушинский, выступая за системность знаний, одновременно был против того, чтобы вопрос о системе рассматривался в отрыве от содержания, возводился в абсолют. Он писал: «Голова, где только система без знания, похожа на лавку, в которой на всех ящиках есть надписи, а в ящиках пусто» [13, с. 155]. Нельзя не согласиться с автором в том, что, хотя системный подход является важным методологическим средством, вместе с тем он должен рассматриваться в совокупности с другими научными подходами. В целом же, как показывает история, системный подход в педагогике применялся в основном для рассмотрения технологического аспекта педагогической профессии, результатов педагогической деятельности. В истории социально-гуманитарных наук исследований, предполагающих рассмотрение педагогической профессии как системы антропологических, социальных и технологических элементов, не проводилось.

Чтобы разобраться в сущности понятия «система педагогической профессии», необходимо более глубоко рассмотреть понятие «система». Термин «система» используется в тех случаях, когда хотят охарактеризовать исследуемый объект как нечто целое. Существует несколько десятков определений этого понятия. Их анализ показывает, что определения понятия «система» изменялись не только по форме, но и по содержанию.

Из эволюции понятия «система» видно, что в первых определениях в систему включались только элементы и связи между ними (Л. Берталанфи, А. Холл); затем появляется понятие цели как конечного результата, системообразующего критерия (В.И. Вернадский, П.П. Анохин и др.); далее вводят исследователя (наблюдателя), то есть лицо, представляющее объект или процесс в виде системы (У.Р. Эшби). Определения системы отличаются друг от друга количеством учитываемых факторов и степенью абстрактности.

Рассматривая различные определения системы и их эволюцию и не выделяя ни одного из них в качестве основного, мы показали сложность краткого определения такого понятия, поэтому на разных этапах представления объекта в виде системы и его изучения можно пользоваться разными определениями. Причем по мере уточнения пред-

ставлений о системе или при переходе на другую стадию исследования определение системы не только может, но и должно уточняться. Поэтому понятие «система» является диалектичным.

Проникнуть во внутреннее содержание педагогической профессии — значит выявить ее обусловленность различными факторами. Мы выяснили, что по способу детерминации эти факторы разделяются на связанные между собой социальные, технологические и личностные. Первые два модуля факторов являются внешними, а последний — внутренним. К первым из них относятся социально-культурные (включая социальные цели и ценности педагогического сообщества), социально-правовые, социально-экономические факторы. Ко вторым — содержание образования, педагогические технологии. К третьим — профессиональная направленность, профессиональные знания, умения и навыки, профессиональные качества, ключевые компетентности. Представим эти факторы в виде схемы (рис. 2).

Рассматривая детерминацию профессиональной деятельности как реальную систему зависимости от факторов объективного и субъективного порядка, можно выделить с учетом этих связей виды детерминации — структурную, целевую, ценностную и др.

Педагогическая профессия представляет собой неравновесную систему, внутри которой в зависимости от различных факторов (уровня образования, возраста обучаемых, социокультурной направленности) можно выделить разные подсистемы.

Педагогическую профессию как систему можно анализировать в трех измерениях, в качестве которых выступают

- социальный масштаб рассмотрения: педагогическая профессия в мире, определенной стране, регионе;
- ступень образования: педагог дошкольного, школьного, начального, среднего и высшего профессионального, дополнительного образования;
- тип специальности: воспитатель, учитель, преподаватель, мастер производственного обучения, методист.

Все эти три измерения представлены в различного рода образовательных учреждениях: детских садах, школах, гимназиях, лицеях, училищах, колледжах, домах детского творчества, методических центрах и др.

Рис. 2. Факторы, детерминирующие педагогическую профессию

Профессиональная педагогическая деятельность имеет множество сторон, отношений, зависимостей, и мера их влияния содержится в нерасчленном виде в ее результатах. Однако необходимо отметить, что не характеристики, компоненты определяют профессию, а наоборот, профессия порождает при своем членении компоненты системы. Многомерный характер профессионально-педагогической деятельности обнаруживается и в различных ее аспектах — социологическом, психологическом, аксиологическом, герменевтическом, управленческом, педагогическом.

В силу такого многообразия сторон, отношений, зависимостей, аспектов педагогической профессии можно утверждать, что педагогическая профессия является сложной системой.

Наиболее полную классификацию свойств сложной системы представил В.М. Цлаф. Он выделил 4 группы свойств, характеризующих сущность и сложность системы, связь системы с внешней средой, методологию целеполагания системы, функционирование системы [15].

Для конкретного исследования существенны лишь те свойства, которые определяются целью

Таблица 2

Характеристика системы педагогической профессии

№ п/п	Признак	Класс системы и ее характеристика
1	По происхождению	Искусственная, так как является продуктом человеческого ума, труда
2	По характеру поведения	Управляемая. Ей присущ целенаправленный характер поведения
3	По степени сложности	Сложная
4	По длительности существования	Временная, так как она создана человеком и существует в ограниченном интервале времени
5	По характеру реакции на воздействия среды	Активная, так как реагирует на воздействия окружающей среды
6	По изменению свойств	Нестабильная (неравновесная), так как ей характерно изменение свойств во времени (при изменении внешней среды)
7	По степени предсказуемости поведения	Стохастическая. Ее результаты и действия не могут быть точно спрогнозированы

исследования. Для системы педагогической профессии особенными являются следующие свойства:

- ее подсистемы имеют нечеткие границы: один и тот же педагог (педагогический коллектив) является элементом самоорганизующейся системы и окружающей среды одновременно;
- поскольку педагогическая профессия, призванная реально способствовать социально-экономическому развитию общества, немыслима без обмена информацией и ресурсами с обществом, то она является открытой системой;
- структура педагогической профессии нередко скрыта за общественно-государственной системой управления;
- способность системы педагогической профессии нормально функционировать при изменении параметров внешней среды посредством адаптации.

Система педагогической профессии может быть охарактеризована по ряду признаков (табл. 2).

Для более детального рассмотрения особенностей функционирования сложных систем познания их свойств недостаточно, необходимо еще изучить закономерности их функционирования.

Рассмотрим эти закономерности применительно к педагогической профессии.

1. *Целостность*, проявляющаяся в возникновении у системы новых интегративных качеств, не свойственных ее компонентам. Так, во-первых, свойства системы не являются суммой свойств элементов, а во-вторых, свойства системы зависят от свойств элементов.

Понятие «интеграция» ввел в науку Г. Спенсер в 1857 году, связав его с понятием «дифференциация». Если в науке интегративность проявляется в установлении связей между различными концепциями, направленными на целостное представление и построение пространства исследования, то дифференцированность реализуется в праве функционирования одного (доминирующего) методологического направления, что позволяет исследователю реализовывать оригинальную индивидуальную позицию.

Любая наука движется к разгадке тайн первоэлементов. Элементарные объекты, обладая атрибутами простоты, неделимости, себестоимости, получают статус устойчивых и постоянных сущностей. В качестве таких сущностей в педагогике, на наш взгляд, выступают учебные

действия, понятия, личностные качества. Так как «существование неделимых первоэлементов не дано научному познанию, а задано» [2, с. 235], то можно усомниться в правильности их определения. Интеграция элементарных объектов — задача микроуровня.

Целостность системы педагогической профессии проявляется в том, что изменение структуры, связей и поведения любого его компонента оказывает воздействие на все другие компоненты и изменяет систему в целом. Верно и обратное: любое изменение системы педагогической профессии вызывает преобразование структуры, связей и поведения ее компонентов.

2. *Коммуникативность*. Эта закономерность составляет основу определения системы, из которой следует, что система не изолирована от других систем.

Система педагогической профессии связана множеством коммуникаций с обществом (в первую очередь — с обучающимися, родителями), представляющим систему более высокого порядка; с системой непрерывного педагогического образования (нижележащей системой); с другими системами профессий.

3. *Иерархичность*, заключающаяся в том, что качественные изменения свойств компонентов более высокого уровня иерархии по сравнению с объединенными компонентами нижележащего уровня проявляются на каждом уровне иерархии. При этом объединение компонентов на каждом уровне иерархии приводит к тому, что каждый подчиненный член иерархии приобретает новые свойства, отсутствующие у него в изолированном состоянии.

Это подтверждает коллективный характер педагогической профессии на всех ее уровнях, для всех ее представителей.

4. *Эквифинальность*. Эта закономерность характеризует предельные возможности системы. Эквифинальность применительно к открытой системе означает способность достигать не зависящего от времени и исходных условий состояния, которое определяется исключительно параметрами системы.

Трудно определить нижнюю и верхнюю границы состояния педагогической профессии. История свидетельствует, что она может колебаться в очень большом интервале — от предэнтропийного состояния до самоорганизующегося уровня.

5. *Закон необходимого разнообразия.* Применительно к системе педагогической профессии он означает, что разнообразие системы педагогической профессии должно быть больше (или, по крайней мере, равно) разнообразия системы обучающихся или педагогического процесса.

То есть, когда педагог сталкивается с проблемой, решение которой для него не очевидно, имеет место разнообразие возможных решений (Va). Этому разнообразию противостоит разнообразие мыслей обучающегося (Vb). Задача заключается в том, чтобы свести разнообразие (Va- Vb) к минимуму.

Это свидетельствует о необходимости разнообразия видов педагогической деятельности; инновационных процессов, направленных на поиск новых эффективных моделей педагогического взаимодействия; опережающего характера интеллектуального и общекультурного развития педагогов; необходимости высокого уровня их профессионализма и мобильности.

6. *Историчность.* Закономерность историчности заключается в том, что любая система не может быть неизменной, она не только функционирует, но и развивается. Любая система проходит через этапы становления, расцвета, упадка и, возможно, ликвидации. Время здесь является неременной характеристикой этого процесса.

Исторический генезис педагогической профессии во многом предопределяет ее современное состояние и перспективы развития. Поэтому необходимость изучения истории ее становления и развития очевидна.

7. *Синергетичность.* Данная закономерность возможна благодаря целостности, коммуникативности и иерархичности системы педагогической профессии. Сущность ее в том, что эффективность функционирования системы не равна сумме эффективностей функционирования ее подсистем. При отлаженном позитивном взаимодействии подсистем достигается положительный эффект синергии (полюсом которой является энтропия) — эффект взаимодействия. Подобный эффект достигается с помощью процедуры самоуправления и управления. Поскольку по принципу Л. Бауэра все живое подчиняется устойчивому неравновесию [11], то в социальных системах невозможно отсутствие энтропийных процессов. Это означает, что в системе педагогической профессии речь может идти только об относительном единстве усилий подсистем, т.е. о наличии как эффекта синергии, так и энтропии.

С помощью энтропии иногда описывается отклонение системы от состояния равновесия. При существовании закона возрастания энтропии важно понять, возможна ли эволюция системы педагогической профессии, вследствие которой она будет более самоорганизованной, то есть с меньшей энтропией. Ответ содержится в открытости и неравновесности ее как системы. В синергетике отмечается, что в неравновесных системах энтропия более низкая, а значит эти системы более упорядочены в отличие от равновесных систем [14]. В открытых системах, которой является педагогическая профессия, процессы могут сопровождаться уменьшением энтропии, то есть увеличением степени самоорганизации.

В целом интеграционные процессы, направленные на повышение эффекта синергии внутри системы педагогической профессии, находятся на этапе серьезных исследований и обсуждений. Параметры «уровень синергетического эффекта» и «уровень развития педагогической профессии» находятся в прямой зависимости, поэтому степень интегративности системы педагогической профессии является показателем ее уровня развития.

Следовательно, педагогическая профессия, являясь сложной социальной системой, обладает рядом свойств и закономерностей. Синергетичность этой системы как ее основа определяет степень интегративности педагогической профессии как показатель ее уровня развития. Важными показателями уровня развития педагогической профессии также являются целостность, коммуникативность, иерархичность, управляемость, адаптивность, разнообразность.

Одно из решающих условий эффективного осуществления проводимой модернизации образования — принятие экстренных мер по повышению престижности педагогической профессии как одной из самых массовых профессий умственного труда. Сегодняшней России еще не по силам кардинальное решение этой проблемы. Однако если страна будет продолжать игнорировать подобные проблемы, если реально не будет создана новая функция педагогической профессии как социального института, Россия может оказаться на обочине мирового прогресса. Статусный передел рынка профессий не может рассматриваться исключительно как самопроизвольный процесс. Важнейшую роль в регулировании этого процесса играет государство, являющееся основным заказчиком и экспертом

педагогической профессии. Нисходящая статусная мобильность педагогической профессии, ее неадекватная социальная роль не в интересах не только государства, но и других профессий, общества в целом, поскольку между ними объективно существуют корреляционные связи.

В настоящее время в системе образования мало проблем, которые были бы важнее той, что связана с поиском путей институционализации

педагогической профессии. Их невозможно найти с крайних позиций. При этом попытки решения этой проблемы только психолого-педагогическими средствами также неэффективны, как и попытки решения ее только социально-экономическими средствами. Сегодня появляется возможность определить этот путь на основе сочетания усилий представителей педагогической профессии, общества и государства.

Литература

1. Бахтин М.М. *К философским основам гуманитарных наук* // Собр. соч.: В 7 т. — М., 1996. — Т. 5.
2. Белов В.А. *Образ науки в ее ценностном измерении (философский анализ)*. — Новосибирск, 1995.
3. Вершловский С.Г. *Педагог эпохи перемен, или как решаются сегодня проблемы профессиональной деятельности учителя*. — М., 2002.
4. Зеер Э.Ф. *Психология профессионального образования: Учебное пособие*. — М., 2003.
5. Климов Е.А. *Психология профессионального самоопределения: Учебное пособие*. — М., 2004.
6. Макаренко А.С. *Сочинения: в 7 т.* — М., 1958. — т. 5.
7. Платонов К.К. *Система психологии и теория отражения*. — М., 1982.
8. Подобед В.И. *Системное управление образованием взрослых*. — СПб., 2000.
9. *Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т.* / Гл. ред. В.В. Давыдов. — М., 1999.
10. Сластенин В.А, Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. *Общая педагогика*. — М., 2002.
11. Соколов Ю.И. *Общая теория цикла или единая теория физических взаимодействий*. — Ставрополь, 2003.
12. Уемов А.И. *Общая теория систем. Аналогический и параметрический варианты* // Природа. — 1975. — № 11. — С. 12.
13. Ушинский К.Д. *Избранные педагогические сочинения: в 2 т.* — М., 1974.
14. Хакен Г. *Информация и самоорганизация*. — М., 1991.
15. Цлаф В.М. *Управленческие проблемы: их сущность и логическая структура* // Вопр. методологии. — 1998. — № 1-2.

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Я.А. Весова

Тысячи лет человек использовал для коммуникации устную речь, музыку, живопись и письменность. В XV веке появилась печатная книга, в XVII — газеты и журналы. В XIX веке технический прогресс открыл новую эпоху: изобретены фотография, радио, телефон, кино, грамзапись. В XX веке широко вошли в жизнь телевидение, магнитная запись звука и изображения, факсимильная связь, компьютерные системы, оперативная полиграфия (ксероксы, принтеры), радиосвязь через космос. Передача и распространение информации приобрели массовый характер.

Под средствами массовой информации (СМИ) понимаются печатные издания, теле-, радио-, видео-, кинохроникальные программы или иные формы массового распространения информации. В широком смысле СМИ рассматриваются как средства массовой социализации и включают не только периодику, а вообще всю культурную информацию, рассчитанную на массового потребителя.

В последние десятилетия XX века появились качественно новые средства массовой информации — телекоммуникационные, в которых осуществляется обратная связь между субъектами и объектами информационного процесса. Поэтому понятие «средства массовой коммуникации» (СМК) включает и СМИ, и новые телекоммуникационные средства на компьютерной базе (глобальные компьютерные сети).

СМК используют почти все каналы восприятия; в отличие от СМИ обладают интерактивностью, то есть осуществляют связь в обоих направлениях.

СМК играют огромную роль в жизни человека, в культурном обмене между людьми, в воспитании и образовании подрастающего поколения, а также в процессах управления, охраны общественного порядка и других областях социальной сферы. Средства массовой коммуникации и информации (печать, радио, кино, телевидение, сети) в начале XXI века проникли во все виды жизнедеятельно-

сти людей, образовали информационную социокультурную среду, в которой живёт человек. Мир вступил в новый этап своего развития — информационное общество.

СМК сегодня — один из основных факторов социализации молодого поколения. А.В. Мудрик отмечает, что объектом воздействия потока сообщений является не столько отдельный индивид (хотя и он тоже), сколько сознание и поведение больших групп людей, составляющих аудиторию того или иного конкретного средства массовой коммуникации — читателей одной газеты, слушателей какой-либо радиостанции, зрителей тех или иных телеканалов, пользователей компьютерных сетей.

СМК подразделяются по степени охвата аудитории.

К мегафакторам социализации можно отнести деятельность телекомпании CNN, передающей свои программы на весь мир;

- к макрофакторам — деятельность «Останкино», радио «России», некоторые центральные газеты;

- к мезофакторам — деятельность региональных СМК, передающих информацию о повседневной жизни населения региона;

- к микрофакторам — местные студии кабельного телевидения, многочисленные сельские и районные радиостудии и газеты, «приход» видео и компьютеров в семью.

В.З. Коган и Е.С. Полат справедливо полагают, что средства массовой коммуникации выполняют следующие социокультурные функции:

Информационную — распространение сведений о текущих событиях, знаний об окружающей действительности (знания о мире, живой и неживой природе, о человеке и обществе, о науках, профессиях и т.д.). Это позволяет личности выбирать, адаптироваться к социальной действительности. Программы ТВ, радио, газеты создают специфический для человека информационный мир.

Воспитательную — передачу образцов жизни, примеров поведения, пропаганду ценностей, отно-

шение к миру, людям, к самому себе, приобщение к культуре и искусству, информация о морально-этических, правовых, идеологических и прочих нормах современного общества.

Образовательную — сообщение людям знаний, позволяющих оценивать и упорядочивать сведения, полученные из других источников, и ориентироваться в сложном потоке информации.

Воспитательное и образовательное воздействие СМК сегодня сопоставимо или превышает влияние традиционной контактной педагогики.

Социально-управленческую: СМК именуются четвёртой властью, они формируют социальные ориентации, организуют общественное сознание, мнения по поводу значимых событий, людей, власти, осуществляемой ими социальной политики. СМК регулируют отношения внутри общества, поддерживают его интеграцию, динамическое единство и целостность, упорядочивают массовые формы поведения. Сюда же относится и формирование потребительского спроса на те или иные товары и услуги с помощью рекламы.

Рекреативную. Средства массовой коммуникации во многом определяют досуговое времяпрепровождение людей, как групповое, так и индивидуальное. Эта функция реализуется по отношению ко всем людям, так как отдых с книгой, в кино, перед телевизором, компьютером отвлекает их от повседневных забот и обязанностей. Современные СМК доносят до потребителя всевозможные виды развлекательных программ, делают возможным участие в них зрителей и слушателей.

Релаксационную (социально-регулирующую) функцию. СМК обладают огромным терапевтическим эффектом; теле- и компьютерные игры снимают и компенсируют стрессы и фрустрации. Особенно важно это для подростков, у которых возникают осложнения в общении с окружающими или в других сферах жизни (напряжённые эмоциональные состояния и дискомфорт). Этим подростков кино, радио, телевидение, печать отвлекает от неприятностей, заглушает и рассеивает эмоциональную неудовлетворённость.

Важнейший результат деятельности СМК — развитие личности, активизация процессов саморазвития — самопознания, самовоспитания, самообучения, самоутверждения, самоопределения, самоактуализации.

Классификационные параметры технологий СМК. Технологии СМК настолько широки, что ох-

ватывают большинство классификационных аспектов. Можно говорить лишь о некоторых акцентах.

По уровню применения — это метатехнологии, имеющие массовый, доходящий до общемирового охват объектов; они включают все иерархические уровни (отраслевые, модульно-локальные и микротехнологии).

По философской основе: технологиями СМК проводятся самые разнообразные философские концепции; для детей и подростков они больше всего соответствуют мироощущению экзистенциализма.

По основному фактору развития: СМК-технологии являются социогенными.

По научной концепции усвоения опыта: ассоциативно-рефлекторные + суггестивные.

По ориентации на сферы развития личности: 1) информационные (ЗУН) + 2) воспитательные (СЭН).

По характеру содержания и структуры: политехнологии.

По виду социально-педагогической деятельности: культурологические + социализации + управления.

По типу управления социально-воспитательным процессом: разнообразные с использованием всех типов.

По организационным формам: индивидуальные + групповые.

По подходу к ребёнку и воспитательной ориентации: свободного воспитания + социоцентристские + личностное ориентирование + арт-технологии.

По преобладающему методу и средствам: мультимедийные с применением широкого диапазона методов.

По направлению модернизации и отношению к традиционной воспитательной системе: альтернативные на основе применения СМК.

По категории объектов: все категории.

Целевые ориентации (в отношении подрастающего поколения)

С позиций **социальной политики** (интересов общества, властных структур):

- поддерживать, стабилизировать и усиливать принятые в обществе ценности, убеждения и модели поведения;
- формировать разносторонне развитого человека; воспитывать законопослушного гражданина, патриота, семьянина;

- формировать социальную активность человека; формировать правовое пространство личности, правовое просвещение;

- повышать культурный и образовательный уровень.

- С позиций **системы образования** (интересов образовательных учреждений): формировать умение ориентироваться в информационном пространстве; противостоять манипулированию собственным сознанием;

- противостоять вредным склонностям, привычкам;

- пропагандировать здоровый образ жизни;

- создавать оптимальную информационную среду для социализации;

- адаптировать к новым экономическим и политическим условиям в современном информационном обществе;

- помогать саморазвитию, самовоспитанию, самообразованию, самоопределению и самоорганизации детей и подростков.

С позиций сторонних **заказчиков** — манипуляторов общественным сознанием:

- коммерческие цели — реклама, привлечь потребителей товаров;

- управлять политическими процессами;

- привлечь (отвлечь) внимание к некоторым социальным проблемам;

- экономические цели — формировать экономическую номенклатуру рынка.

Концептуальные позиции функционирования системы мультимедиаобразования. Деятельность СМК находится под влиянием столь противоречивых целевых ориентации, что вывести её общую концептуальную основу весьма сложно. Но если говорить о воспитательной, педагогически организованной технологии СМК, то, несомненно, первым её концептуальным положением должна быть гуманистическая ориентация деятельности, всемерная поддержка и развитие положительных влияний СМК и блокирование их недостатков.

Технология социального воспитания подрастающих поколений средствами СМК должна основываться на следующих позициях.

Особая значимость СМК в воспитании. Влияние СМК в современном обществе огромно. Они сегодня представляют один из трёх основных факторов социализации молодого поколения (семья, образовательные учреждения, СМК). СМК должны обеспечивать позитивную социализацию

в интересах личности и общества. Дети видят мир таким, каким его показывают по телевизору. Этот мир должен быть, как сама жизнь, прекрасным и удивительным.

Информация — **главный ресурс социального воспитания и развития**; она есть средство управления, общения, главное средство духовного воспроизводства обществом самого себя.

Социальный контроль над деятельностью СМК. СМК могут и должны управляться обществом. Массовая информация функционирует не изолированно, а в сложном социальном контексте: её влияние опосредуется разнообразными факторами (идеи, знания, власть, экономика, техника).

Принципы **экологии** духа: гуманизм, соблюдение общечеловеческих ценностей, защита прав ребёнка, планетарное мышление. Прогресс общества (социальный, нравственный, технический), преодоление имеющихся в нём пороков возможны только при условии нового подхода к содержанию информационных потоков на основе адресуемых молодёжи принципов экологии духа.

Стратегическое направление СМК — переход от прямого воздействия к взаимодействию, развитие диалоговых режимов телекоммуникационных сетей.

Общие особенности технологий СМК. Воспитательные влияния СМК отличаются следующими особенностями:

Содержание информационных потоков: разнообразие, охват всех сфер культуры; эмоциональность и наглядность; противоречивость.

Характер информационных потоков: массовость, глобальный охват детского населения; случайный, статистический характер воздействий СМК; отсутствие контроля над содержанием и дозировкой информационных потоков (информация, предназначенная взрослым, доступна детям); опасность усвоения негативных образцов.

Психологические **механизмы**: анонимный, эксклюзивный характер восприятия информации; слепая вера и некритичность восприятия; подверженность социально-психологическим воздействиям (управлению): манипуляции, соблазнам, давлению, внушению, заражению и т.п., применяемым в СМК; механизмы психологической защиты человека (бегство, вытеснение, проявление и др.).

Действие **экономических** факторов: влияние рыночных интересов; противоречие между интересами заказчика и потребителя; стоимость каналов СМК; засилье рекламы.

Субъекты СМК (коммуникаторы). СМК, безусловно, индустрия промышленная (техника, энергетика, связь), но в первую очередь — это индустрия сознания. Около 70% работающего населения планеты связано с созданием, переработкой и передачей информации.

Обобщённый субъект СМК можно представить как совокупность всех применяемых средств: печати, радио, кино (видео), телевидения, телекоммуникации. Конкретных лиц, в руках которых эти средства функционируют, можно разделить:

- по **группам интересов**: политики (властные структуры); владельцы СМИ, рекламодатели; деятели культуры (производители информации); педагогические круги (частично сортирующие и направляющие потоки информации; критики); экономические круги (бизнесмены от СМИ);

- по **профессиональному признаку**: управленцы СМК (администраторы, менеджеры, руководители предприятий); творческие работники редакций и издательств, самодеятельные авторы (писатели, композиторы, мастера искусств, журналисты, сценаристы, авторы программ, режиссёры, звукооператоры, художники, актёры, дикторы и пр.); технический штат (аудио-, видео-, телестудии, предприятия связи, серверы, организации, центры, агентства и пр.).

Каждый вид СМК имеет свои особенности.

Печать — одно из основных средств массовой информации. Возникнув в Европе в XV веке, печать около пяти столетий (до появления радио) служила главным средством массового общения, передачи и сохранения знаний, орудием в борьбе идей.

Основные виды изданий: газеты, журналы, книги, брошюры, справочники, буклеты и др. Они учебно-методически обеспечивают все социально-воспитательные технологии.

По содержанию и целевому назначению печатные издания подразделяются на научные, политические, общественные, экономические, производственные, технические, учебные, художественные и различные отраслевые. По читательскому назначению: детские, школьные, молодёжные, женские и т.д. По субъектной принадлежности: центральные, региональные, издания организаций, учреждений, центров, а также частных лиц.

Печатные издания хранятся в специальных хранилищах — библиотеках и архивах. В Государственной библиотеке им. В.И. Ленина хранится 15 млн. изданий. Они скопированы на электронные носители информации.

Специфическими качествами печатных СМИ являются:

- удобство индивидуального пользования;
- достаточно долгая сохранность.

На основе печатной информации происходит обучение, построено большинство образовательных технологий.

В России ежегодно издаётся 100 тыс. экземпляров учебников по различным отраслям науки и техники, литературы и искусства.

Радио. Термин «радио» означает, прежде всего, изобретённый в 1895 г. русским учёным А.С. Поповым способ передачи электромагнитных сигналов на расстоянии. И сегодня радио — основное средство связи между людьми.

Радио как средство массовой информации означает **радиовещание** — передачу неограниченному числу слушателей речи, музыки и другой звуковой информации.

Радио — основное средство оперативной информации, массового воздействия, просвещения населения. Радиопередачи слушает 95% населения страны. Это — газета без бумаги и расстояний.

Различают основные жанры радиовещания: информационные общественно-политические (радиоинформация, репортаж, комментарий, интервью, беседа); художественно-публицистические (радиоочерк, фильм, композиция), художественные (радиоинсценировка, пьеса и др.), учебные. Радио транслирует исполнение литературных и музыкальных произведений всех жанров, а также использует специально адаптированные для радио драматические и оперные спектакли.

На радио есть цикл специальных передач в помощь школе и самообразованию, в том числе «Радиоуниверситет культуры», «Родительский университет».

Наиболее приспособлены для радио заочные, дистанционные, интерактивные технологии.

Передающие радиочастоты (центральные, региональные, местные) представляют собой крупные (государственные или частные) компании, предприятия с производственно-технической базой, творческими коллективами (редакциями).

Достоинства радио: всепроникаемость; лёгкость переключения на разные программы (свобода выбора); мгновенный и повсеместный (всемирный) охват; удобство и дешевизна пользования.

Кино. Термин «кино» означает:

- 1) кинематограф (движущееся изображение),

изобретённый в 1895 г. французами Л. и О. Люмьер;

2) род искусства, произведения которого создаются с помощью киносъёмки реальных, специально инсценированных или воссозданных средствами мультипликации событий действительности;

3) средство массовой информации.

Подвижность киноаппарата и разнообразие применяемой при съёмке оптики дают возможность представить в кадре огромные пространства и большие массы людей (общий план), небольшие группы людей в их взаимоотношениях (средний план), человеческий портрет или отдельную деталь (крупный план). Благодаря этому в границах кадра могут быть выделены наиболее существенные, эстетически значимые стороны изображаемого объекта. Соединение кадров в монтаже служит выражением мысли автора, создаёт непрерывность развития действия, организует зрительное повествование, позволяет путём сопоставления отдельных планов истолковывать действие, передавать подтекстовую информацию.

Кино — важное средство формирования зрительских представлений о действительности, этических взглядов, эстетических вкусов.

Создание произведений кино — сложный творческий и производственный процесс, в котором объединяется работа: киносценариста (автора сценария); режиссёра, истолковывающего и реализующего замысел и руководящего работой остальных участников постановки; актёров, воплощающих образы действующих лиц; оператора, влияющего на действие средствами композиционной, светотональной и цветовой трактовки кадров; художника, находящего изобразительную характеристику среды действия и костюмов действующих лиц (а в мультипликации и внешнюю характеристику персонажей); композитора и др.

За время развития кино сформировались четыре основных его вида:

художественная (игровая) кинематография, воплощающая средствами исполнительского творчества произведения киносценариста;

документальное кино, являющееся особым образным видом публицистики;

мультипликационное кино, «одушевляющее» графические или кукольные персонажи, особое внимание уделяющее созданию фильмов для детей;

научно-популярное кино, которое знакомит зрителей с жизнью природы и общества, научны-

ми открытиями и изобретениями, воссоздаёт ход творческих поисков учёных и мастеров искусств, наглядно демонстрирует физико-химические и биологические процессы. Для решения этих задач оно пользуется как чисто дидактическими, так и художественно-образными средствами в зависимости от темы и задачи фильма.

Кинематография — не только область искусства, но и отрасль промышленности и торговли (производство и прокат фильмов, эксплуатация киносети).

Телевидение. Ни газеты, ни радио не смогли взять человечество в плен информации так крепко, как телевидение — домашний источник связи с миром. Его эффект сопоставим с действием волшебного зеркала: заглянул в него и узнаёшь, где что делается. Телевидение не только информирует о том, что происходит в мире, но и изображает происходящее, создавая иллюзию непосредственного присутствия зрителей на месте событий.

В телесмотрении источник информации взаимодействует со зрителем в собственном физическом пространстве зрителя, чаще всего у него дома. Возникает эффект непосредственного присутствия, в основе которого лежит персонификация взаимодействия — придание ему иллюзии индивидуального общения, с глазу на глаз.

Типичная структура информационного вещания такова.

Дневные часы посвящаются работе (общественная сфера). Ранние вечерние часы посвящаются семье (домашняя сфера), и потому телевидение предлагает в этот период передачи для детей и для семейного развлечения. Затем наступает время культурных, образовательных и развлекательных программ (культурная сфера). Социально-политическая сфера занимает в программе передач свою нишу, отличную от тех, которые приходятся на другие общественные сферы.

Часто телевизионная реальность оказывается для человека единственной, превращается в особый виртуальный мир, лежащий за пределами того, что можно назвать просто истинным или ложным. Этот иной мир становится «более истинным, чем сама истина, более историчным, чем сама история и, наконец, более нашим, чем мы сами».

Информационные агентства накопили огромный опыт, позволяющий снабжать факты скрытыми оценками, подводить к нужным выводам, формировать мнения.

Говорящий подтекст в телепередаче — оптико-кинематическая система знаков (жесты, мимика, пантомима); пара- и экстралингвистическая информация (интонация, паузы, усиление и понижение голоса, звуковое сопровождение — будь то естественные шумы или музыка, используемые в информационных программах), цветовое решение передачи, а также система «контакта глазами». По данным американских психологов, только семь процентов телеинформации содержится в словах, тридцать и более процентов приходится на интонацию и голос, пятьдесят пять процентов — на зрение. Впрочем, восприятие информации носит сугубо индивидуальный характер и обусловлено установками личности.

Время, проводимое ребёнком перед ТУ или видео, по продолжительности сравнимо с временем пребывания в школе. Поэтому определение «параллельная школа» в значительной степени относится к телевидению.

Телекоммуникации. Активизировалась передача информации по каналам персональных компьютеров, подсоединённых к сети. Сетевые информационные технологии обеспечивают интеграцию и кооперативное использование информационных ресурсов путём телекоммуникационного доступа к ним удалённых пользователей.

Сеть даёт возможность

- пользоваться информацией, хранящейся в других компьютерах;

- пользоваться информацией коллективного хранилища информации — компьютера-сервера;
- обмениваться информацией друг с другом в режиме электронной почты (а в перспективе — в режиме видеотелефона).

Хранилища информации — серверы — также объединены в сети; они могут быть специализированными по отрасли в учреждениях, территориях, регионах. Сеть представляет обобществлённое хранилище информации. Самые крупные сети — международные — Internet, Relcom — обеспечивают доступ ко всем серверам. Пользователь может по желанию присоединиться к любому серверу.

Свобода выбора в Internet на порядок выше, чем у радио или телесредств. Сети представляют огромные образовательные возможности: можно получать любую информацию. По существу, это модель «свободного воспитания» в Internet.

Но самое большое достоинство телекоммуникационных сетей — свободное общение держателей информации по всему миру, электронная почта.

При всех своих достоинствах средства массовой информации (особенно телевидение) — одновременно огромный негативный фактор социальной среды. Кроме откровенной пропаганды насилия, секса, жестокости, СМИ создают наркотический эффект, уводящий детей от реальной жизни, формируют пассивное восприятие мира. Примерно такое же влияние оказывает кино, особенно дикий, неконтролируемый рынок видеофильмов.

Приложение № 1

Достоинства и недостатки СМК

Особенности	
Достоинства	Недостатки
Печать	
Удобство индивидуального пользования Долгая сохранность	Трудности доставки в отдалённые места Малая информационная плотность текста Сложность поиска информации
Радио, аудиосредства	
Всепроницаемость Лёгкость переключения на разные каналы Всемирный охват Дешевизна пользования Удобство пользования	Наркотический эффект Вред для слуха Отсутствие зрительной информации Противоречивость информации
Кино	
Демонстрация движущихся изображений Учебное кино — зрительная иллюстрация содержания обучения Возможность сохранять изображение Эффект непосредственного участия	Необходимость специально оборудованного помещения Невозможность остановки и движения ленты в обратном направлении

Телевидение, видео	
<p>Возможность остановки кадра, движения в обратную сторону</p> <p>Удобство пользования (домашнее кино)</p> <p>Домашнее средство связи с миром</p> <p>Возможность сохранить изображение, видеозапись</p> <p>Репортаж с места события</p> <p>Эффект непосредственного участия</p> <p>Источник ознакомления с мировой культурой</p> <p>Эмоциональность и наглядность</p> <p>Глобальный охват населения</p>	<p>Опасность усвоить негативные примеры</p> <p>Неуправляемость рынка видеопродукции</p> <p>Показ (пропаганда) насилия, жестокости, разврата, секса</p> <p>Случайный характер воздействия на человека</p> <p>Наркотический эффект</p> <p>Формирование пассивного восприятия мира</p> <p>Эффект четвертой власти</p> <p>Засилье рекламы</p> <p>Нарушение режима здорового образа жизни</p> <p>Утомление зрения</p> <p>Гиподинамия</p> <p>Утомление опорно-двигательного аппарата</p>
ПЭВМ	
<p>Дети с особыми потребностями развития могут «обрести мир»</p> <p>Самоутверждение (потребность быть членом социальной общности)</p> <p>Помощь учителю (обучающие программы)</p> <p>Возможность самообразования</p> <p>Богатство красок, мультимедийные возможности</p> <p>Виртуальная реальность</p> <p>Инструмент переработки и оформления информации</p>	<p>Утомление зрения</p> <p>Утомление опорно-двигательного аппарата</p> <p>Нарушение функций нервной системы</p> <p>Бездушность, безэмоциональность машины (обучающей)</p>
Компьютерные сети	
<p>Доступ к мировым культурным ценностям</p> <p>Расширение кругозора до планетарного уровня</p> <p>Развитие речи через телекоммуникации</p> <p>Электронная почта</p> <p>Видеотелефон</p> <p>Свободный доступ к информации, возможность получить любые интересующие сведения</p> <p>Удовлетворение потребности в общении с человечеством</p> <p>Удовлетворение потребности в самовыражении</p> <p>Большие образовательные потенциалы сетей</p> <p>Сеть стирает все границы: государственные, территориальные, языковые, возрастные</p> <p>Расширяется возможность воспользоваться своими правами</p> <p>Образность подачи информации</p> <p>Интеграция информации, полученной из сети, и школьного образования</p> <p>Возможность дистанционного образования</p> <p>Объединение городских и сельских школ</p> <p>Инструмент поиска информации</p>	<p>Невозможность проверить достоверность информации</p> <p>Опасность мошенничества, манипуляций</p> <p>Возможность злоупотреблять своими правами</p> <p>Трудности текстового (сознательного) формулирования, представляемого образной информацией</p> <p>Чатомания — увлечение общением через Internet</p> <p>Распространение лживой информации по всему миру</p> <p>Несовершенство поисковой системы</p>

ФРАНЦУЗСКИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ О КУЛЬТУРЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯМАЛА

(об исследовании Д. Н. де Шамбура
«Ненецкая повесть Анны Неркаги, или Боли сибирского сердца»)

Ю.И. Попов

Работа Доминика Нормана де Шамбура «Ненецкая повесть Анны Неркаги, или Боли сибирского сердца», осуществленная под руководством профессора Национального института восточных языков и цивилизации Анн-Виктуар Шаррен в 1991-1992 гг., представляет собой, на наш взгляд, самое серьезное исследование ненецкой культуры и литературы во Франции. Имя французского исследователя с тех пор появляется в российских журналах с северной тематикой, в частности, его статьи публикует журнал «Мир Севера».

В кратком обзоре его работы комментарий сочетается с фрагментами переводов его исследования. Сразу же следует отметить, что работа была написана в годы кардинальных изменений, произошедших в нашей стране, поэтому некоторые оценки могут показаться сейчас излишне заостренными и утратившими в настоящий момент часть своей политической актуальности. Тем не менее несомненный литературоведческий талант исследователя, его французский иронический ум и глубокое понимание проблем культуры и ментальности народов Севера делают его работу интересной и полезной современному читателю.

Из объемной работы французского исследователя мы вычленили в основном этнографические и социокультурные размышления. В частности, представляются особенно интересными соображения о взаимоотношениях северного и «советского» миров, показанные со стороны, с точки зрения заинтересованного, но не предвзятого наблюдателя. Учитывая, что проблемы российского Севера не так часто освещаются с позиций человека Запада, работа Д.Н. де Шамбура интересна вдвойне.

Свою работу о повести А. Неркаги «Илир» французский исследователь построил на чередовании текстуального анализа повести и сопоставлении литературного изображения с реальными событиями сложного и переломного для ненцев времени 30-х гг., времени коллективизации и распада традиционного уклада жизни. Его оценки произведения А.Неркаги столь же неоднозначны, как и ее

повесть, как само время, в котором было все перемешано и запутано: и ненцы были жестоки друг к другу, и русские не вполне понимали ситуацию на Севере, и тем более ненцы не очень разбирались в тех идеях, которые несла им «красная нарта».

Автор разделяет свою работу на четыре раздела: 1. Рама повествования. 2. Традиционная жизнь. 3. Приход коммунистов. 4. Источники поэтического письма.

В свою очередь, каждый из разделов подразделяется еще на описание обыденной и духовной жизни ненцев — как в повести, так и согласно этнографическим и историческим данным. В частности, автор выдвигает своеобразную теорию происхождения современных ненцев: он выводит их родословную из трех источников:

Идентичность современных ненцев идет от тройного наследия: язык, оленеводство, мужская и женская одежда без застежек, а также способ погребения восходят к традициям самоедов; некоторые виды орнаментов, черты религиозного культа, традиционные имена восходят к наследию угров; морской словарь, мужская одежда, открывающаяся спереди, и использование в пищу сырого мяса выдают уральское наследие [С.26].

Французский исследователь дает антропологическое описание внешности ненцев в зависимости от места проживания и указывает на некоторые распространенные штампы в изображении народов Севера:

Ненцы с антропологической точки зрения имеют двойное лицо: монголоидность усиливается при движении с запада на восток. Эта двойственность четко проявляется между светлыми ненцами севера Ямала и полуострова Канин... и лесными ненцами азиатской части. В сущности, ненцы похожи на свою землю.

Экстремальные природные условия порождают в некоторых изданиях особое отношение к народам Крайнего Севера - они показаны в них как невротики и одержимые, истерики и

сквернословы... Как бы там ни было, ненцы действительно связаны с Природой, и человек здесь более, чем где бы то ни было, является отражением своей среды: он является ее продолжением, подобно тому, как ладонь подчиняется предплечью. [С.27- 28]

Далее автор пишет об особенностях ментальности ненцев, их отношении к окружающему миру, об особенностях существования в экстремальных климатических условиях и суровых законах традиционного общества:

Расстояния разворачиваются перед ненцем, как мысли кабинетных ученых, привязанных к своим книгам; ненцы — это люди простора, и они не любят забивать свою голову бесполезными вещами. Не абстрактное Знание само по себе, не умная голова, но непосредственные умения и знания окружающего мира вам позволяют жить в тундре и в лесу. Мир растений и животных, природная среда являются живым уроком, который необходимо знать под угрозой смерти. [С. 28]

Нет места случаю в этом агонистическом обществе: мужчины носят нож на поясе, а женщины обращаются к духам-защитникам. Поскольку жизнь находится на пересечении людей и божеств. Духи везде и раздражительны, как люди: жить — это значит уметь их примирить. Сыновья тундры не видят раздела между тремя мирами, и обыденное смешивается со священным, священное со смертью: и в этом множественном и единичном равновесии ненецкие кочевники находят свой путь.

Уважение к иерархическому социальному порядку обеспечивает непреходящий характер общности и его нормальное функционирование. Этот порядок, неважно справедливый или нет, гарантирует жизнь; это главное. Нет места состоянию души в стойбище: условия жизни слишком тяжелы, чтобы их себе позволить. Слезы только для момента одиночества, для деревянных идолов...

Это мир, в котором сам факт существования есть сражение... [С.32-33].

Интересны и поэтичны размышления французского исследователя о чуме:

Чум — это как бы вторая кожа, которую одевают люди по возвращении из тундры, безыскусная одежда, которая скрывает их общественную и домашнюю жизнь, защита от ветров Беспорядка, которые подрывают установившееся равновесие. Чум — это бьющееся сердце человеческого сообщества в тундре. [С.20]

Конический тип жилища часто встречается в Сибири. Разница заключается скорее в способе его установки. Чум — это как упражнение в ловкости: в умелых руках он упрется в неподвижность неба за полчаса, в руках новичка он останется на земле, как жалкий каркас, несобранная головоломка. Ненцы, так же, как селькупы, нганасаны, энцы, обладают искусством возводить эту миниатюрную вселенную посреди тундры; кстати, терминология, относящаяся к чуму и священному столбу в нем, остается близкой у всех самодийцев. Даже если кто-то из них ставит чум по-своему, с разным количеством базовых шестов, их средства закрепления, место для очага мало отличаются.

Чум, установленный женщинами, и достаточно большой для одной семьи, может быть разделен на несколько «комнат» длинными шкурами, которые служат перегородками и сохраняют тепло в ограниченном пространстве. В традиционном чуме существуют женская и мужская половины и почетное место — наследие самоедской составляющей. Внутри до недавнего времени, то есть до появления русских, мебель оставалась ограниченной и функциональной. Это царство дерева и мехов! [С. 29-30]

Д.Н. де Шамбур сравнивает языческие верования и новую религию, которую несли ненцам русские миссионеры:

Ненецкий культ является анимистическим и языческим одновременно, домашним и под открытым небом. Духовность ненцев имеет силу ни с чем не сравнимую, более простую, чем золото крестов миссионеров, более улыбочивую, чем бородатые лица новых шаманов. Притом, что их иконы красивы: женщина и ее дитя в русских одеждах, усеянных золотом, мужчины с тонкими чертами и с такими длинными руками, что они кажутся почти беспокоящими. Эти торжественные персонажи, узники академических кистей, должны почитаться, потому что живут на небе. Новые соседи для Великих Духов, которые живут в своем небесном чуме некоторым образом! Но эти новые шаманы, именующиеся попами, не хотят делить небо и часто приходят в ярость, потрясая тяжелым предметом из множества листов бумаги, немного похожих на те, которые дают русские купцы в обмен на меха, но они покрыты малень-

кими черными пятнышками. Но книга, как бы она ни называлась, может ли она вместить жизнь? Скрытая за этими черными значками, лежащими между листами, какая жизнь может там быть? Какой дух может там дышать? [С. 63]

Французский исследователь пишет и об отношении ненцев к новой религии:

Многие ненцы, не имевшие ни малейшего желания окунуться ни в прямом, ни в переносном смысле новую религию, ушли за Урал, чтобы вернуться, когда уйдут новые миссионеры. Те же, которые позволили себя крестить, рассматривали это коллективное и принудительное купание с удивленной отстраненностью, как некую прихоть цивилизации белых людей.

Духовная миссия XIX в. имела единственным результатом введение христианского календаря, который совпадал с годовым циклом оленеводства, и внедрение цифры 3 вместо цифры 7... Православная миссия крестила больше людей, чем душ. Ненцы быстро вернулись к своей первой любви: язычеству, анимизму, шаманизму. То, что видят или не видят их глаза, слишком походит на то, что они есть, на их природный и ментальный мир. Поэтому они вряд ли могли узнать себя в молитвах этих черных фигур, слишком похожих на мертвое дерево на белом снегу. [С. 63-64]

Автор работы достаточно подробно останавливается на пантеоне ненецких божеств и духов, он опирается в основном на известные работы отечественных исследователей и не вносит ничего принципиально нового в их описание. Остановимся лишь на упоминании о сихиртя:

...Что касается семи подземных земель, то земля людей им служит небом. И в первой из этих земель живут «сиртя» (или «ихиртя» в восточных говорах) - существа маленького роста. Но существуют еще другие «сиртя» - более близкие, живущие в глубине земли людей, так как они боятся солнечного света. Они используют не оленя, но мамонта («яхора» - оленя земли), который живет под землей, поскольку его вес слишком повреждал поверхность земли людей. Эти сиртя освещаются светом солнца и луны, который они воспринимают через толщину вод земли людей. [С. 64]

Собственно литературную часть работы французский исследователь начинает с оценки отношения официальной партийно-советской идеологии к жизни и культуре северных народов. Он до-

статочно метко подмечает те изменения, которые претерпевала официальная политика в Москве, вынужденная под давлением времени и обстоятельств постепенно смягчать свое отношение к культуре северных народов:

...то, что позавчера она с отвращением называла «пережитками», вчера снисходительно определяла как «традицию», сегодня имеет уважительное отношение, это то, что следует «сохранять и охранять». [С. 9]

Далее следуют размышления о специфике развития северных литератур и их взаимоотношений с русской литературой:

Молодая азиатская литература вспомнила, что она не только экзотическое эхо официальной литературы — «национальной по форме, социалистической по сути»; выросшая, естественно, под материнской сенью русской литературы, в том серале, получившем название «советская литература», она выражается по-русски, но, тем не менее, не теряет себя. Она была вскормлена на русской груди, гордой, но и иногда капризующей, однако это было лишь поддержкой при рождении, но не ее сущностью; она прошла стадию этнологического свидетельства, бледного копирования с восточной спецификой, пока не усвоила историю национальную... и русскую. Ее идентичность проходит через протянутые руки двух литератур: Бестужев-Марлинский, Рылеев, Шесталов, Рытхэу, Санги. [С. 10]

Исследователь продолжает свою мысль о неразрывной связи прошлого и настоящего в культуре и литературе ненцев:

Повесть «Илир» А. Неркаги есть отражение этого литературного «билингвизма», она открывает оригинальный путь всем тем, кто совмещает национальное прошлое и федеральное настоящее и кто заботится о том, чтобы рассказать как можно большему числу читателей человеческие проблемы неотвязного прошлого. [С. 10]

Представляются также важными рассуждения французского исследователя о методе своей работы. В своей работе он часто пользуется термином «реальность» (réalité), которое следует понимать как «действительное положение дел». Учитывая относительность и субъективность любого мнения, автор предупреждает против упрощенного понимания этого термина и говорит о стремлении найти некий компромисс между мифом и историей. Мифологическое мышление характерно для север-

ных народов, к историзму постоянно апеллировали советские идеологи и исследователи, истина же находится где-то между этими подходами. Показательно также стремление автора к справедливости и искренности — именно эти этические категории могут помочь разобраться в непростой коллизии взаимоотношений патриархального и технократического миров:

Слово «реальность»... не должно пугать: речь идет о том, чтобы пробить дорогу между Мифом и Историей, руководствуясь постоянно стремлением к справедливости: разве легенда не утверждает, не находя спасительного слова, что Голубые Гиганты, ставшие горами с бьющимися сердцами под каменным телом, придут на помощь искреннему человеку? [С. 10]

Много места в работе Д. Н. де Шамбура занимает осмысление отношения русского мира к северным народам. Автор подчеркивает, что проблема этих отношений имеет давнюю историю, вспоминает декабристов, которые первыми из образованных русских попытались осмыслить проблемы коренных народов Севера. Он приводит также высказывание о самоедах В. Белинского (мы приводим его в обратном переводе с французского):

Самоеды как люди имеют право на наше внимание и в высшей степени на нашу симпатию... Самоед — это человек. Он имеет то же право, что и мы, на радости жизни. Подумайте о его ужасающем положении... [С. 108]

Говоря о несомненных достижениях Советской власти в деле приобщения народов Севера к достижениям материальной культуры XX в., автор, тем не менее, отмечает:

Широкая советская помощь имела привкус будущих компромиссов... [С. 6]

Исследователь четко разделяет обещания и реальные результаты деятельности коммунистической власти на Севере. Он говорит о двойственности отношения российских и советских властей к аборигенным народам Севера, о стремлении русских направить их развитие в «правильном» направлении, будь-то христианские миссионеры или коммунистические агитаторы:

Русские смотрят на ненцев так же, как на другие народы Сибири — не видя их.

Следует подчеркнуть эту русскую двойственность по отношению к народам Сибири, и в частности, к ненцам. Она похожа на руки, которые притягивают и отталкивают одно-

временно. Будучи в перчатках белых или красных, русская рука всегда хочет показывать правильный путь... С тремя пальцами или с поднятым кулаком в ней чувствуется душа миссионера, которая приказывает идти за собой во что бы то ни стало... Великий Север терял время, бесполезно скитаясь по тундре, его нужно было научить идти в правильном направлении. [С. 108-109]

При этом французский наблюдатель понимает искренность многих русских просветителей и революционеров, стремившихся привести народы Севера к свету знаний и культуры, отмечает жертвенность Советской России, которая в тяжёлые 20-е годы выделяла средства для северных народов:

Тон кампании был задан, и благородная Россия, жертвуя собой, истекая кровью, несет свет архаическому Северу. В 20-е гг. революционные умы пытаются революционизировать тундру: борьба с неграмотностью, медикаменты, журналы и газеты на ненецком языке. Но это печатное слово не всегда внушает доверие, даже будучи произнесенным на ненецком, поскольку оно слишком связано с белым человеком. Пришельцы искренне верят в силу образования — экономического, культурного, медицинского... [С. 110]

Автор уделяет значительное место в своей работе роли Института народов Севера в формировании первого поколения интеллигенции Севера. С другой стороны, пришествие северян в Ленинград представляется ему картиной почти сюрреалистической:

Ненец мог соревноваться на лыжне с звенком, манси боролся с нивхом на борцовском ковре... Картина почти сюрреалистическая — не она ли лежала в основе социалистического реализма? [С. 113]

В то же время Д.Н. де Шамбур пытается в своей работе разобраться, в чем же был просчет новой Советской власти, почему не удалось воплотить в жизнь грандиозные планы?

Советские идеологи, считает он, понимали отчасти те трудности, с которыми придется столкнуться коренным народам, но действовали как врачи, которые прописывают ребенку болезненное лекарство в уверенности на скорое выздоровление:

Прыжок вперед для народов Севера будет несколько грубым, но приземление будет прекрасным. Разве существует народ, который

отверг бы благодеяния цивилизации и прогресса? Будущее России величественно, и все народы должны это признать, каждый должен понять великие буквы слова «союз». [С. 111]

Просветительская вера в прогресс, в благотворное воздействие технической цивилизации сближает русских коммунистов и французских просветителей XVIII в.

Однако XX в. убедительно доказал, что столь упрощенный подход к миру и бытию человека в нем, марксистская формула «бытие определяет сознание» не отражают всей сложности феномена человека. Утопическая вера в то, что возможно насильно затащить человека в счастье, видимо, была самым главным просчетом коммунистической идеологии. Французский исследователь хорошо это понимает и разворачивает в своей работе картину взаимоотношений новой власти и коренных народов. Он пронизательно отмечает внутреннее, коренное несходство «белых людей» и автохтонов:

Цена счастью может временами казаться завышенной, особенно если оно оказывается лишь тревожной тенью того, что должно быть.

Белые люди принялись за кочевников, но они хотели изменить природу. Нужно, чтобы все было так, как у них; белые люди умеют заставить плакать, как никто другой. Они не отбирают вашу жизнь — они вас освобождают от вас самих. Они всегда правы и отдают вам свое сердце: но они всегда остаются снаружи. Они с вами сражаются или подражают вам, но никогда не идут рядом с вами. [С. 114]

Автор рисует грустно-ироническую аллеорию процесса насильственного перевода ненцев на оседлый образ жизни:

Продавцы счастья начинают раздражаться: не хватает покупателей в тундре, они постоянно в движении, слоняются неизвестно где. Боясь, что товар испортится окончательно, продавцы заставляют присесть свою клиентуру насильно: «Социализм несовместим с кочевой жизнью». И приходилось садиться на стулья и за столы. Конечно, сидеть на стуле и за столом — это придает вам достоинства. Но это так далеко от земли, на которой придется спать... Может, поэтому счастье боится земли? В первых русских школах ненецкие дети садились на пол, как они привыкли; они садились около скамеек и ложились около кроватей. В

колхозах и совхозах женщины, выделявавшие шкуры, покидали столы и стулья, чтобы работать удобно, то есть на земле. Архаичность живет в ненцах, как паразит, кричали новые люди. Все должно быть сделано, чтобы уничтожить этого паразита: холодный душ для всех, несмотря на боязнь Злых духов, которые могли скрываться в воде, мыло и постриженные волосы, карантин в четырех стенах, безнадежно неподвижных. Спланированный в верхах переход к статусу «товарища» для этих пасынков Истории. Больных оттого, что остаются самими собой. [С. 115]

Обратим внимание на последнюю фразу. По-французски она звучит еще короче (*Malades d'être eux-mêmes*) и очень точно, на наш взгляд, передает отношение многих пришельцев к коренным народам — они не такие как мы и как бы виноваты в этом, больны этим. Далее автор развивает свою мысль, с помощью метафоры вскрывая опасность предложенного пути и внутреннюю, органическую, даже ритуальную его неприемлемость для ненцев:

Выздоровление — в полной оседлости. И только дураки могут сказать: это все равно, что остановить движущийся народ. Это было бы красивой картинкой, но опасной и лживой. Будущее ненцев — это повторение их ошибок, следовательно, будущего нет: поэтому далеко на западе взвился красный флаг, чтобы осветить им путь. Как новая заря над тундрой, начертанное будущее. Неважно, что в лихорадке ветров флаг отрывисто хлопает, как слова приказа, и что только головы усопших, по ненецкой традиции, смотрят на запад. [С. 115]

Французский исследователь высказывает хорошее знание особенностей перехода к оседлости, он приводит количественные данные о ненцах, перешедших к оседлому образу по разным территориям. Однако более впечатляющими представляются его личные наблюдения этого явления. Он пишет о том, что в общем известно и нам, к чему мы привыкли и не обращаем внимания. Однако взгляд стороннего наблюдателя как бы «остраняет» проблему, заставляет взглянуть на нее по-новому.

В Ненецком национальном округе меры по внедрению оседлости конкретизируются, тогда как на Ямале этот процесс затруднен длительностью кочевий, удаленностью от экономических и культурных центров, сопротивлением ненцев счастью по-русски. [С. 115]

В городах процесс оседлости проходил более успешно. Однако в советских квартирах большая часть семей возвращается к старому способу застолья: все сидят на полу вокруг низкого столика. Вещи сопротивляются призыву шкафов, они сложены в походные мешки из оленьих шкур на нартах, стоящих рядом с домом. Как будто они ждут крика погонщика, чтобы отправиться обратно в тундру, как будто бы необходимо быть постоянно готовым оставить этот неподвижный, как труп, мир. Приходилось даже видеть чум рядом с домом, или же элементы обстановки чума в самой квартире (постели из шкур, индейские пологи, низкие столики). И сегодня еще некоторые ненцы покидают свой новый дом, чтобы возвратиться в чум, если приближается смерть! Идентичность народа делает иногда скачки. Как неожиданно обретенная память. [С. 117]

Французский исследователь дополняет свой обзор северных наблюдений еще рядом размышлений. Представляется верным его вывод о двойственности, неопределенности северных народов по отношению к официальной идеологии.

Ненцы, как и другие народы, мало подготовленные к столкновению с марксизмом-ленинизмом, должны были официально расстаться с духовной «автономностью», осуществляемой через шамана, и проснуться для «созидательной и сознательной жизни». Праздник медведя плохо сочетался с праздником Первого мая или днем Советской Армии... Они не ненцы и не социалисты. Они остановились где-то на дороге, между точкой отправления и предполагаемой точкой прибытия... [С. 120]

Тем не менее автор работы не склонен к абсолютно пессимистическим выводам о будущем ненцев. Он отмечает жизнестойкость и те устоявшиеся и вошедшие в плоть и кровь ненца законы и принципы, которые помогли ему пережить катаклизмы XX в. и помогут им выжить в XXI в.

Относительное спасение ненцев после головокружительного прыжка от системы патриархальных кланов к коллективистской социалистической системе заключается, несомненно, в их численности и идеальной адаптации к климатическим условиям Большого Севера. Нет места импровизации в тундре и цивилизации оленей: ненцы уже нашли лучший вариант. В этом специфическом мире необходимо сначала научиться всему, прежде чем оставить там свои следы, и «вечно отстающие» сохраняют свои знания. Тундра и олени были тысячелетиями в жизни ненцев, и менее века в советской жизни... Здесь нет места революции, есть лишь технические усовершенствования: вертолеты и моторные сани, «Бураны» и лодки с мотором «Вихрь»... [С. 122]

Д.Н. де Шамбур завершает свой социокультурный обзор нелицеприятным выводом о роли «новых людей» в жизни ненцев:

Ситуация на месте, отношения между народами Большого сибирского Севера столь же сложны, как и мозаика из меха, таинственно переплетающаяся на их одежде, их прическе, их обуви и их сумках. Состояние отношений с русским миром, к сожалению, менее артистично и менее секретно. Потому что ненцы так же любят своих Духов, как новые люди — самих себя... Ненцы оказались в тундре, новые люди ищут себя в «коммунистическом рае»... Ненцы хотят опьянения от воды, неба и земли, новые люди имеют грустное вино ордена Красной звезды. В сущности, ненецкая земля начинается там, где дороги русских кончаются, остановленные жалобой: «Я тебе дал свою руку, ты же содрал у нас кожу». [С. 126-127]

Остается лишь надеяться, что в XXI веке «новые люди» учтут опыт века предыдущего и построят свои отношения с коренными народами на иной, более равноправной основе. Многое делается в этом направлении в Ямало-Ненецком автономном округе.

Литература

Dominique Normand de Chambourg. Un récit nenets d'A. Nercagi. - Paris, 1991-1992.

СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ: КТО ОНИ?

Н.Н. Уразова

Демократические изменения в современном российском обществе способствовали росту национального самосознания народов, населяющих Россию, стремлению к воссозданию собственной истории, культуры, языка, обычаев. В этом отношении не представляют исключения и коренные сибирские татары.

Важным шагом в борьбе за сохранение сибирских татар как самостоятельного этноса и возрождения их традиционной культуры явилось образование Ассоциации татар Тюменской области. Программа и Устав Ассоциации были утверждены в декабре 1990 г. на I съезде татар Тюменской области.

Сибирские татары — это тюркское население Сибири, издавна обитающее в основном в сельских районах и городах Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской областях.

На Север сибирские татары начали проникать с конца XIV века. На сегодня общее количество татар на Ямале составляет более 26 тысяч.

До революции и в первые годы Советской власти сибирские татары старшего поколения часто называли себя мусульманами. Более того, слово «татарин» иногда воспринималось ими как оскорбление. Аналогичное отношение к слову «татарин» наблюдалось в прошлом также среди казанских татар. Анализ научных источников по данному вопросу показывает, что этноним «татары» является неточным применительно к тем тюркским народам, за которыми он закрепился, поскольку современные татары (казанские, астраханские, крымские, сибирские и др.), проживающие в разных районах бывшего СССР, не являются прямыми потомками тех племён, которые обитали на территории Монголии ещё в начале нашей эры.

Происхождение и формирование сибирских татар как особого этноса — сложный и малоизученный вопрос.

В современных условиях невозможно установить их точное количество. Во многих районах «пришлые» татары сильно смешались со старожилами Сибири и считают себя «коренными». Разрозненные группы тюркоязычных насельников,

живущих к западу от Оби в и степной полосе, в исторической литературе носят название барабинцев, иртышских, ишимских и тобольских татар. Всех их называют общим именем сибирские татары.

На их развитие в исторически обозримое время оказывали влияние этнические группы угорского происхождения, монголы, народы Саяно-Алтайского нагорья, узбеки, таджики, каракалпаки, казахи, татары Поволжья, башкиры, некоторые другие народы, с которыми предки современных сибирских татар поддерживали этнокультурные связи.

Материальная культура

Поселения и жилища. Сибирские татары, как и многие другие тюркоязычные народы, называли свои селения аулами. Они употребляли также термины *йорт* — дом, владение, место жительства, земля, страна. Известный путешественник И.Г. Георги в конце XVIII века писал о тобольских татарах, что их деревни имеют размер от 10 до 50 дворов.

Жилища расположены по татарским обычаям. В каждом ауле на самом видном месте стояла мечеть с оградой. Мечеть с минаретом в сельской местности строилась деревянная. Возле мечети росли деревья (берёза, сосна, черёмуха); кусты шиповника и т.д. При этом обязательно оставлялась поляна для устройства общественных молений в тёплое время года.

За аулом на возвышенном месте располагалось кладбище. Кладбища всегда находились в рощах, заботливо охраняемых населением. Вокруг могил устраивались деревянные оградки, которые татарами назывались сарай, а тобольскими татарами — *ауле*. Оградки строились в основном из толстых брёвен в виде сруба или из досок. Внутри оградки в изголовье покойника ставилась доска с закруглённым концом, выступающая над поверхностью могильного холма примерно на 75-90 см. На ней масляной краской делались записи: имя, фамилия покойника, годы его жизни и изречения из

Корана. На эту доску прибивался деревянный или металлический полумесяц. За могилами татары не ухаживали. По их поверьям, уход за могилой может навлечь несчастье на родственников и близких покойного. Во избежание захода животных на кладбища они окружались довольно глубоким рвом или же забором.

Деревья с кладбища не использовались для хозяйственных нужд и не подлежали вырубке на дрова.

Печи. У тобольских татар печи для хлебопечения иногда складывались на дворе. Основанием для такой печи служил сруб в три венца (длина брёвен не превышала длины печи). Для предохранения печи от атмосферных осадков над ней устраивался навес. Органически связан с хлебной печью так называемый *казанлык* (*касанлык*). Это очаг, сложенный из кирпичей, поставленных ребром, с вмазанным в него чугуном котлом для варки пищи.

Главная часть жилища в татарском доме - *чувал* (*цувал*) - очаг с прямым дымоходом. Чувал сибирских татар представлял собой печную трубу из необожжённого кирпича, которая, расширяясь книзу, образует собственно очаг. Дрова в чувал ставились вертикально. Для того, чтобы дольше сохранить в жилище тепло от чувала, выходящая наружу труба чувала закрывалась дёрном, доской, обмазанной глиной, и т.п.

Пятистенные дома сибирских татар разделялись на две половины. Первая половина, в которой готовилась пища, называлась *кара ей* («чёрный дом»), а вторая половина - *ак ей* («белый дом»). «Белую половину» дома иногда называли *кунак ей* — «дом для гостей». С наступлением холодов в доме устанавливалась железная печка. В доме всегда устраивались *нары* (урынтык), служившие местом для сна, отдыха, принятия семьёй пищи. В домах бедняков и середняков нары застилались войлоком и покрывались домотканым безворсным шерстяным ковром (*урмэк*), а в белых половинах домов баев и мулл - бухарскими коврами.

Под потолком над хлебной печью устраивалось специальное место (*маул*) для сушки сырых дров зимой. Маул представлял собой два хорошо обструганных параллельных бруса длиной 1,5-2 метра, скреплённых с концов поперечными брусками шириной 30-40 см, брус прибивался к потолку. Вдоль передней и боковой стен к потолку подвешивались на ремнях чисто выструганная жердь, называемая татарами тоже *маул*. На такой *маул* вешали платья, шали, камзолы и другие лёгкие вещи.

В каждом доме имелся сундук (*сантык*), где хранились праздничная одежда, ценные вещи. На сундуке аккуратно складывались постельные принадлежности семьи.

В домах татар старшего поколения и сейчас можно встретить круглые низкие столы. Это был обеденный стол высотой 18-20 см, диаметром 90-100 см. За едой вся семья садилась вокруг стола, подогнув ноги под себя или «калачом».

Усадьба. Пространство усадьбы сибирскими татарами называется *ишек алт*, *йорт*. Наиболее распространённой формой застройки была п-образная. При такой застройке за жилым домом обычно следует крытый навес (*тубалек*), сарай, а далее идут конюшня, хлевы, овчарни, баня (*мунча*) и амбар (*итлек*).

Величина постройки зависела от социального положения владельца усадьбы. Крытые тёсом навесы, сараи, амбары, возведённые из толстых брёвен, высокие заборы (*койма*) вокруг усадьбы, тесовые одностворчатые и двустворчатые ворота были только у купцов и мулл.

Иную картину представляли усадьбы бедноты. Изба бедняка соединялась с надворными постройками временным, крытым соломой навесом. Амбар часто строился из плетней в два ряда, между ними насыпалась земля, крыша делалась плоской и покрывалась дёрном (*юнг*). Усадьба ограждалась плетнём (*урмэ*) или пряслом (*цитэн*).

Почти в каждом дворе имелся погреб (*пугрэп*), который зимой забивался льдом на лето. Воду возили в либо бочках, установленных на двукошках, либо её носили женщины на коромыслах из ближайшего водоёма.

Пища. Самой популярной пищей сибирских татар было мясо, также употребляли и растения, например, дягиль, борщевик (*палтырган*), корни сараны, горный чеснок или лук; широко употреблялись рыбные блюда; издавна употреблялись в пищу разные ягоды: клубника (*тукмак елэк*), земляника (*сойре елэк*), чёрная смородина (*карагат*), костяника (*кызылгат*), брусника (*вакция*), клюква (*аццыция*) и др.

Молоко употреблялось в натуральном виде. Из него приготавливали такие продукты, как сливки, сметану (*каймак*), масло (*май*), катык, творог (*эремчек*). Катык — продукт, напоминающий по вкусу кислую простоквашу. Катык, смешанный с молоком или сметаной, ели с хлебом или горячим картофелем как суп (*катык эцу*). Из катыка приготавливается айран

путём смешивания катыка с водой. Айран хорошо утоляет жажду в жаркое летнее время.

Животных и птицу татары по мусульманскому обычаю убивали путём перерезания горла. Кровь зарезанного животного татары не употребляли в пищу, она вытекала в предварительно выкопанную небольшую яму.

Мясо татары хранили в больших деревянных бочках, поставленных вертикально. На лето куски мяса солили, частью солёного мяса заполняли толстые конские кишки, делали колбасу (*казы*).

На приготовление казы в основном шла конина, самой нежной и вкусной считалась казы из мяса и сала жеребёнка.

Среди сибирских татар распространены супы: *онаш* (тонкая и широкая лапша), *салма* (клецки), *умай*, *цумара* и др. Одним из любимых блюд были пельмени (*шешпуре*).

Праздничным блюдом сибирских татар являлось традиционное узбекское блюдо - плов (*палау*).

У татар было распространено кушанье баурсак: круглые кусочки сдобного теста, жаренные в сметане. У сибирских татар баурсак имеет ряд разновидностей: *вак* (мелкий) *баурсак*, *косык баурсак*, т.е. мелкий, как *косык* (кедровый орех), *кэбэц баурсак*, т.е. баурсак в виде тюбетейки, *колак баурсак*, напоминающий ушную раковину.

Наиболее распространённым и любимым напитком сибирских татар был чай.

Спиртные напитки татары употребляли мало. Это объяснялось тем, что ислам строго запрещал мусульманам пить горячительные напитки.

Утварь. Традиционная национальная утварь татарского населения Сибири в дореволюционный период была довольно разнообразной. Утварь трудовых масс сельского населения изготовлялась из дерева, бересты, металла. К деревянной утвари татар относились: жернова для размола зерна (*кул тирмэн*), квашня (*кур цилэк*), кадушки для воды в полевых условиях, выточенные из цельного дерева, чаши разных размеров, предназначенные для разных целей (*цара*, *тегэц*, *аяк*), скалки (*уклау*), кухонные доски (*куна такта*), деревянные ложки, ковшики для воды.

Из бересты делались туесы (*тус*, *туз*) для хранения масла, сметаны и т.д., различных размеров и форм маленькие коробки для хранения мелких денег, женских украшений и т.д.

К металлическим изделиям относились медные

и бронзовые кувшины (*кусэ*) среднеазиатского происхождения, использовавшиеся для кипячения чая в полевых условиях. Как чайник использовался небольшой чугунный кувшин с узким длинным горлом (*танкан*) с ручкой. Для приготовления и хранения пищи использовались различных размеров чугунные котлы.

В предреволюционные годы среди татар значительное распространение получили самовары, фаянсовые чайники для заварки чая, чашки, чайные ложки (*бал кашык*), сахарницы (*шикэр савыт*) и т.д.

Среди домашней утвари наблюдается много предметов, заимствованных у других народов, но давно ставших органической составной частью материальной культуры татар.

Одежда и украшения. Этнокультурные связи сибирских татар с другими народами отчётливо прослеживаются в их одежде и украшениях. В дореволюционной литературе имеются очень скудные сведения об одежде татар.

Сибирские татары издавна шили свои одежды из материалов, сотканных из овечьей шерсти на собственных ткацких станках, а также из тканей, привезённых торговыми бухарцами из Средней Азии.

В конце XIX века в некоторых местах татары стали производить холст и начали широко использовать ткани фабричного производства.

До появления швейных машин одежду шили вручную, соблюдая национальные традиции и учитывая половозрастные особенности людей. Что касается качества материала, из которого шили одежду, то оно зависело от социального положения семьи.

Основным видом мужской верхней одежды служил камзол (*камсул*). Обычно его шили из сукна в талию, длина - чуть ниже колен. Камзол был однобортным, со стоячим воротником и застёгивался на 5-6 пуговиц. Петли промётывались.

Камзол шили на подкладке (*астар*), но её не подстёгивали. По бокам прорезали карманы.

У богатых татар воротник тёплого (стёганного на вате) бешмета¹ и его левая пола до пояса имели опушку из бобра, мерлушки² или котика. Богатые татары шили праздничные бешметы из парчи различных сортов, а также из других материалов, но всегда светлых тонов.

Во время полевых работ поверх рубашки носили сшитую из холста лёгкую одежду *шабур* (*шабыр*). Он шился так же, как камзол. Этот вид шабура

¹Стеганный полукафтан у татар и кавказских народов.

²Мех из шкуры ягненка (молодой овцы).

татары считали традиционным национальным видом одежды.

Из шерсти татары ткали материал для изготовления повседневной традиционной одежды *сукмэн* (*цикмэн*). По форме он напоминал камзол, но был длиннее его, и подол был несколько расширен.

Наиболее распространенным видом традиционной татарской мужской верхней одежды вплоть до 30-х годов XIX века было пальто, стёганное на вате. Воротник иногда имел меховую опушку. Среди татар широкое распространение получили длинная шуба и полушубок из овчины. Такие шубы обычно шились без воротника, застёгивались на 4-5 пуговиц и подпоясывались опояской (*пильбау*).

Свои опояски татары делали из бумажных тканей или изготавливали из шерсти на ткацком станке. В праздники они иногда надевали на бешмет широкий кожаный пояс, украшенный металлическими бляхами и широкой медной или бронзовой пряжкой.

Богачи из татар носили шубы на лисьем или волчьем меху. Среди зажиточных социальных слоев были распространены также шубы из шкур, снятых с лапок (*пычкак*, *поцкак*) лисиц и других зверьков. Такие шубы татарами назывались *поцкак тун*.

Праздничной мужской одеждой всех групп татар-мусульман был лёгкий среднеазиатский халат (*яктэ*, *чапан*). В дореволюционные годы при посещении мечети татары среднего и старшего возрастов надевали халаты.

В качестве праздничной одежды татарки носили платья с оборками (*пормэ*). Оборки нашивались в верхней части платья, на подоле в разном количестве. На праздничных платьях пожилых женщин по подолу делались мелкие складки в несколько рядов. Иногда вокруг подола светлого шёлкового платья нашивали ленту из шёлка тёмного тона шириной 4-5 см. Цвет такой ленты подбирался в зависимости от цвета платья.

Поверх рубашки женщины надевали камзол. Женский камзол имел покрой аналогичный мужскому. Он отличался лишь тем, что расширение к подолу было больше, чем в мужском камзоле. Женский камзол шился с рукавами, с прямым стоячим воротником, застёгивался он на 4-5 пуговиц, но татарки часто носили и камзолы-безрукавки (*ен-сес камсул*). Пожилые женщины обычно носили камзолы ниже колен, молодёжь носила камзолы

несколько короче. Камзол - одежда, которую татарки носили постоянно. Встречались камзолы на лёгкой подкладке, иногда стёганой, иногда меховой. Шились они из шёлка, атласа и бархата.

Богатые татарки шили из дорогих тканей праздничные камзолы с открытой грудью. Воротник, полы и концы рукавов таких камзолов опушались мехом.

Традиционной мужской обувью татар, обитавших в северных лесных и болотистых районах, были болотные сапоги (*царык*). Царык - это кожаная обувь с мягкими подошвами и голенищами, доходившими до колен.

Сибирские татары издавна носили *ичиги* (*ату*) - полусапожки, шитые из бараньей или козлиной кожи, с мягкой подошвой. Зимнюю мужскую и женскую обувь у татар составляли валенки (*пойма*).

Основным мужским головным убором сибирских татар и казанских татар-мусульман была тюбетейка. Зимой носили шапку-ушанку.

Полусферическая шапка, опушенная мехом, татарами называлась *кама бурек* (шапка из выдры).

Основным женским головным убором был платок. Татарки никогда не выходили на улицу с непокрытой головой.

К женским праздничным головным уборам сибирских татарок относились разные колпаки.

Сибирско-татарские украшения носили обобщённое название - шай, происходящий от арабско-персидского слова «шэй» (вещь, предмет).

К женским украшениям относились наконечники из просверлённых серебряных монет, разнообразные серьги (*сырга*), ожерелья (*муенцак*). Степень ценности украшений зависела от социального положения женщины. Женщины и девушки из богатых семей носили браслеты, кольца из серебра и золота высоких проб, золотые и серебряные перстни с драгоценными камнями, дорогие серьги, жемчужные ожерелья.

Национально-традиционные элементы материальной культуры татар обогащались за счёт заимствованных элементов из материальной культуры других народов.

В рамках обновленного многонационального демократического государства могли бы быть созданы реальные условия для возрождения материальной и духовной культуры и языка сибирских татар.

Литература:

Валеев Ф. Т. Сибирские татары: Культура и быт. — Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. — 208 с.

ПОИСКИ И ОПЫТ ПЕДАГОГОВ ЯНАО ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ВО ВНЕКЛАССНОЙ РАБОТЕ

Т.И. Прожирова

При обучении детей необходимо помнить, что одно из основных направлений — это воспитание любви к малой родине. Раньше работу в этом направлении мы называли краеведением, а теперь говорим о национально-региональном компоненте (далее «НРК» — Т.П.).

В современных условиях модернизации системы образования включение НРК в базисный учебный план ЯНАО является необходимым и актуальным элементом учебно-воспитательной работы в школе. Внеклассная и внешкольная работа по НРК также приобретает важное значение, так как создаёт большие возможности для углубления знаний о языках и литературах коренных народов Ямала и их истории, а также иных сведений краеведческого характера (например, знакомит с традициями, нравами и обычаями коренных народов, вводит детей в мир природы Ямала и человеческих отношений).

Каждое образовательное учреждение округа реализует НРК не только в рамках или посредством учебных предметов, но и с помощью внеклассной работы, содержание и виды которой необычайно разнообразны. Педагоги проводят различные по форме внеклассные мероприятия. Среди них — индивидуальные (помощь ученику в написании сообщений, рефератов, научных работ), *групповые и массовые* (общешкольные мероприятия).

Педагоги старших групп ДОУ, начальных классов, Центров национальных культур и Центров детского творчества муниципальных образований нашего округа практикуют проведение

— **утренников** («Люблю тебя, мой край родной!», Л.Н. Балина, Шурышкарский район, п. Горки; «Быт народов Ямала», Л.И. Родионова, г. Салехард, Центр детского творчества; «Планета детства», Г. Аюпова, п. Красноселькуп, Центр национальных культур; «Новогодние приключения Моченкат и Идэ», Шурышкарский район, с. Мужы, Центр национального творчества);

— **игровых программ** («Мы на Севере живём», Т.В. Петренко, г. Салехард, Центр детского твор-

чества; «Брейн-ринг», И.А. Яковлева, г. Салехард, Центр детского творчества);

— **конкурсов** (городской конкурс чтецов «Голоса Ямала», г. Салехард), инсценировок на лучшую иллюстрацию к произведениям ямальских писателей, стенгазет и т.д.; ежегодно в округе проходят Лапцевские чтения;

— **устных журналов** для учащихся 5-7 классов («Экологические беды Ямала», В.В. Кашаева, г. Салехард);

— **литературно-музыкальных композиций** («Великая Отечественная война в судьбе поэтов и писателей Ямала», А.П. Тройникова, г. Новый Уренгой; «Край, лежащий под звездой Полярной», Тихановская М.Н. и Шуть Л.Х., г. Салехард);

— **КВН** («Лесной КВН», Цикулаева Т.И., Надымский район);

— **викторин** («Счастливый случай», Шурышкарский район, с. Мужы, Центр национального творчества; «Наш край», Е.С. Сайдашева, г. Салехард, Центр детского творчества; «Знатоки», «Колесо истории», г. Салехард, Центр детского творчества, Округовой центр национальных культур;

— **кружков и факультативов**.

Иными по форме и содержанию являются постоянно действующие кружки и факультативы «Литературное краеведение», «Литература Ямала», «Культура народов Ямала», «Юные краеведы», «Топонимика родного края» и т.п., в которых учащиеся знакомятся с историей, культурой родного края, занимаются научной работой.

Наряду с кружками и факультативами в округе создаются различные клубы, которые имеют более сложное организационное построение: свой устав, руководящий орган (правление), различные секции. Члены клуба (учащиеся 5-10 классов) выпускают свои газеты, журналы, сборники. Например, в г. Тарко-Сале на протяжении многих лет успешно функционирует клуб «Пока горит свеча», созданный учителем русского языка и литературы Г.М. Багуцкой.

Помимо этого, педагоги организуют

— **встречи с интересными людьми** (писателями, поэтами, прославленными земляками);

— педагоги совместно с работниками библиотек практикуют **обсуждение популярных книг** ямальских писателей;

— **выпуск тематических газет, рукописных журналов** («Школьный вестник», г. Новый Уренгой, «Кругозор», г. Ноябрьск, «И я пою тебе, Ямал!», «Пуровские зарисовки», г. Тарко-Сале);

— **тематические экскурсии** (каждое образовательное учреждение проводит их в музеях, на предприятиях, например: обзорная экскурсия «Город Тарко-Сале: годы, люди, дела», «Салехард — столица Ямала» и др. В настоящее время на базе 88 образовательных учреждений округа создано 140 музейных школьных объединений. В музее МОУ СОШ № 1 г. Салехард собран богатый материал по истории школы с 1937 г. Музей неоднократно становился призёром конкурсов различного уровня, опыт его работы обобщён окружным музейно-выставочным комплексом им. И.С. Шемановского. (Руководитель школьного музея — Л.Ф. Колмакова.) Во главу учебно-воспитательной работы в школе п.Питляр Шурышкарского района поставлена поисково-краеведческая деятельность. Силами педагогов и учащихся создан музей финно-угорской культуры. На протяжении последних четырёх лет учащиеся Питлярской школы каждое лето принимают участие в археологических раскопках под руководством признанных археологов Ямала. Результаты находок анализируются и докладываются на научных конференциях.

В школах округа проводятся **научно-практические конференции** по краеведению (например: «К истокам земли Пуровской», научно-исследовательская конференция студентов и школьников «Ступень в будущее» и др.).

В последнее время всё большее значение придаётся городским (районным) и окружным **олимпиадам** по краеведению.

Представляют интерес действующие и создающиеся театры мод современной национальной одежды, **фольклорные ансамбли** (г.Губкинский, г.Салехард, г.Ноябрьск, Пуровский, Шурышкарский, Ямальский районы).

С 2003 года на муниципальном и окружном уровнях проводится фестиваль детского народного творчества «Все краски Ямала».

В г. Салехарде создана **детская краеведческая общественная организация «Родничок»** (президент городской организации обдорских краеведов — С.В. Шулинин).

Большинство учителей ведёт краеведческую работу, используя, как правило, только классные часы, беседы, встречи с интересными людьми, экскурсии. Такая «отрывистая» работа вряд ли может дать прочные систематические знания краеведческого характера. Освоение НРК лучше осуществлять не только в рамках учебных предметов, но и в форме спланированного и тщательно разработанного курса кружковой работы, факультативных занятий, мероприятий дополнительного образования. Систематическая работа по использованию НРК помогает воспитанию активной личности, развитию действенной любви к родному краю.

Список авторов

- 1. Баскаев Руслан Муратович,**
кандидат педагогических наук, начальник управления образования г. Салехарда,
заслуженный учитель РФ
- 2. Березина Ольга Леонидовна,**
кандидат педагогических наук, заместитель директора ЯНОИПКРО
по учебно-методической работе
- 3. Вануйто Галина Ивановна,**
кандидат филологических наук, заведующий кафедрой регионального образования
ЯНОИПКРО
- 4. Введенский Вадим Николаевич,**
кандидат педагогических наук, доцент ЯНОИПКРО
- 5. Весова Яна Александровна,**
кандидат педагогических наук, методист ЯНОИПКРО
- 6. Головичер Галина Валентиновна,**
заведующая информационно-методическим отделом ЯНОИПКРО
- 7. Попов Юрий Игоревич,**
кандидат филологических наук, доцент ЯНОИПКРО
- 8. Прожирова Татьяна Ивановна,**
методист ЯНОИПКРО
- 9. Уразаева Нюрхаян Неизбаковна,**
методист ЯНОИПКРО
- 10. Тихонов Сергей Евгеньевич,**
кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и методики
преподавания гуманитарных дисциплин национально-регионального компонента ЯНОИПКРО,
член Совета Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики
- 11. Тихонова Елена Борисовна,**
учитель русского языка, литературы, риторики и культуры общения, заведующий кафедрой
риторики и риторизации образовательной деятельности МОУ «Гимназия» г. Салехарда, член
Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики
- 12. Цымбалистенко Наталия Васильевна,**
кандидат филологических наук, доцент, зам. директора ЯНОИПКРО
по научно-исследовательской работе
- 13. Шапоренкова Галина Алексеевна,**
кандидат культурологии, директор ЯНОИПКРО

СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация	3
<i>Г.А. Шапоренкова</i>	
ПОДГОТОВКА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАК УСЛОВИЕ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМНЫХ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ	4
<i>Р.М. Баскаев</i>	
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	6
<i>Н.В. Цымбалистенко</i>	
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯМАЛА	10
<i>О. Л. Березина</i>	
ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ПОДГОТОВКЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	27
<i>С.Е. Тихонов, Е.Б. Тихонова</i>	
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ РИТОРИКИ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В АНТИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТИ	29
<i>Г.И. Вануйто</i>	
К ВОПРОСУ ОБ АДАПТАЦИИ НЕНЕЦКИХ ТОПОНИМОВ	35
<i>Г.В. Головичер</i>	
ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА	37
<i>В.Н. Введенский</i>	
СУЩНОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ КАК НЕРАВНОВЕСНОЙ СИСТЕМЫ	42
<i>Я.А. Весова</i>	
РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ	52
<i>Ю.И. Попов</i>	
ФРАНЦУЗСКИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ О КУЛЬТУРЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯМАЛА	59
<i>Н.Н. Уразаева</i>	
СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ: КТО ОНИ?	65
<i>Т.И. Прожирова</i>	
ПОИСКИ И ОПЫТ ПЕДАГОГОВ ЯНАО ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ВО ВНЕКЛАССНОЙ РАБОТЕ	69

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Издание Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа

ВЫПУСК 6 (37)

2005 г.

Департамент образования Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа

Подписано в печать 16.12.2005 г.

Формат 60х84/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8.83

Гарнитура «Тех Бук». Заказ 1653. Тираж 500 экз. Сверстано и отпечатано в ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север».
г. Салехард, ул. Республики, 98.
